

Артем Истомин Стражи Арктиды

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12106772
Стражи Арктиды. Роман-фантазм: Грифон; Москва; 2014
ISBN 978-5-98862-171-3*

Аннотация

Если кто-то сумеет применить в двигателе воду вместо бензина – изобретателя убьют. Если кто-то изобретет машину времени – тоже. Если кто-то изобретет таблетку молодости – присвоят. Человеческая мысль, изобретения, мечтания – все отдано на усмотрение паханов. Этих паханов, засевших в самой-самой демократичной державе, боятся президенты и премьеры, а не будут бояться – их тоже ждет смерть. Маньяки с миллиардными состояниями уничтожают страны и души – это их прибыль... Не правда ли, знакомая картина? Но и это еще не все!

В художественном смысле это – современный фантастический роман, который основан на убежденности автора в том, что люди – жертвы колонизации Земли другой цивилизацией, причем и в историческом масштабе, и в современном. Люди – энергетическая пища «богов», с доисторических времен останавливающих развитие человечества на определенных этапах. В начавшейся борьбе исход этой схватки никому не известен...

Земля становится ареной схватки не на жизнь, а на смерть – страшных, безжалостных рептоидов и людей. Исход этой схватки никому не известен...

Для любителей фантастики.

Содержание

Часть первая	5
1	6
2	16
3	26
4	35
5	44
6	52
Часть вторая	60
История первая	60
7	60
8	78
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Артем Истомин

Стражи Арктиды

Роман-фантазм

Все права защищены. Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами и в какой-либо форме, в том числе в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Истомин А., 2014

Часть первая Россы

*«Ты или охотник, или дичь, или действуешь, или устало
плетешься сзади».*

Фицджеральд Фрэнсис Скотт

1

На краю площади, недалеко от входа в супермаркет, стояла худенькая девчушка. Вроде как лет четырнадцати. Перед ней – людской муравейник, все куда-то спешили, нервные, переполненные заботами. Никому не было дела до одинокой симпатичной девчушки.

Вскоре Натка направилась к полицейской машине, там капитан балагурил с дамочкой.

– Вы капитан полиции, я не ошибаюсь? – заглянула в приоткрытое окошко.

– И чего тебе? – недовольно спросил капитан.

– Я ничего не помню... – притворно потупилась. – Кто я, где я? Вы не поможете?

Молодой капитан изучающе осмотрел черноглазенькое чудо.

– Пока, Маришка, – кивнул женщине. – А ты садись на ее место, – строго взглянул на девчонку. – Отвезу тебя в отделение, там разберемся. Девка, – нажал на газ, – но если ты вздумала мне мозги пудрить...

– Мозги пудрить? – задумалась Натка. – А как это? Мозги пудрить, – удивленно взглянула на капитана, – научишь? – но неожиданно подалась вперед, автомобиль резко остановился.

– Ах ты, сопляк! – выскочил капитан из машины и выдернул из потока людей юнца.

Натка присмотрелась и усмехнулась. На худом акселерате болталась черная майка с надписью на груди: «Все плохо. Я сегодня кого-то убью».

– Начни с меня, – набычился капитан. – В машину, стервец! В отделение...

– Да это же, – заартачился молодой, – просто слоган... Майка! Я, когда болею за «Локо», ору: «Баба, покажи фанатам сиськи!» И за это арестуете?

– А-а, ящик водки, море пива, я фанат «Локомотива»... Я тебя упеку по экстремистской статье. Угроза убийством. Руки! – выхватил капитан наручники.

– Да что вы творите?! Братя, помогите! – завопил юноша.

Полицейский «форд» двинулся дальше.

– Итак, – подмигнул девушке капитан, – вот ты ее собирался убить... – угрожающе зыркнул на парня. – В отделении сострояем протокол, жертва подмахнет заявление, и ты – на нарах, где уже будут убивать тебя.

– Да вы какой-то живодер, – прошептал дрожащими губами юнец.

– Слушай, – вдруг повернулась девушка к юноше, – подари мне свою майку, а? Точно: все плохо. А я тебя за это освобожу...

– Да ладно... – шморкнул носом «убийца». – Вот, – выставил наручники.

– Стоп машина! – негромко произнесла, но как-то так, что капитан нажал на все тормоза и замер. – Сними с мальчика наручники, – уставилась замершим, но с тлеющей искрой, взглядом. Но капитан, вместо послушания, потянулся к кобуре с табельным... – Ага, – усмехнулась Натка и напряглась взглядом, глаза полыхнули, – хватай свою дешевку, стреляй!

Капитан, сомнамбулой, ткнул стволом девушке в лоб.

– Полные психопаты, – прошептал парень. – Ходу! – щелкнув ручкой, открыл дверцу и рванул в сторону.

– Назад! – остановил его окрик. – Гони майку! И побыстрей, пока не обмочился. А ты, – не отводила взгляд от капитана, – взвел оружие – стреляй.

И капитан послушно нажал на курок. Но выстрел замер внутри «ПМ».

– Молодец, – глухо подытожила девчушка, – страж поганый... Отдай! – вырвала из ослабшей руки пистолет, сунула в кобуру полицейскому. Из бокового кармана вынула ключик. – Подойди ближе... – отщелкнула наручники у юнца. – Давай майку!

– Да подавись! – сорвал тот майку и бросил в лицо девушке. – В дурку вас всех! Я точно кого-то сегодня убью... Вот с-суки! Шел, никого не трогал...

А тем временем Натка с довольным видом нацепила поверх своей замызганной «футболки» еще и «убийственную» майку болельщика «Локо».

– Очнись, – слегка ткнула пальчиком капитана в лоб. – Так куда мы направляемся? – невинно спросила.

Капитан очумело пооглядывался, уставился на наручники, покоившиеся на коленях.

– Извини, это я тебя? – удивился. – Ты кто такая?

– Не помню, кто я такая... В отделении ты обещал разобраться.

– Ага... Вспомнил. А куда делся тот чудака с майкой?

– Теперь я экстремистка, – гордо выпятила грудашки девушка.

– Ага... Теперь ты? Ну-ну...

В отделении столкнулись с полковником.

– Карамышев, это что за пугало? – ткнул пальцем в Натку. – Давай колись, только не пудри мне мозги.

– Да что же это такое?! – вскрикнула девушка. – Вам что, делать нечего? Только и делаете, что друг другу мозги пудрите?

– Ну? – уставился полковник. – Ты, соплячка, – взглянул на майку, – убивать собираешься?

«И тут внедрение будет долгим», – оглянувшись, отметила окошко дежурного и клетку с толстыми прутьями напротив.

– Я предлагаю следующее, – решительно заявила «соплячка», – некогда мне тут пудриться... Посадите меня в клетку, запирайте. Через минуту я выйду и, если хотите, усажусь в кресле в вашем кабинете, – взглянула на полковника.

– Сдай дежурному, пусть вызывает кого-то из психушки. Бардак! – проворчал командир.

– Слушаюсь, – уныло ответил капитан.

Натку впихнули в клетку, заперли.

– Сама напросилась, – заметил крепкий, лет тридцати, полицейский. – А теперь хныкать будешь? Ха, экстремистка...

Капитан оглянулся к дежурному, отдавая ключ. Напоследок взглянул на клетку и замер.

– Майор, – очумело произнес, – где девка?

– Вот это да! – отозвался тот. – Карамышев, мы сегодня не пили – это точно. Может, ты хреново запер?

Вопль из коридора заставил обоих вздрогнуть.

– Карамышев, я тебе что сказал!? Убери девку!

Капитан рванулся с места, вбежал в кабинет полковника.

Натка, похоже, рассердилась не на шутку.

– Встань! – устала на начальника. – Я сяду на твое место, как обещала.

– Это что? – вздрогнул грозный полкаш, но, тараща глаза, встал.

– Отойди! Мешаешь...

Полковник отскочил, а Натка спокойно уселась в полковничье кресло.

– Капитан, – строго произнесла, – ты хорошо запер клетку, не переживай. Я перешла в бесплотное состояние, можешь меня запирайте хоть до скончания века. Я вам тут сейчас покажу такую психиатрию, до конца жизни вспоминать меня будете.

– Точно, – выдохнул капитан. – Это... – помедлил, – полный закидон... Вот ржачка будет, когда узнает все отделение.

– Не смей, Карамышев! Совершенно секретно, понял? Чего только не повидал в этих грешных стенах, но чтобы такое...

Натка, насупленная, сидела в полковничьем кресле. «Кажется, внедрение получается», – с некоторой тревогой подумала.

- Девочка, ты того... – начал полковник, шаря глазами по Натке. – Ты чего? Ты кто?
- Я росска, подростковое изумительное создание.
- Вижу, вижу... И чего ты хочешь?
- Докладывай выше...
- Доложу. И что?
- А те еще выше...
- Зачем? Чтобы руководство усомнилось в моем психическом соответствии?
- Полковник, людям запудрили мозги такие монстры... Я вам буду мозги распудривать.

Все действительно очень плохо.

- Ну, Карамышев, удружил, – сник полковник.

Лужайка, вся в цветении ромашек, в островках алых соцветий кипрея, наполненная июньским солнцем, жужжанием пчел, басовито низким полетом шмелей и мелькающих зеленоватых больших мух, располагалась в окружении пригородного леса. С северной стороны лужайка заканчивалась крутым склоном, внизу протекал, нет, не ручей, какой-то городской сток, слева – неширокая речка, справа – заросшая травой дорога в город.

Под деревцом стоял черный внедорожник. Недалеко от него бегала странного вида собака, с рычанием хватаящая то брошенную палку, то мячик. Бросал палки юнец лет пятнадцати с незаметной внешностью, с равнодушным взглядом. Невдалеке на подстилке лежал бритоголовый мужчина, хмуро просматривающий отпечатанные на принтере листы, рядом – усталого вида, начавшая полнеть женщина, с тревожным взглядом поглядывающая на собаку. А поглядеть было на что. Создание с длинными ногами дога, но с мордой бульдога, правда несколько вытянутой, с выступающими клыками, большими, ослепительно-белыми и острыми. В маленьких, заплывших в складках темной кожи глазках таилась угроза. С губ стекала слюна, монстр тряс мордой, с глухим рычанием стряхивая, и носился на длинных пятнистых ногах.

- Как я боюсь и ненавижу твоего пса, – произнесла женщина.
- Ненависть-то свою припрячь. Свэн почувствует и может растерзать.
- Ты не для этого время от времени выпускаешь его из лабораторной клетки?
- Свэн – выдающееся достижение. А ты лучше помалкивай. Гляди, – приподнялся, – какой соискатель топает от речки...

Женщина всмотрелась и с тоской отвела глаза.

Соискатель даже издали не был незаметным. Значительного роста мужик, с плечистой статью, шагал резко, быстро, независимо, будто этот мир априори принадлежал ему.

- Настоящий мужчина, – с легким вздохом произнесла женщина.

– Настоящий?! – негромко вскрикнул бритоголовый. – Да это же таракан! Выскочил из своего вонючего логова, в сумерках, экономя электричество, жрут, пьют самогон, в сумерках плодят детей, а те потом в тех же сумерках так же жрут, пьют и трахаются. И это было – настоящий? Этим миром правит страдание, и этот «настоящий» – расходный материал.

- Ему скажи, – кивнула на стремительно приближающегося мужчину.

- И скажу, – сквозь зубы тихо произнес бритоголовый и вполголоса позвал: – Свэн!

Собарь замер и, бросив палку, рванул к хозяину. И хозяин указал пальцем и с гипнотическим повелением приказал:

- Фас!

С глухим рычанием, с оскаленными клыками неслась тварь. Алк замер. «Какая-то мразь натравила», – успел подумать.

Взвились в прыжке одновременно, еще в воздухе собарь получил оглушительный удар ногой, отлетел в сторону, но тут же распластался в воздухе в последующем прыжке. Алк упал на спину и снизу вогнал в брюхо псины носок кроссовки. Свэн утробно застонал и поднялся

только на передние лапы, глухо отпрыгнул. Возможно, противники на этом и разошлись бы, собарь, получив неожиданный отпор, не спешил бы нападать, но сзади прозвучало:

– Фас!!! Разорвать! Фа-ас!

И гибрид в слепой ярости взвился в прыжке, выставив когти, раскрыв страшную пасть.

«Фас?» – взъярился Алк, выхватил компактный, смахивающий на обычный пистолет мини-лучемет и всадил импульс в псину. С прожженной дырой в теле Свэн рухнул.

Алк, внутренне насторожившись, натянув на всякий случай черную спецназовскую маску на голову, двинулся в сторону невзрачного мужичка, замершего в ступоре.

Скорее всего, у бритоголового сработал безотчетный инстинкт страха, он сорвался с места и слепо бросился бежать в сторону крутого спуска к «ручью». Мужик находился в явном неадеквате: вместо того чтобы просто перепрыгнуть заросший чередой сток, он растерянно бегал вдоль воды, будто перед ним находилась непреодолимая преграда. Сильная рука опрокинула бритоголового на спину, тот отползал, перебирая за спиной руками, отталкиваясь ногами, и озлобленно вполголоса выкрикивал:

– Ты будешь корчиться, просить милости, – и, словно очнувшись, отряхнулся, холодно молвил: – Свэн – удавшийся представитель перспективного волнового направления. Вы убили работу пяти лет... И за это жестоко поплатитесь.

Алк за горло прижал к земле угрожавшего ему психа.

– Почему натравил? – низко склонился над брезгливо-надменным лицом.

– Изволь, – прохрипел тот. – Отпусти горло! – Сел на травяной бугорок, заговорил: – Миром правит страдание. Этим миром... Этот факт не следует выпячивать, нужно возносить любовь и сострадание. Что и делают... Так? Есть элита, есть повелевающие, есть исполняющие. Это объективно и понятно, если без демократических прикрас и, как правило, для многих, несбывшихся надежд. А получается вот что... Ты, тараканище, напряги воображение, представь, скажем, войско крестоносцев, с именем милостивого и справедливого Христа, вопя о любви к ближнему, но не к тем, кто осмеливается почитать кого-то другого, эти христианские воители все сметают и сжигают на своем пути, расчлениают беременных женщин, выкалывают глаза нехристианским детям, безжалостно уничтожают войско басурманов, мечом, копьем, пращей, стрелами, топорами уничтожают всех, кто не исповедует любовь и святость их веры. Люди корчатся от ран, умирают медленно поодиночке и сотнями, тысячами... Время истинного страдания! Тупое, слепое страдание, энергия страдания питает высшего плана сущностей. Так было... А теперь что? Скорострельный пулемет разметаёт тело в секунду, ракета за тысячи километров может испепелить континент. Люди исчезают мгновенно... Где истинное страдание? Где медленное, невежественное и оттого сладостное страдание, питающее высшую расу? Долой атомную бомбу и любовь – меч, шипастая булава, пещера и разврат! Направленная комета, астероид, изменение материального кода жизни материков – вот что вернет истинное страдание.

– Вот только при чем тут твой Свэн?

– Это не для твоего ума, быстро владеющее своей реакцией быдло. Я сказал – Свэн дорог тем, что это не клонированный генетическим беспределом зверь, а новейшая моя разработка совместимости вибраций полей. И если это осмыслить, миллионы таких таракашек, как ты, можно соответствующими генераторами превратить в убивающих друг друга животных. Без бомб и пулеметов, голыми руками они будут разрывать подобную себе плоть – вот возврат истинного страдания в современном мире. Инфразвук, вирусы – недоразвитые потуги влияния на сознание. Мир перенаселен потенциальными рабами.

Наверху склона показались женщина и юнец.

– Все в порядке, – заверил их гений, – учу уму-разуму эту быстро бегающую протоплазму первично-примитивного мышления.

Женщина передернулась в гадливой гримасе, поджала губы.

– Вот только кто у вас окажется учитель? – отозвалась.

– Свэна жалко! – вскрикнул юнец. – Я звякнул, мчит охрана, Свэн не справился...

И вот тут произошло что-то совершенно неожиданное. Липовый спецназовец исчез, что-то муторошное протащило «гения» к свежим коровьим лепешкам и стало втыкать того благородной мордой в коровье дерьмо. Смачно, с иступленным размазыванием дерьма по всей физиономии и голове, а напоследок что-то разжало челюсти прогнозику страдания и впихнуло дерьмо в рот.

В шоке и страхе «гений» сглотнул.

– Такое не прощается, – прошептал долговязый юнец, пораженный увиденным.

– Зато запоминается, – назидательно молвила мама.

Сын сузил глаза.

– Ты доиграешься! – холодно отозвался.

Над обрывом взвизгнули тормозами три черных внедорожника, выскочила вооруженная охрана. Бегали, кричали, кого-то ловили, но окончилось тем, что в авто был вброшен «гений» и Свэн и они укатили. Вскоре из-за кустов выкатил тихо урчащий внедорожник, за рулем – сдержанно, но довольно улыбающаяся женщина.

Первым вскрикнул юнец, инстинктивно оглянувшись. На заднем сиденье вальяжно развалился здоровенный все тот же «спецназ» в маске, блестели в прорезях черные глаза, вызвавшие ужас и смятение у юнца и женщины.

– Продолжаем движение, – негромко предложил Алк, – я вас не трогаю, и вы делайте вид, что меня здесь нет.

– Примитивная тупая морда, чего тебе надо? – зло выкрикнул юнец.

– Расскажи, – уставились гипнотически черные глаза на затылок женщины, – что знаешь. Покажи строение, в котором они проводят свои опыты. Кто они?

– Знаю я немного... Строение – обычный, не шикарней других коттедж, но под зданием находится оборудование и лаборатории. Мой муженек вначале был обычный талантливый ученый, физик. Затем вдруг с маниакальной одержимостью начал бредить генетикой и какими-то полями... Вначале. А затем помешался на глобальном страдании как залого эликсира вечной молодости. Ныне модно завидовать девяностовосьмилетнему Рокфеллеру... Нечеловеческий раздел: кому эликсир молодости, кому вечное страдание.

– Кто финансирует работы? Не Рокфеллер же...

– Да, деньги немалые. Взять хотя бы подземелья... Дорого оплачиваемая охрана. Если попал в качестве работника или подопытного – ты нужен пока нужен. Кто финансирует – не знаю. Кто позволяет подобное – не знаю.

– Коттедж далеко от города?

– Матеня, заткнись! – запаниковал юноша.

– Спать! – резко приказал Алк. Юнец засопел, только время от времени беспокойно дергались веки. – Далеко ехать? – спросил «соискатель».

– Скоро подъедем... Забор непреодолим, через каждые десять метров тщательно замаскированные видеокамеры, лучи автоматически уничтожают даже проникающих птиц. Иногда, словно из-под земли, являются те, для которых люди – скоты в их личном стаде. Геродот оставил после себя фразу: «Никого не зови счастливым, пока он не умер». А умер – осчастливился, да? Живешь себе и живешь, и постепенно замечаешь, что прогресс почему-то оборачивается деградацией человеческой личности, возникают какие-то фальшивые ценности, следовательно, после смерти деградирует и душа. Кому-то это нужно? А ты живешь и думаешь, что неповторим и самостоятелен. В авто – скрытые камеры, нас давно слышат и видят. Ты, незнакомец, нужен им живой. Они очень удивлены, ведь муженек сейчас отрывает навоз. Что надумал? Ты в ловушке, будешь брать нас в заложники?

– Ну и ладно. В ловушке так в ловушке.

– Будут пытаться с применением всех способов воздействия. Ты слишком самонадеянный, мне жаль тебя. Открылись ворота, въезжаем...

Два кольца спецназа, вооруженного обычным оружием и лучевым, окружили внедорожник. Никто не торопился выходить. Женщина затормозила сына.

– Не старайся. Пока я не прикажу – он будет спать. До полного истощения и смерти.

– Вот как?! Да ты тот же монстр... Кто ты такой?

– Прошу, – усмехнулся мужик в гражданской одежде, открывая дверцу авто, – выходи, случайный соискатель... Мы люди мирные, если к нам с миром.

– Проснись, – толкнул юнца «соискатель». Тот вскочил, отбежал и приказал:

– Нужно во что бы то ни стало снять параметры. Странный соискатель!

– Подойди, – приказал юнцу Алк. Тот сник, подошел. – Вы снимаете вибрационно-волновые параметры, чтобы потом через генератор обрушить это убийственное страдание на неугодных и излишнюю массу быдла, так? Отвечай!

Повеление было действенным, сероглазый на миг растерялся от удивления, когда юный теоретик поник и подтвердил:

– Да, это так. Мы с папой уже было поверили, что достигли соответствующей концентрации, но оказалось – лишь для отдельных индивидуумов, для масс недостаточно. Нужны или более действенные усилители и излучатели, или сжатое в полевую точку более интенсивное изначальное страдание. Похоже, ты, незнакомец, нам и нужен... Во всяком случае, теперь понятен путь.

– Но для этого меня нужно взять. – И исчез. Но недалеко. Притаился внутри помещения.

«Преграду в виде лучевых резакон у забора мне вряд ли преодолеть... Очень рискованно. Это Натка их проучила бы, входя в бесплотное состояние, а у меня лишь кокон. Максимум – могу перейти в боевой кокон и время от времени их уничтожать. Но у них лучеметы... Слишком продвинутая фирмочка... Так я кто теперь, охотник или дичь?»

А тем временем сероглазый зычно разбивал охрану по парам – лучемер и обычное вооружение – и отечески напутствовал:

– Он нужен живой. Лучемером жечь пространство, отсекал передвижение, пулями бить по ногам. При любом исходе соискатель должен предстать живым. Марш! Поиск активный, задействовать все датчики движения и не зафиксированные ранее полевые вибрации. Вперед! Десять минут на поиск и задержание, – усмехнулся вожак.

Тут же слегка заметный вихрь прошел сквозь сероглазого, тот рухнул с вывороченными кишками и мозгами. Со второго этажа прозвучал зычный окрик:

– Прекратить! Эта неизвестная формация уничтожит нас... Охрана, принимайте фургон с соискателями. Я попробую договориться с этим типом, – объяснился бритоголовый.

«Фургон с соискателями? Незафиксированные полевые вибрации... Выходит, могут обнаружить и сжечь меня. Влип я по самые... Не вызывать же Натку, девочка по горячке уничтожит тут всех и вся. А потом занает: „Почему ты меня не остановил, сила в информации“. Да и вызови ее...»

А тем временем приоткрылись ворота, под защитой настороженной охраны быстро въехал вместительный белый фургон.

– Эй, – возник рядом с бритоголовым, – ты так светишь лысым блеском, привлекает. Коровье дерьмо я тут не найду, поэтому говори, договаривайся. Идет? Только не начинай с вопросов, кто я да откуда? Сразу начни со своих козырей.

– Они действительно козыри, – мрачно отозвался «гений», – смотри не промахнись. Идем поговорим... Обожди. Эй, – позвал столпившуюся около фургона охрану, – уберите эту груду костей! И доставьте в мой кабинет жену и Сергея.

Вошли в светлый, скромно обставленный кабинет на втором этаже.

Зашла женщина с циничной усмешкой и настороженный сынок. Сергей задумчиво рассматривал незнакомца, который медленно стянул с головы маску.

– Ты завалил Барракуду, – с растерянной, но угрозой в голосе молвил юнец, – он прошел все горячие точки без единого ранения, а ты...

– Я таракашка, – подсказал.

– Да нет, ты не таракашка. Весь вопрос теперь: как тебя превратить в таракашку? Тебе не уйти. Возможно, мы тебе не преграда, но уже подымается сила непреодолимая...

– Тогда я успею! – метнулся, отшвырнул отца и сына к женщине. – Так где же козыри? – слегка двинул «гения» в живот.

Тот скорчился и с ненавистью ответил:

– Сергей глупый, юнец... Я тебе не угрожаю. Хочется, конечно, знать: откуда ты взялся такой борзый? Но это не суть важно. Важна сила и страдание... Страдание одних обеспечивает процветание и вечность другим. Силу ты имеешь, а страдание...

– Ты мне обеспечишь?

– Нет. Ты сила, а сила в этом мире – носитель страдания. Мир этой грешной земли испокон веков пропитан страданием: или страдаешь ты, или наблюдаешь, вначале, а затем упиваешься страданием несовершенного человеческого материала, у которого нет ни земной, ни космической перспективы. Познав силу переходов из мира в мир, ты сам поневоле начнешь творить страдание, потому что ты сила.

– И почему мне уготована такая честь?

– Наша аппаратура, весьма совершенная и единственная в своем роде, не может пробить твоё сознание, коснуться его, создав любую телепатическую иллюзию. Ты свободен, пока не столкнешься с еще большей силой, которая заставит тебя страдать. Не важно, каким способом: под видом добра и любви или непосредственно всеподавляющей силой.

– Но мои предки жили в любви, уважении к друг другу, не знали болезней, раннего старения и насильственной смерти. Первая плеядианская раса, утвердившаяся на теплом Северном полюсе, где в действительности росли те, как бы сказочные, молодильные «яблоки». Раса, которая счастливо жила, никого не завоевывая, и давала жить другим.

– Но какая-то сила прервала эту идиллию, их наверняка поглотило страдание. Так?

– Кто смог – ушел на юг. Россия, Эллада, в значительной степени Индия и даже индейцы Америки – плоть продолжение рода летающего народа Гипербореи.

– Вот видишь, индейцы вымирают в страдании, их, наивно-доверчивых, спаивали и отстреливали более жестокие прихватчики. Индия перенаселена и больше живет прошлым своих великих богов. Греция корчится в кризисах. Какая-то неумолимая, корыстная и жесткая сила все же заставила их страдать. Страдание – величайшая, первичная, непреодолимая вибрация этого мира. И тут слова – тьфу. Идем в лабораторию... Как я начинаю понимать, ты из древнейшего племени, праматерь народов, праматерик, находящийся за Бореем – Северным ветром. Из времен, когда на полюсе росли ореховые рощи и плеядианский фрукт, продлевающий жизнь. Как я понимаю, фрукт, который задавал программу обновления и стволовые клетки восстанавливали организм. Ваше племя процветало, никто не решился бы напасть на вас, покорить. Культ Аполлона Гиперборейского, затем, после якобы природной катастрофы, другой наклон оси Земли, похолодание. Значит, бывшая Арктида, Даария, северная сторона Россов, Расея, Русь. Все правильно, я что-либо упустил?

– Упустил... Так в лабораторию?

– Подожди... Что же я упустил? Меру! Да, исполинская пирамида, священная гора Меру в центре Северного полюса, она и сейчас под водой, вершина в нескольких метрах от поверхности. Вот откуда вы черпали неиссякаемую энергию и знания. Последующие пирамиды, скажем, Египта – никчемная пародия вашего могущества и падения. Потом, лишенные Тонкой энергии и своего молодильного фрукта, вы одичали. Как ты попал в наше, переполненное страданием, время?

– Смешно... Я же сказал: летающий народ.

– Ага... Из глубин. Звездных? Допустим... И вот тут самое время – в лабораторию. Ибо вас сила хоть и не покорила, но рассеяла, вас добивали в Южном Урале и Мохенджо-Даро, испепеляли, как тараканов, ядерными бомбами, и вот вы вновь явились... Разведчик?

– Давай в лабораторию...

Спускались вниз на лифте. За стеклом – или чем-то другим – поникшие, встревоженные мужчины и женщины, подростки.

– Извини, – оглянулся бритоголовый, – мы наденем защитные шлемы, нам работать, а ты и так защищен, твое подсознание – табу, мы искали, его будто нет, поле поиска и подавления не чувствует его. А без лазейки в подсознание – сознание недоступно для наших полых вибраций. Получается, нам рано торжествовать, нам еще работать и работать. Смотри сам, вот сюда стань правее, так лучше будет обзор. За стеклом – обычные люди, да?

И тут почувствовал опасность. Но он слишком был внимателен интеллектом, опоздал. Юнец нажал кнопку, навалилась невероятная усталость, свинцовые ноги, руки немеют, потянулся к лучеметам за поясом, не получилось. А сознание было ясным...

– Вот так мы его! – хихикнул Сережа-юнец. – Вот сюда стань правее... Умора, – злобно захохотал. – Батяня, уведи у него на всякий случай «лучи», мало ли чего...

Женщина слишком явственно начала небрежным шагом передвигаться к терминалу.

– Останови! – вскричал сынок. – Батяня, ее давно пора проучить.

Бритоголовый, с мерзкой усмешкой, протянувший было руки к «лучам», метнулся к женщине, ударил ее по лицу, из носа хлынула кровь.

И тут из низа, в переливающемся защитном коконе, всплыла фигура рептоида. Под метра три чешуйчатый исполин зеленовато-серого цвета, с чуть вытянутой мордой, напоминающей змеиную, с большой безволосой, чуть вытянутой назад головой с боковыми шипами, с спокойными и внимательными округленными, без век и ресниц, желтоватыми глазами. Немигающие глаза гипнотизировали, у паренька и бритоголового под этим взглядом прерывалось дыхание, женщина безвольно опустилась на пол.

– Я действительно не могу коснуться твоего сознания, – приблизился рептоид, – только по этой причине тебя следует немедленно уничтожить. Но хочу насладиться твоим отчаянием, ненавистью, в конечном итоге страданием.

– Я слышал, – отозвался он упавшим голосом, преодолевая сухость горла и губ, – вы начали давать людям интервью... Lasserta, я, мол, женская рептилия, принадлежу к очень старой расе reptilians. Мы, родные земляне, живем на этой планете миллионы лет. Нам поклонялись египтяне, инки и многие другие племена. Христианская религия неправильно истолковала нашу роль, мы, мол, «злая змея». Но это не так! Человек – Венец создания, а мы скрываемся и живем ниже земли. Так?

– Да, – произнес рептоид с высоким тембром голоса, – полтора миллиона лет назад другая внеземная разновидность достигла Земли. Вы называете их Элохим. Они не нуждались в водороде в вашей воде и атомарном кислороде вашей крови. Несмотря на наше присутствие на планете, пришельцы начали помогать вам развиваться быстрее.

– Рептоид, почему предстал в натуре, ты же запросто телепатически можешь заставить видеть тебя как одного из нашего человеческого вида, стимулируя образ в уме. Страдания, войны – система бедствий, естественные, мол, для человеческого вида. Капитализм – про-

грессивное развитие, просто человек – жаднейшая скотина в мире. И ни слова о том, что капитализм делает человека рабом денег, извлекая выгоду в угоду немногих в ущерб остальных. Да еще церковь, которая изначально делает человека грешным. Кайтесь, просите милости, кротость – залог вечной жизни.

– Да ты ошибаешься, борей, – возмутился рептоид, – Элохим убедили людей, что мы злые существа и люди нам гласно и негласно подчинены. Они взяли несколько тысяч обезьяноподобных и через сотни лет привезли большее количество с увеличенным мозгом и измененной структурой тела. Элохим прилетали несколько раз и ускоряли скорость вашего развития, однако область незащищенного сознания не тронули...

– Не успели! Вы развязали войну с применением всех видов вооружения.

– Да они сами начали воевать друг с другом, некоторые из их групп считали, что создание снова и снова человеческой разновидности не имеет смысла.

– Но Элохим применяли звуковое и вакуумное оружие, разрушая ваши подземные города, вы – термояд, рассеивая радиоактивную заразу и ужас людей.

– Но мы колонизировали Землю раньше, чем они начали свой проект развития вашего вида. Да, мы сдвинули орбиту астероида и ударили по Гиперборее, ибо вы вступили в союз с Элохим. Война – это война, историю творит победитель.

– Вы ударили по Арктиде, найдя повод, чтобы окончательно породить страдание, уничтожая процветающую и счастливую жизнь росс. А сейчас вы творите интервью, разглагольствуя о том, какие вы безвинные и отверженные, не помеха людям. Только нет там ни одного вопроса о том, чем же вы питаетесь, имея многотысячные подземные города. О системе подземных пустот на двух – восьми километрах от поверхности – пожалуйста, о гравитационных светильниках – пожалуйста. А когда на Кольском полуострове пробуравили многокилометровую скважину и слышали вопли и стоны людские... Вы из людских душ отжимаете гаввах, вашу тонкоматериальную энергетическую пищу – об этом ни слова, вешаете чушь людям о грехах, Аде и Рае.

– В жизнь росс Арктиды вмешались Астрейцы, влиять на твой мозг, росс, – повреждать свой. Итак, продолжим дискуссию там, – указал вниз, – авось мы еще друг другу согдимся. Но освобождения не жди. Я проголодался... Ты стой истуканом, а этот юноша, – чуть развернулся к Сергею, – накажет женщину, она не раз была предупреждена. Ее страдание частично утолит мой голод.

Сергей схватил за волосы мать и поволок, а затем толкнул, да так, что женщина, удравшись спиной о край металлического стола, застонала. Сынок, разгораясь взглядом, сопя, повалил ее на стол, обхватил ей запястья и ноги зажимами.

– Ты будешь ее насиловать! – приказал рептоид.

Сынок на мгновение замер, женщина в ужасе закричала:

– Сына мой, я же твоя мать!

– Давай активней, – командовал чешуйчатый, – а ты, – ткнул трехпалой кистью в бритоголового, – запускай процесс и питай Кристалл.

Люди за стеклом вдруг обезумели, начали рвать, кусать друг друга, давить и отрывать руки, языки, гениталии и груди... Кровь от воздушного или электронного потока сбивалась в ложбинки, разбитые головы пилились в жуткой гримасе страдания, мозги и брызги крови по стеклу, вой и рычание.

Рептоид, вздрагивая от наполнения, утолял голод низкочастотной энергией страдания.

– Кончил? – вдруг схватил юношу за горло. – Презренный плод презренной сущности, а теперь тащи свою мамочку к Кристаллу...

Сынок с готовностью отстегнул зажимы, потащил женщину за волосы по проходу, но та яростно вывернулась, ткнула Сергея пальцем в глаз и, совершив головокружительный прыжок, ударила мужа в пах и нажала крупную красную кнопку.

От неожиданности освобождения плененный росс из отряда воинов-ариев упал на спину, мгновенно выхватил из-под себя два компактных лучемета и полоснул лучами по управляющему терминалу. Столб огня и обугленный бритоголовый подсказали – он не промазал. Слепящие фотонные лучи ударили в защитный кокон рептоида, но только искры и фиолетовые пятна по вибрирующей пустоте.

– А теперь моя очередь, – рыкнул чешуйчатый, – жаль, я ждал Ритуала...

Спасаясь, метнулся к потолку в пространственном коконе, столб неистового огня прошел мимо. Женщина спасала сына, выталкивая того из гари и копоти, а Алк, вихрем мечась по помещению, не в силах преодолеть металл стенок и защитное поле Кристалла, который располагался, судя по всему, ниже, бил лучами по огнестойкой прозрачной керамике, которая казалась стеклом. Провоцировал рептоида на мощный импульс, на миг замирая у «стекла», керамика не трескалась.

Женщина, прикрывая сына телом, отчаянно вскрикнула:

– Бей по несущему швеллеру!

И он выплавил середину изящного металлического верхнего ободка, оплавленная керамика прогнулась, и он из последних сил с разгона протиснул кокон в щель. Проник в нижний ярус, спаренным импульсом ударил по еще небольшому Кристаллу, аккумулировавшему эманацию страданий и сексуальных оргий. И не только. Кристаллы рептоидов программировали пространство. Сам по себе любой кристалл, как и вода, легко программируется и программирует. Из людей наиболее известная была Ванга, она пользовалась кристаллом сахара, черпала из него информацию и сама внедряла информацию оздоровления или гибели, или судьбы. Импульс Кристаллу вреда не нанес, но дал секунды, чтобы вышибить решетку вентиляционного короба. Выхода не было, перевел режим «лучей» на самоликвидацию и швырнул в огромные лопасти. Взрывом вынесло раму, вращающуюся ось, а его отбросило к вышибленной решетке.

– Иди сюда, малый, – хапнул его рептоид, – набегался...

От обиды вцепился в палец и рванул на себя, выламывая чешуйчатые суставы с воплем ненависти и своей предрешенности.

– Подонок! – завопила чешуйчатая бестия, уставившись на вывернутый с мясом палец.

А он тем временем вырвался, но на кокон уже не было сил, пополз по коробу.

«Сейчас он ударит лучом внутрь короба...» – тоскливо успел подумать, но тут ему впервые повезло: короб от взрыва и под весом тела развалился. О, он никогда в своей жизни так не бегал, когда рванул к дыре от вентилятора, вылетел как из жерла пушки, перелетел забор ограждения, над которым слегка высился вентиляционный проем и с пятиметровой высоты, группируясь и цепляясь за кусты, покатился по склону.

Женщина вытащила мычащего сына из огня, но на ее плечо легла чешуйчатая рука.

– Ушел. Ты поспособствовала... А теперь я тебя буду насиловать!

2

«Даже не узнал ее имени... – вздрогнул, осматривая изодранную одежду и ощупывая синяки и кровоподтеки. – Под самым носом у государства – Кристалл, впитывающий страдание. Еще несколько тысячелетий назад гремели войны за Кристаллы Власти, теперь машут невежественным пальчиком: месть унижает, а рептоиды – это миазм больного воображения. И дай им какие-либо очки, и увидят на улицах и офисах столицы зубастые чешуйчатые рожи, и... отбросят очки ради спокойствия граждан, опасаясь паники, успокаивая ложью. Страдали и страдайте... И они с Наткой бессильны, оторванные от своего племени. Война... Скоро она захлестнет землю, Астрейцы не всемогущи».

Итак, минусы понятны, плюсы: остались нетронутыми на съемной квартире документы, он гражданин России, Виктор Николаевич Семиоков, остался Наткин резервный мини-лучемет с ограниченным действием, но в тысячу раз эффективней любого пистолета, мощная спутниковая мобила – похлопал себя по карманам – аккумулятор исчез вместе с задней крышкой, поправимо. Деньги – на квартире, в разной валюте...

И приспичило же Натке искать истоки родины, незабвенной Арктиды. А он решил прогуляться... «Изделия» оттягивали пояс, когда увидел мчавшего на него Свэна. Теперь нужно активировать Наткин «луч», пригодится. Он, израненный, весь в кровище, ободраный, завезли его километров на двадцать от города, появился на дороге – полицейский лишь ухмыльнется и навешает пару убийств, Свэн, бритоголовый, развороченный коттедж – вся охрана рванет в свидетели. «А я им – рептоид в защитном коконе, Кристалл, генераторы страдания, превращающие людей в яростных и кровожадных животных. Ага... Найдут местечко мне в закрытой психушке. Ох, пора вставать... Разлегся. Черт, да куда же идти? Рептоид пока утоляет голод, а потом откроет на меня охоту. И мне крышка без кокона и „лучей“. Бегом вниз, расхныкался, к какой-либо дороге... Бегом!»

Огромными прыжками, прихватывая руками стволы, чтобы не покатиться, с разгону упал пластом, сдирая с себя остатки одежды и кожу, ибо внизу был обрыв, плывый обрывчик метров в семь, где среди валунов и серой гальки протекал ручей. Еще секунда – и расколол бы голову... Неплохой вариант, осточертело все, ни минуты спокойствия. «Чудик, – сбил с глаз слежавшиеся листья, – Арктиду угробили, я же – в будущем... Вместо Советской империи – в России, которую на излете перестроил генсек, до сих пор получающий высшие западные награды и почести. Он уверовал в перестройку по американскому образцу, теперь учит всех демократии и прозрачности. – Голова свисла с обрыва, листья от груди и живота пропитывались кровью. – Нет, это я из будущего, – перевел дыхание, – часть на звездолетах отошла от тонущей Арктиды... Всё смешалось, и все смешались. Вставай, гражданин! Где-то через овраг обязательно встретится упавшее дерево...»

Он не ошибся, здоровенный ствол предстал мостиком... Куда? На Тот Свет или в дежурку замызанного отделения? То ли об стол головой его, то ли он... Как пить дать сорвется. Трах-бах без всякого кокона по ограниченному мозгу, уложит – и айда. Мало ему рептоидов, еще и эти гон устроят. А хрена вам всем, добраться только бы до квартиры, там Натка такую защиту сообразила... Побежал, на ходу размазывая кровь по груди, пытаясь разглядеть повреждения, правая нога плохо слушалась, потрогал рукой задницу... Ну почему штаны всегда трескаются именно на заднице? Как в городе показаться – весь в кровище, в ободранных лохмотьях, зад распорот, кровь от бега выталкивается сгустками.

Зажав рану, все больше хромя, настороженно прошел метров триста и между деревьями увидел луг и реку. Неплохо, но пуще всего: выход ручья, возле которого мужик старательно мыл автомобиль, а рядом с маленькой дочкой играла жена с собачкой. Скрываясь за деревьями и зарослями крапивы подошел ближе, а затем вышел на простор трав и цве-

тов, еще шагов пять-шесть... Мужик разогнулся и аж присел, щетка у него выпала из рук, челюсть отвисла. Хорошо хоть женщина под лай собачки побежала за мячиком.

– Замри, – предложил миролюбиво, – мозги я тебе не блокирую, очнись и соображай: чрезвычайная ситуация и хрен тут разберешь – я в будущем или сам будущее, одним словом, мне нужна твоя «ласточка», в полицию не заявляй, сам найдешь...

– Где? – зло спросил крепенький с виду мужчина. – Ты псих?

– Улица Ленина – не ошибешься, в конце во дворах... – И покосил взглядом на открытый багажник. «Ишь, рыбачок, спиннинги дорогие – какую рыбку ловишь, пропитанную ртутью и сточными отходами? Но рыбацкий плащ кстати...»

Прихватил плащ, закрыл багажник, продвинулся к кабине.

– Мужик, ты успокойся, а то еще инфаркт схватишь... Где ключи?

– Какой инфаркт, придурок! Я отойду от блока, найду и порежу тебя на куски. Тронешь мою бабу – подвешу на крючья и твой член как колбаску буду нарезать, – с ненавистью прошептал мужик. – Ты же не проскочишь, единорог! На выходе – менты чуют поживу от выпивших рыбачков. А я тебя, урод...

– Фу-у, – вздохнул, – надо было бы тебя всего заблокировать. Менты, говоришь? Давай так, напугал ты меня – молодец, я оставлю твою машину на выходе, а сам аннексирую у полицейских Стег, так будет надежней. – И, прихватив плащ и ключи, вскочил в кабину, мысленно освобождая боевого мужика от блока, но еще услышал:

– Пока ты с мячиком прыг-скок – профукали «ласточку», – ошарашил жену обожаемый муж. – Псих весь в кровище тебя вздумал насиловать, но я кремень, – выставял себя героем очередной соискатель.

Промчался по грунтовке, свернул к реке, выскочил из кабины и с разгону в воду... Отмыл кровь и грязь, отшвырнул рвань, но ободранные на заднице штаны оставил, слегка прикрыл плащом.

На выходе из речной поймы, в начале асфальта, действительно дежурили типы в ярко-желтых хламидах. Один развалился в кабине Стега, другой поспешно взмахнул полосатой палочкой.

– Нарушаем? – с улыбочкой подошел полицейский. – Дыши, – сунул алкотестер. – Ну и рожа! – отшатнулся. – Капитан, сюда! Кровью сочится – наш клиент.

– Дядя, самых честных правил, – вздохнул, – когда не в шутку занемог...

– Так уважать себя заставил, – сунул капитан ему между глаз автомат. – Выходи!

– А не пожалеешь? – в сердцах проворчал и пригляделся к рации в кармашке капитана. – Нет, твой аккумулятор не подойдет... А ну-ка, господа полицейские, – уставился вспыхнувшим темным взглядом, – выворачивайте карманы, покажите свои сотовики... Автоматы – на землю! И без резких выпадов, улыбайтесь приветливо...

Лица у стражей побелели от напряжения, пытались сопротивляться. С ужасом в глазах начали выворачивать карманы, бряцнули ключи, упали на асфальт мятые купюры, мобильники, какие-то квитанции.

– Дешевка, – разочаровался. – Мне нужен аккумулятор для «спутника», где взять?

– В «Евросети», – выпалил продвинутый в полицейские мент.

– Так и сделаю, – вышел, прихватил с земли мятую тысячу и ключи. – Вон уже бежит собственник... «Ласточка» его, пусть забирает. И молитесь. Если бы вы повстречались Натке... Это запомните – Натка вас в атомы превратила бы.

Сел в Стег и укатил.

– А ну отойди, мент позорный! – налетел вихрем собственник. Нырнул за руль и дал по газам. Даже номер машины не смогли заметить отошедшие, но вконец осмурневшие полицейские, когда уяснили, что служебный Стег пропал. – Ищите на улице Ленина, – зло забор-

мотал собственник, – не ошибетесь. Ленин и Горби – перестройщики, блин. Даже психи из будущего заинтересовались той перестройкой.

В «Евросети» покупатели разбежались, когда полицейский Стег ткнулся в крыльцо и вышел из машины выше двухметрового роста громила в капюшоне, из-под которого зыркали злые глаза. Щека и скулы кровавились, куцый плащ не прикрывал окровавленную задницу, изодранные кроссачи тоже алели от крови.

– Вот, – ткнул в продавца «спутником», – подбери аккумулятор, самый мощный. И поживей, а то пожалеешь, что родился.

Бросил на кассу тысячу, зажал в кулаке аккумулятор. Сел за руль и врубил сирену.

– Карамышев, – влетел полковник, – у «пээсов» увели Стег, представляешь? Вот олухи царя небесного! Дежурный отсветил по частотке – воеет сиреной около «Евросети». Живо на перехват!

– Только кто кого перехватит? – даже не дернулся капитан.

– Не понял? – замер полкаш.

– Эти гибоны только и повторяют майору: Натка в атомы превратит. Сдали тогда девчонку, и всё, да? Напомнить, что она вам напоследок сказала?

– Натка... Так и сказала. Запомни, мол, мое имя.

– Так вот пусть «пээсы» и перехватывают, а я пасу педофилов.

– Карамышев, это же экстраординарная ситуация... Подмоги. Думаешь, та Натка? Но там, говорят, такой гибон в окровавленном плаще за рулем.

– Идем, – вскочил Карамышев, – я с ним поговорю... А то будет нам сейчас закидон...

– Ты думаешь? – поспешал полковник сзади. – Смычка времен, как объяснил тогда федерал. И почему эти психи на голову именно нашего отделения?

– Рация у него выключена, – разочаровал дежурный, – послал всех к такой матери и выключил. Быстрее, сказал, священная Меру перевернется, чем я вам дамся.

– Какая Меру? – ощерился полковник. – Включай резервный блок слежения!

– Прокуроры застолбили допуск – злоупотребления.

– Карамышев, к компу – разблокируй!

– Майор, – усмехнулся Дима Карамышев, – ты свидетель, мне приказали...

В салоне откуда-то из нутра движка прозвучало:

– Послушай меня, ты, гибон в плаще. Я первый встретил твою Натку и доставил в отделение. Сейчас тебя заблокируют, у тебя десять секунд – вправо под арку и бросай Стег. Исчезай и затаись на минут десять. Я тебя выручу... Только не наделай аварий и трупов!

«Вот именно, под арку... А там вы меня годами искать будете. Карамышев? Натка упоминала... Так это когда было... Сейчас ту Натку не узнать, красавица и умница».

Выскочил из автомобиля у самого подъезда, волоча ногу доковылял до второго этажа и молвил:

– Варака. – Проявилась дверь квартиры, которой миг назад просто не было. Вошел и завалился на пороге ванны. Квартира эта всегда существовала, но Натка навела морок, была и... нет.

– Варака, – объяснила Натка, – это такой холмик в районе Сейдозера.

И махнула на Кольский полуостров в разведку к этому самому Сейдозеру.

«Хорошо... Я дома. Это кто гибон, я? Рыщете? Не устанете? Ладно, где перекуси и ионный дезинфекционный интегратор? Вот будет номер, если Натка его прихватила с собой. Точно... Я же ее сам заставил взять. Хана... Начнется воспаление, гной, а то и заражение... Красиво я влип. Сорвать Натку с разведки? Запилит... Как уговаривала, чтобы я не высовывался. Вот так прогулялся...»

И в этот момент прозвучал вызов.

– Где бродишь? – зазвучал Наткин восторженный голосок. – Представляешь, я даже нашла вход в Вараку, такой Алатырь проявился на стене, когда я произнесла наше, даянское имя Мировой горы. Давай ко мне! Местность тебе незнакомая, думай обо мне, а я нахожусь у раздвоенной горы на берегу Сейдозера. Тут такая красота...

– Спасибо за приглашение, – вздохнул. – Не могу. Как ты говоришь – нарушена конституция тела, не сработает. Кокон мой на время накрылся.

– Влип? Да тебя ни на минуту нельзя оставлять одного. Кто на этот раз виноват?

– Рептоид.

– Вот это ты, любовь моя, дал... Я сейчас, жди.

Девушка лет семнадцати с изумительной внешностью заходила в подъезд, но вход перекрыл здоровенный полицейский.

– Не положено! Документы... Вы проживаете тут?

– Отойди в сторону, – слегка заискрились глаза девушки. – Твоя жена, лоб стоеросовый, на последнем месяце, родит сироту...

Рядом с визгом остановилась броская иномарка.

– Натка, – закричал водила, – да тебя не узнать... Малец превратился в лебедиху.

– Карамышев? – оглянулась. – Наш пострел везде поспел. Мне некогда, Дима. Передавай привет полкашу. – И исчезла.

– Ху-у, – замотал головой дебелий полицейский, – ведьма, змея подколотная, прямо все тело тисками. Зараза, как ее изловить, капитан?

– Изловить и раздеть, – ухмыльнулся тот. – Гнездо ее где-то в этом домике...

– Нет, Карамышев, раздевай уж ты... Дока ты в этом деле, а у меня жена на сносях.

– Вот и проваливай! Доложи полковнику, что я приказал.

– Подвези... У меня челюсти как свело! Я в эту чертовщину никогда не верил...

– И не верь. Советую. И помалкивай... Найдет и разденет, оденут уже в гробу.

Прогудел вызов:

– Карамышев, немедленно к полковнику. Немедленно! Ни минуты задержки.

Вошел впопыхах, всего аж перекосило, когда увидел «людей в черном», с бесстрастными лицами федералов.

– Карамышев Дмитрий Федорович, вы – с нами. Объяснения получите на месте.

– Не выйдет! – отрезал. – Уж в который раз я получаю ваши объяснения, выпытываете, а сами толком не соображаете, о чем спрашиваете.

– Вот именно! – лянул ладонью о стол полковник. – Пока Карамышев подчиняется мне. Все согласованные с моим руководством бумаги... С гербом! – воинственно выкрикнул. – У меня толковых работников раз – и обчелся. Где другим и месяца мало, этому разгильдяю хватит и несколько дней – удачливый. Не отдам!

– У вас будут неприятности, Леонид Павлович.

– А мне наплевать! Я тут, кроме неприятностей, вообще ничего другого не видел.

– Ладно... Тогда разберемся здесь. – И федерал включил что-то похожее на диктофон.

«Послушай меня, ты, гибон в плаще. Я первый встретил твою Натку и доставил в отделение. Сейчас тебя заблокируют, у тебя десять секунд – вправо под арку...»

– Влип! – медленно опустился на стул полковник. – Карамышев, ты влип...

– И влип по полной, – усмехнулся федерал. – А вы требуете официального приказа... В случае приказа ваш Карамышев пусть яйца подбывает и подмывается.

– Убедили, – сник полковник. – Дима, – выдохнул сквозь раздутые щеки, – объясняйся, и так, чтобы убедить товарищей с ФСБ. И, Дима, я попрошу... Факт налицо. Ты вместо помощи в поимке, помог незнакомцу скрыться. Или что-то не так?

– Да все не так! Судите сами, Леонид Павлович, мы эту сверхдевичку, Натку, сдали органам на самом высоком уровне. Сдали и... чего им снова от нас надо? Профукали девку, ушла от них, не вызвали у нее, выходит, доверия. А теперь они нашли крайнего – Карамышева. И спишут свои косяки... А что касается гибона в плаще – извольте, господа, – холодно вздернул подбородком капитан, – вы несколько раз наверняка фиксировали Наточку у подъезда дома у арки. Я ее встретил накануне вашего экстренного вызова. Помахала ручкой, одарила меня нежным взглядом, передала привет полкашу. Извините, но она так сказала... У меня свидетель – старший лейтенант Бандитов, она ему пообещала, если не отойдет в сторону – его новорожденный останется сиротой. Вошла в подъезд и исчезла... Ищите, господа хорошие. Вы высокопоставленные спецы в натуре, а я искренне извожу педофилию и спасаю глупых и доверчивых девчонок от сексуального рабства. Этот «гибон» явно ее дружок, тоже зашел в подъезд и исчез. Гнездышко их в этом доме... Видели бы вы ее, это же чудо женское... А на гибона мы вышли вместе с полковником через дежурного. Он их послал к такой матери, а меня не послал... Он сам рвался под арку. И своими косяками вы меня не треножьте, она не хочет с вами работать, а виноват Карамышев? Нет, не чудны Твои дела, Господи!

– Мы этот дом просветили чуть ли не до молекулярного уровня. Приборы фиксируют стандарт квартир, а в натуре одной не хватает...

– Все правильно. Вот там их гнездышко. Мы вам ее сдали... Помощь Карамышева – по возможности, а хватать меня за глотку не надо.

– В общем, все ясно, что ничего не ясно, – встал полковник. – Господа, у вас конкретные предложения или вы будете вилять вокруг да около? Что вам от капитана нужно?

– Конкретно? Об этом и речь. Полковник, вам на высшем уровне предъявят предписание. Вы освободите Карамышева от его непосредственных обязанностей, и он будет заниматься только этим «гибоном», который в кровище... Все несколько значимые события последних дней, собственные наблюдения и догадки, даже самые невероятные.

– Почему вы сами этим и не займетесь? – возмутился капитан. – Ищете дурачка, который за вас проделает всю работу, а вы сливки захаваете. Как всегда...

– Потому что богиня или ведьма тебе машет приветственно ручкой, а не нам. Потому что ты первый догадался, что «гибон» ее напарник или, она уже не девочка, любовник. Потому что ты, капитан, изворотливый и везунчик... Три года назад она была такой невинной девочкой, которую ты подобрал на площади, а сейчас – распутившийся цветок. Думай! Нужен свежий взгляд. Работай, Карамышев! Неужели самому не интересно?

– Упустили девчонку, она же с вами сотрудничала... Ха, свежий взгляд... А не забыли, что у нее на маечке светилось? «Все плохо. Я сегодня кого-то убью». И после всего этого у меня свежий взгляд?

– Вот гад! – почесал макушку спец. – И почему ты такой придурок, без которого на данный момент мы не можем обойтись?

– Дима, – отозвался начальник отделения, – справишься – получишь майора и уважение.

– Колотун без смазки в зад я получу! Вот так, господа! Ваши решения привели к краху, эта девочка с вами не сотрудничает, и согласовывать свои действия с вами не имеет смысла. Вся ваша затея – химера, чтобы найти, когда потребуется, стрелочника.

– Карамышев, он такой, – хмыкнул полковник, – при переаттестации на высокое звание полицейского он первый был на вылет. Еле отстоял перед чинушами... Итак, что решим?

– Прямо какая-то обструкция, – недобро отозвался до сих пор молчащий спец. – Я и есть тот генерал без чуйки, тупой служака, полное дерьмо и коррупционер от органов. И как я догадался своим дремучим интеллектом – Карамышеву нужны чрезвычайные полномочия и самостоятельные решения и, главное, действия. Капитан, я гарантирую твою полную автономию, даже наши опера и ОМОН – по первому твоему приказу, без моей или чьей-либо согласовки. А за тобой результат... Любой ценой результат.

– А что вы называете результатом? Какие-то залетные хмыри полностью никем не контролируемые, и вы от этого в ужасе. Что результат?

– Кто они, откуда? Что им тут нужно? В сферу их интересов входит только Россия или весь мир, или они попросту агенты, сфабрикованные спецслужбами держав, которые уже не столь дружески улыбаются на дипломатических или экономических сборищах. Разве этого мало, Карамышев? Ты в негласном контакте, к тебе эта странная девушка относится без предубеждения.

– Значит, вы меня вербуете, а я пользуюсь ее доверием... Не выйдет. Натка проникает в сущность мозгов, даже я не знал, что у Вандитова жена на последнем месяце беременности. А ей потребовалась секунда... Если я с ней встречу – она меня раскусит вмиг. И если я останусь в живых – так только по ее милости. Под настроение захочет – поманит взглядиком, захочет и втычет этот взглядик в сердце. Вот так я понимаю ситуацию, господин генерал госбезопасности.

– Толково понимаешь... Хорошо, что тебя Леонид Павлович отстоял. Так где выход? Карамышев, сенсы отслеживали каждый твой шаг, ты можешь найти выход... Ищи! По рукам? Приказать тебе можем – исполняй! Но... Ты нагло и популярно объяснил, что из этого выйдет. Пусть так... Тогда займись на свой страх и риск, а я лично, генерал-лейтенант Максимов, тебе помогу, чем смогу. Систему отношений мы разработаем... К подготовке приступим сегодня же. Слушай, предлагай и вникай. Ясно? Я спрашиваю, ясно?

– Не ясно! – вмешался полковник. – Кто будет искать и отбивать похищенных девушек?

– Вместо Карамышева командиром наших оперативников. Введете их в суть проблемы.

– Всё, – отечески положил руку на плечо капитана полковник, – влип ты, Димон. Но не играй тупаря, не подведи наше отделение.

– О, святые Даарии, – замерла Натка, – на тебе живого места нет. Давно ты, Алкидушка мой, не попадал в такой переплет. А я рюкзачок с ионным интегратором оставила на берегу озера... Как тебе это нравится? Ты мной любишься или не очень?

– И что? На ногу не могу встать... Рана саднит. Как ты могла оставить интегратор на берегу какого-то озера?

– Значит, не любишься, – вздохнула девушка. – Я смоталась бы за интегратором, но... – замялась. – Занесла рюкзачок под холмик... А там чудо дивное – Алатырь во всю стену и ну меня колбасить. Еле ноги унесла. Проникнуть дальше по проходу не так просто. Алатырь – камень жертвенный, там не Дажьбогом пахнет.

– И что, хана интегратору?

– Но я же поспешала... Это тебе, Алк, теперь хана. Я лечить пока не умею, только убивать всякую мразь могу.

– Тогда замолчи и не мешай мне умирать.

– Да ты чего?! Скорее я сама подохну... Обожди еще чуток.

Они выходили из кабинета полковника, когда, как вспыхнувшая зарница, пред ними предстала юная девушка, выставила руку и упругая невидимая и неведомая сила отбросила особистов и полковника назад. Начальник отделения вцепился в свое кресло и замер, выпу-

чив глаза, особисты грохнулись о стенку и выхватили пистолеты, но те тут же вылетели из рук. Один капитан Карамышев блаженно заулыбался.

– Натка, ты стала такой классной телкой, я у твоих ног дышу с надеждой...

– А не загнешься ты у моих ног? Идем, ты мне нужен. Идешь добровольно или?...

– Добровольно, радость неожиданная!

Полковник, начальник отделения Леонид Павлович Гринев, не двигался и, казалось, не дышал. Первые в себя пришли особисты.

– Надо же, какая бестия, – заглядывал под стол особист, отыскивая пистолет. – Леонид Павлович, можете встать? Под вашим креслом оружие...

– Не могу. Мне цыганка наворожила инфаркт, и пробил мой час избавления.

– Дайте ориентир, я изловлю эту цыганскую ворожею и вырву ей язык. А Карамышев ваш, а? Мы ему – систему отношений, а она сама его нашла.

– Плохо я торговался, – разбито привстал полковник, – Карамышев, выходит, дороже ваших дрессированных волчат.

– Мой незабвенный друг, учитель и воин попал в переделку, а я лечебный интегратор посеяла аж на Кольском полуострове. Выручишь, Дима?

– Наверняка тот гибон в окровавленном плаще...

– Сам ты гибон, – опешила девушка.

– Я? Да, гибон, но не до такой же степени... Садись в мою колесницу – айда, не будем светиться. К подъезду? – усмехнулся.

– Допустим... – сузила глаза Натка. – Ты пострел... – уселась на переднее сиденье. – Откуда у тебя, капитанишки, такая тачка? Твоя?

– А то как же, – рванул с места, – откуп одного поганого князька, в ночном клубе при-
нуждал своих герл заниматься массажем и в хвост и гриву.

– И тебе не совестно такие подарочки иметь?

– Мне просто совестно, а ему пусть будет стыдно. Я его предупредил – только у него появится тачка лучше моей – сгною. И что дальше, юное созвездие души моей, – скрипнули тормоза, – прибыли. – Надо же, прямо под носом у нашего отделения...

– А кто меня обворожил у супермаркета? В квартирный тайник не лезь! Плохо тебе будет. Думай, где можно затихариться и подлечить воина?

– Где его так? Видел... Ужас какой-то.

– Думай, капитан. К другому бы не обратилась.

– Думаю... Официальный лекарь тебя, конечно, не устроит. Тогда к браткам... У них свои хазы и лепилы. Но язык за зубы не высовывают, если хорошо подмазать.

– Идет. Но позволят себе лишнее – уничтожу. Сумеешь убедить?

– Это уж ты сама рога им обламывай, но, боюсь, там будет телушка. И такую девочку захочет прихватить. Угостит чаем и... ты – с копыт и уже в подвале на привязи. Но лекарь у них классный, им это необходимо, сам лечился у него, когда меня прикомутали.

– Я не железная, во рту ни росинки, от чая и шоколадки не откажусь. И думай при этом, что тебя дрянью накачают? Спасибо, Дима.

– Тогда в больницу...

– Еще раз спасибо. Будет так: все замрут, Алкид их одним взглядом пригвоздит, а лекарь пусть окажет первую помощь, и мы отчалим.

– Девочка, свет очей моих, ты действительно проголодалась, плохо соображаешь. Пусть твой Алк – ниже травы, тише воды, или такая кутерьма потом начнется и молва. Или вам все равно? И почему он Алкид? Это же имя Геракла при рождении.

– Понимаешь, Дима, тебе я закрою рот, ты все забудешь. И братки с «мамой» во главе – тоже. Не переживай. Для тебя он просто Алк... Будь скромн в своем любопытстве.

– Не пойдет. Тогда выкручивайся сама.

– Да ну? Ты весь извелся: а что она там делала, на Кольском? Дима, тебя сфаловали эфэсбэшники. Это ваши примочки – подглядывай.

– Вернешься на Кольский?

– Без воина? Нет!

– А меня возьмешь? Я не воин, да? Да я хоть целую армию призову...

– Спасибо. Пушечное мясо – не по моей части. Карамышев – много ля-ля. Где лекарь? А лекарем оказался стареющий еврей.

– Я Беня Моисеевич, у вашего мужчинки прямо-таки земля в полости ранения, а моя Фаечка спросила: Беня, ты и сегодня ничего не заработаешь?

– На! – бросил на стол Карамышев пачку долларов. Заранее взял у девушки, отстраняя ее от переговоров в особнячке, который служил вип-бордельчиком для «шышек» административно-правоохранительного и продвинутого в отношениях с властью бизнеса. Прикрыть в свое время бордельчик капитан даже не пытался, властная «крыша» смела бы какого-то капитана вмиг.

– Беня вмиг воскресит твоего амбала, – подошла к девушке стройная, но в годах женщина с озорной белобрысой челкой. – А мы чайку с коньячком, гляжу – слюни глотаешь, проголодалась? Да я тебе такие яства выставлю... Красотка, ты чья будешь? Ты такая внезапная... Так чья ты? Как тебя зовут, ангельский цветочек?

– А так и зовут, – мрачно отозвалась Натка, – Ангельский Цветочек. Напартачит ваш Беня, ты чай уже с чертями в преисподней пить будешь.

– Ах, миленькая ты моя, такая экспрессия...

– Заткнись! – Растопыренные нежные пальчики на миг замерли около лба «мамки», и та тупо замерла. – Как же я вас всех понесу, паршивка! Пусть только мой хромоножек из лап иудея выйдет живым и здоровым.

– Да тебе что, – переполошился капитан, – а меня эта братва в погонах запытает, а я – ничего не видел, не помню, не знаю. А у них после этих слов такой азарт...

– Но я это гнездо разврата так не оставлю.

– А ты кто такая, чтобы судить? Хочешь освободить мочалок? Я тоже хотел... Идем, спросишь у них. Может, недавние и уйдут... Только кто же их в покое оставит? А остальные посмотрят на тебя как на дуру и заявят, что им и тут хорошо. За воротами их ждет то же самое, только без вкусной жратвы, выпивки, ширева и хоть часто и тупого, но секса. Лечи воина и вали на Кольский!

– Дима, значит, ты сам винтик этой мафии?

– А я конкретный винтик. Судить их – дело слишком хлопотное и пустое, купят, перекупят, убьют или сдадут мелюзгу. А ты, девочка, допускаю, замочишь тут охрану и «мамку», уйдешь довольная... А через три дня тут будет другая охрана и «мамка». Ты закроешь Бене и мне память – еще хуже. Тогда эта властная братва начнет мстить вслепую – скольких запытают допросами и вышвырнут на мусорку.

– Неужели все так гадко?

– Не все. Но ты сама себе перекрыла дорогу, ты ушла от очень властных структур. А только они, не заезжие из звездных врат, со своими земными возможностями, с политической волей выловят среди своих «слуг народа» подонков.

– И когда это будет?

– Не знаю. Но не герой-одиночка с девственными титьками, – посмотрел зло, – приближит то время. Ищи дело по своим возможностям, не мелочись.

– Я послушала их... Думала, нашла. Одну технологию добыла, вторую, третью. У амеров, немцев, французов. И что? Гляжу, мои работодатели получают звания, коттеджи, а у людей вокруг своя жизнь, у них – своя. Те технологии складывают в загрошники, производство не готово, полстраны нужно переиначить к тем технологиям. Я на этого министра, тор-

гаша и казнокрада, работать не буду! И не буду работать на того, кто его министром обороны определил. С этого вообще спросы гладки...

– И я не работал бы на того министра и его бабью команду, да куда я денусь? Я же не могу целые квартиры превращать в невидимки и сказать министру: «Заткнись! Потому что ты быдло и корыстный червь». Нет-нет, пардон-муа, просто халатность...

Из комнаты вышел довольный Моисеевич. Метнул вопросительный взгляд на «мамку».

– Я таки отремонтировал зад, ребра и морду вашему паршивцу...

– Нога работает? – подскочила девушка.

– Заработает. Беня лясы не точит, моя Фаечка, стерва из стерв, только и твердит: «Работай, Беня, работай и зарабатывай или я определяю тебя на базар в мясники».

– Алк, ты можешь идти? – вскочила в комнату.

– Занемело от наркоза... Допрыгаю на одной ноге. Капитан поможет?

– Не помогу, – насупился Дмитрий. – Она угрожает мне заблокировать память.

– Тебе же спокойней, чудак. Дай руку, капитан, пора сматываться из этого гадючника. Лекарь раскланялся...

– Замри, – прозвучало в ответ. – Ты меня, девушку и капитана не видел, не знаешь и знать не хочешь. Привет Фае.

В конце коридора им преградили дорогу два охранника с автоматами.

– Поворачивай оглобли! – встали, широко расставив ноги. – До особого распоряжения «мамки» приказано вас не выпускать.

– А птичка? – чуть шагнула вперед девушка.

– Какая птичка? – усмехнулся охранник.

– Это я, глупый, птичка. Видишь меня? И больше не увидишь! – Яростный энергетический удар с обеих рук с двух метров повалил охрану. – До особого распоряжения... – ярилась Натка, туфелькой норовя угодить охране между ног. – Козлы похотливые, встать! – Сложенные в щепотку пальцы резко приложила ко лбу увальней. – Вы разыскали «мамку» на предмет любви. Девушку, капитана и хромого воина не видели! Повторите!

– «Мамку»... залюбим до отвала. Заплчем птичку...

– Вперед, найдите и залюбите «мамочку» до истощного счастливого визга!

Охрана, отшвырнув автоматы, ломанулась по коридору.

– Классная у нас птичка, да? – запрыгал дальше гражданин России Виктор Николаевич Семиоков, опираясь на плечо гражданина Карамышева.

– И ты так можешь? – опасно спросил капитан.

– Ну, я и похлеще могу.

– Чего же ты, коршун, не завалил того, кто зад тебе распорол?

– Лучше тебе этого не знать, капитан. Поживи еще...

– А я так смог бы? Скрытые резервы, а?

– Возможно... Натка просканировала бы интегратором и как вздрючила бы тебе эти резервы. Сам откажешься.

У самой машины Алк вдруг сгреб капитана за грудки:

– А кто гибоном меня обзывал?

– Гибоном? – сжался полицейский Карамышев. – Боже меня упаси, всё перепутали, это я гибон от гибона и мамка моя... русская.

Натка расхохоталась.

– Ты шпионить за нами вздумал?

– Но не корысти ради, заставили, мамой клянусь.

– Алк, не оставлять же его тут. Пусть везет на своем «откатном» бегемоте... Вот увидишь, он на Кольский запросится.

– Бегемоте? – возмутился капитан. – Продвинутую модель «лексуса»...

– С рычащим бензиновым движком. Фу, какая гадость! – сморщила нос Натка.

У подъезда девушка спросила:

– Алк, ну что с этим Карамышевым делать? Дима, забудь о нас. Тебе же лучше будет. Щелкну тебя в лобешник, и ты, насвистывая, беззаботно покатишь к своей женщине.

– Ну да. После знакомства с тобой еще долго все женщины будут не в лом. Какая женщина?! – заорал. – Ищейки генерала пересадят в свой «инфинити» и... так меня засношают.

– Вот видишь, ты им все и выложишь. Уколят гадость и... запоешь пташкой.

– Девочка, пташка – это ты. Генерал требует результат. То, что вы кантуетесь в этом доме, он и без меня знает. Его мучает вопрос: почему Натка не стала с ними сотрудничать? Как я ему отвечу, если память отшибут? Сейчас все помешались на новейших технологиях, чужие технологии – тотальная слежка за каждым, зомбирование сознания в угоду вставших над миром психопатов с идеей мирового владычества и вечной молодости. Им даже стареть уже не в тему, имея привороженные авантюрами миллиарды.

– Натка, – вяло молвил Алк, – капитан прав. Лишнее он не наговорит, потому что лишнее ему неизвестно. Оставь в покое Карамышева. Дмитрий, вы не живете, а мытаритесь. Кто виноват? – толкнул полицейского.

– Виновата порочная мировая система, которая поглощает и Россию. Несколько психически нездоровых людей, помешанные на прибыли, которая служит как самоцель, одурманенные идеей мирового правительства и всемирным господством, захватили плацдармы и военные технологии. И при этом им, конечно, умирать не хочется...

– О, да он продвинутый сыскарь, – повернулся Алк к Натке. – Нет, пусть помнит... И мы его не забудем. Теперь скажи, полицейский страж, почему люди терпят эту порочную мировую систему?

– Сила. Силу не каждому дано преодолеть. Страдание и алчность подрывают устои мира.

– А вы не думаете о том, что кому-то там... свыше... надоест до тошноты ваша система, которую допустили люди? И всепожирающий огонь может прекратить ваше существование. И на пепелище очищения будет посеян другой человек, потому что вы не справились со своими параноиками.

– Я думал, – покривил губами «сыскарь» и с предрешенным унынием добавил: – Да, мы не справились, порочная система захватила мир. Кто-то уповаet на Второе пришествие Иисуса – я не уповаю.

– Иисус – не древний росс, не нашего племени. Сананда от Астрейской цивилизации, достигший восьмого уровня Мироздания. С высоты этого уровня он лишь частью своей сущности проповедовал дикарям любовь и милосердие. На Земле проявлялись многие боги, начиная с Элохим от Альдебарана и Иллюминатов с Арийца. Но Бога Любви люди изгадили, извратили в религиозных войнах и корысти. Почему?

– Не знаю. Вот это я точно не знаю, – ответил капитан.

– А хочешь узнать?

– С вашей помощью? А что толку? Скорее всего, вмешалась какая-то сила, которой кровно необходимо страдание. Это прямо истекает из земной логики нашей мировой системы. Нужно уничтожить эту силу, но люди не в состоянии...

– Не в состоянии даже понять это?

– Поняли уже многие. Но повторяю: а что толку?

– Карамышев, возможно, мы еще встретимся... Не очень распространяйся о нас – сам дольше жить будешь. – И поддерживаемый девушкой Алк зашел в подъезд.

3

Гринева заглянул в сводку, удивленно вскинул брови.

– Сейчас тебе доставят допуск и двух спецов – нечего одному соваться в тот гадючник. Ты, сопливый капитанишка, соображаешь, какую ответственность отымел?

– Не очень... Я только копну поглубже – меня и отведут в сторону. Вот и весь результат.

Оплавленная прозрачная керамика поразила, кровь, трупы, вонь. Вырванный с мясом вентилятор, какие-то оплавленные приборы в углу, блестел череп бритоголового, превратившегося в уголь, ниже – сжавшаяся в углу женщина, развороченный низ живота... И без экспертизы все было ясно. В черном целлофановом мешке – грудa человеческих костей и в злостной ухмылке череп с отвисшими кровавой падалью губами с остатками носа и вытекшими глазами. Допрос охранников кое-что прояснил. Те все валили на какого-то амбала, который разворотил мирный коттедж, убил хозяина, выдающегося ученого, изнасиловал с особой жестокостью его жену, убил бригадира и увел пятнадцатилетнего сына ученого.

– Ну что, – вышел на полковника Гринева, – давайте опергруппу, фиксируем? Тут ад и жуть с сплошными непонятками.

– Какая группа? – зло отозвался начальник отделения. – Кто нас, серых, туда допустит? А теперь думай, ищи, кто за этим стоит, – ехидно заметил и отключился.

«Гибон в плаще – вот кто. Как его эта нездешняя птичка называла – Алк? Алчущий... Какая зверюга! Не похоже... Меня пожалел, а женщину – с особой жестокостью?... А что, Натка ему в дочки годится, крутится смазливой попкой... Я и сам, насмотревшись на такое очарование, изнасиловал бы и слонику... А Натка с гордостью о нем – воин, Алкид. Извращенка! Нет, похоже, этот воин сам еле ноги унес. Судя по всему, еще легко отделался. Его самого и допросить бы... Ага, подмывайся, капитан, жди трепетно».

– Генерал, – подал мобилу спец, а напарник халявился: дергал короткоствольным автоматом, зыркал туда-сюда, падал на одно колено.

– Докладываю, – нарочито сипло вздохнул, – тут объявился Геракл, одной левой выломал тысячекилограммовый вентилятор, зашиб бригадира, череп с костями остался, выжег внутренности у ученого, светлые мозги и лысину не тронул, зверски изнасиловал женщину, увел для дальнейших утех юношу...

Генерал долго молчал, потом потребовал передать трубку спец.

– Нет, – заверил тот, – он трезв. Но одуреть от окружающего можно, – и передал аппарат вновь капитану.

– Геракл или Алкид, – на полном серьезе объяснял Карамышев, – это эллинский герой, я сам ночью из Интернета в натуре познал. Девочка, которая меня вчера увела, очень этого Алка почитает. Что? Ну да, конечно, видел. Нормальный гибон, похоже, сам с трудом ноги унес. От кого? Это вопрос, герой не колется. А девка лечит его в известной вам нехорошей квартире. Чего? А чем вам не нравится моя манера общения? Какие силы и сколько людей потребуется, чтобы арестовать этого Алка? Присылайте авианосец... Договаривайтесь с америкосами, у нас, насколько я знаю, приличного авианосца нет. Я разгильдяй и трепач? И вы жалеете? Вам нужен был результат? Так привыкайте или гоните меня к чертовой матери. Подвалы здания – это лаборатория с высокотехнологичной аппаратурой. Отстраняйте меня от этого явно секретного объекта. Алкид с Наткой меня прикроют, и вы будете плакать горячими слезами, что вовремя не отстранили меня. Я идиот? Вот тут вы правы... На днях увижусь с Наткой и мы рванем на Кольский... Северная Лапландия скучает по мне.

Я полный идиот? На полных идиотах Расея-мать держится, их дурят, а они лезут во все щели. Ничего, побрызгайте под язык нитроспреем. Поплачьтесь Гриневу...

– Ну ты, мент, даешь! – чуть не поперхнулся собственными словами спец. – Это же генерал Максимов, он тебя с говном смешает и заставит нас кушать. Ты и вправду, мент, идиот. Кто тебя допустил к этому делу?

– Подпольная лаборатория – вот результат. А я с Наткой – в загул. Как пел детдомовский пацан: «У всех на глазах целовать и гладить готов...» Я тоже детдомовский...

– Карамышев, – зашипела рация, – тут бабуля-одуванчик, любительница полевых цветов, заяву катает. Жуткие вещи рассказывает. Представляешь, говорит, такой импозантный мужчина коровьим дерьмом облачался и заглывал. А перед этим жуткий собарь грыз спецназовца. По снимкам, которые ты передал, опознала и растерзанную женщину. С ней, говорит, юнец был... Разбирайся теперь, умник. Коровье дерьмо – это классно, да?

– Ну вот, – взглянул на спеца, – а ты говоришь, что я идиот. Да все мы в полиции станем идиотами, какая жизнь, такие и граждане.

К бабушке попал не сразу, хоть и хотелось. Перехватил Гринева.

– Сбежал в туалет, успел, – заявил. И с тревогой: – Сейчас он будет звонить... Башку даю на отсечение – потребует тебя приструнить. Чего разузнал? Заходи...

Звонок прозвенел тут же.

Полковник слушал, кивал, уточнял «Да вы что?», «На него похоже», «Простите, а вот тут я включу громкую связь».

– ... Как вы можете терпеть эту беспардонность и наплевательское отношение хоть к какой субординации? Его психиатры проверяли? Сейчас подъедут мои люди – передайте им личное дело капитана Карамышева, и его самого пусть доставят, у нас будет не простой разговор. Черт знает что! Какой-то капитан-идиот устраивает переполох, создает неделовую атмосферу и разлагает организующее начало Управления.

– Никак нет... Карамышева ждет очень важный свидетель по делу разбоя в подпольной лаборатории, куда вы лично, товарищ генерал, нашего капитана и направили.

– Что за свидетель? Немедленно его к нам!

– Никак нет! Или сами занимайтесь своим делом. Свидетеля, ясное дело, я вам отдам, но о Карамышеве забудьте. Или я подключаю свой генералитет...

– У меня подозрение, полковник, что Карамышев рядом, слушает и ухмыляется.

– Так точно, ухмыляется.

– Спросите его, он еще встречался с девушкой, этой Наткой, будь она неладна!

– Спрошу... – Ты встречался с этой переполошной умницей и красавицей?

– Да. Доставил ее и раненого пришельца на нехорошую квартиру.

– Откуда доставил?! – чуть ли не взвыл в крике генерал.

– Доставил от Бени, таки наповал закабаленного Фаей.

– Какой-то дурдом, – вздохнул генерал, – я не могу в таком режиме работать. – Какая Фая, какой Бенья?

– Так это же Карамышев, генерал... Сплошной дурдом. Или припорошите пеплом чело, или отстраняйте капитана, забудьте навсегда его имя – спокойнее вам же будет.

– Допустим. Что еще?

– В конце переулочка Цветного под вывеской косметического салона «Орион» – бордель для VIP-персон, – отозвался капитан. – Там охрана засношала «мамку», беспамятно и основательно. Бенья, конечно, исчез, хапнул от Натки долларов немерено. А этот гибон в плаще и есть Алкид, мужик нешуточный и за Натку вам, генерал, голову снесет на раз. Если вы хоть в мыслях пытались посетить «Орион» – завязывайте, Натка охране яйца туфелькой щекотала с пристрастием...

– Так, всё, капитан! У меня начинается заворот мозгов. Немедленно ко мне!

– Никак нет. Обязан допросить свидетельницу. Бабуля пожилая, заждалась меня, идиота. Где она отыскиала это коровье дерьмо?

– Я чувствую, как сам превращаюсь в дерьмо... Полковник, вы все сумасшедшие?

– Так точно. Каково мне, а? И, учтите, вышестоящие покушались на Карамышева три раза. Но он у нас заговоренный, да и стреляет с любого положения наповал.

– Вы к чему это?

– А к тому, что Карамышев – идиот высшей пробы, такого поискать. Или уважайте, или чтите субординацию и оставьте Дмитрия в покое. Сами тут, без вас, разберемся!

– Не ожидал... Ничего подобного не ожидал. Какое у вас отделение, седьмое?

– Так точно. Число 7, как известно, приносит неудачу всем, кто на него с не совсем чистыми замыслами нарывается.

– Полковник, а не слишком смелое заявление?

– Вас волнует дело или разборки по поводу моих заявлений?

– Наш Комитет волнует все! Карамышева через час – в мой кабинет. Вот вы, полковник Гринев, и дали волю зарвавшемуся капитану.

Бабулю отвез на место событий, и та указала на размазанное коровье дерьмо и невдалеке окропленную кровью траву. Он уже не сомневался, что старушка говорит правду, а эксперты установят собачью кровь. Судя по рассказу перепуганной старушки – это был огромный собачья неизвестной породы, с ногами дога и мордой бульдога. Гибрид? Вот это и зацепило, судя по раздолбанному коттеджу, весьма крутого Алка. А потом он весь в кровищи, если верить сводкам, увел полицейский Стег, который тут же обнаружили у подъезда дома с таинственной квартирой.

– Он собачку – ногой, – шептала старушка, – она, как блоха, прыгнула... а зубы как у аллигатора. И как вспыхнуло, и собачка даже не дернулась, затихла.

– А потом?

– Сынок, да я как на исповеди: бритоголовый мужик побежал и около ручейка начал головой ялоститься и глотать дерьмо... Во! – перекрестилась. – Не веришь?

– Верю. Я теперь во что угодно поверю. Садитесь, отвезу вас домой.

В отделении ждали амбалы от генерала Максимова. Вышколенные, в белых рубашках при галстучках.

– Нет, – покачал отрицательно головой, – я не буду сотрудничать с вашим генералом.

Мордовороты даже бровью не повели. Известили тут же вышестоящее начальство.

– Стой и жди! – перекрыли коридор.

– В сторону! – выхватил пистолет. – Я вам кто, преступник или уже бомж?

– Ну, псих, – отступили, – тебя же сгноят после этого.

Мобильная связь – великое достижение, уже через десять минут брызгал слюной и крыл свою жизнь и жизнь 7-го отделения яростным матом генерал-майор полиции Комков.

– Приказываю лично... (мать, мать, мать!) под конвоем к генералу Максимова. Сдать оружие (трижды мать, молокосос). Я те поугрожаю! Кокарды топтать (мать!) – это свою судьбу, петушок, под копыто, под копыто...

Доставили. Без пистолета, но с прощальным взглядом полковника Гринева.

– Ваше задание выполнено, – лихо козырнул. – Есть результат, Натка просила передать лично: вы не в состоянии даже разбодяжить те технологии, которые она вам доставила, не ей, жительнице Даарии, быть у вас на побегушках. Натку вам больше никогда не видать, как своих ослиных ушей без зеркала.

– Ну, это уж слишком... – привстал генерал. – Вон из рядов правопорядка!

– Только и мечтаю... Но верните оружие. Оно именное, не вы мне его торжественно вручали, и не вам отбирать.

– Да ты, сопляк, совсем зарвался. – Но изящный пистолет, явно не «пээмовского» производства, генерал в руки взял, зашевелил губами... – Министр внутренних дел?...

Натка тревожно заходила из угла в угол.

– Алк, что-то не так с Карамышевым... Тревожно мне. Он чувствует себя человеком, как равный среди равных, а это в его окружении чревато. Дима влип, жалко его.

– А ты не жалея, а помоги. Людей вокруг много, а человек становится все меньше.

Мордовороты по углам кабинета вдруг зашатались и рухнули. Перед генералом появилась юная девушка с недобрыми глазами.

– Верни оружие Карамышеву! Подписывай пропуск, или я вставлю тебе такую субординацию в мочевого пузырь – будешь бегать за Димкой и просить об избавлении. Ну?!

– Прохвост! – Генерал взвел пистолет. – Спелся... – Но тут же его скрутило, закатил глаза от нестерпимой боли, схватился за правый бок, скрючившись в кресле.

– Я сдвинула твои камни в почке, – выставила Натка растопыренную кисть, – пропуск! Верни оружие! Или сейчас на стенку полезешь от боли...

– Пропуск... – попытался открыть письменный столик стонущий высокопоставленный особист. – Вот... Забирай и катись.

– Отдай именно оружие, которое не ты вручал. И запомни: ты такой же примитивный чел, как и большинство. Ты ничем ни лучше, ни хуже. На должность твою я плевала и на твои пропуска тоже. Еще раз возгордишься – я вернусь!

И Дмитрий Карамышев, небрежно сунув сзади за пояс пистолет, гордо, но чуть испуганно прошагал мимо поверженных мордоворотов в галстуках.

– Ты что о себе возомнил? – тут же сварливо набросилась девушка на тридцатилетнего здоровяка. – Только и думаешь, как отправиться со мной на Кольский... Я сама чуть живой осталась. Ты же нам будешь только обузой.

– А что мне тут делать? – обиделся. – Девочка, давай сольемся в страстном поцелуе...

– Зачем? – усмехнулась, но зло.

– А потому что он тебе в отцы годится, – выпалил.

– Он – в отцы, а ты в женихи?

– Ты чего? Зачем мне этот знойный омут? Разве в твоём мире пылкая любовь не залог наслаждения свободой?

– Был бы тот мир, – вздохнула девушка. – Что ты можешь знать о нашей жизни, о нем и обо мне. – И исчезла.

– Алк, как твоя нога?

– Как видишь, слегка передвигаюсь. Еще дня три-четыре – смогу концентрировать энергию кокона. Как там Карамышев?

– Расстроил он меня и обидел... А ты так каждый миг, каждую минуту меня обижаешь. Я уже не могу больше терпеть и скоро тебя возненавижу.

– Натка, – с тревогой взглянул, – прости меня... Почему ты не можешь понять, что ты для меня как дочь? Я носил тебя маленькой, чуть не на ладошке, я баюкал тебя, успокаивал маму Катю, когда у тебя начали проявляться качества не от мира сего.

– Не напоминай мне о страшной смерти мамы... Не напоминай! Я и так уже вся истеричная... Ты растил меня, баюкал, да? Но я же помню всё... Я помню себя той... первой... Наткой. Я помню ту скалу в поселке, я помню «императора Сю», я помню, как даже робот затих, когда ты меня любил в спорткаре... Я помню жар моего тела и вопль моей страсти. Я помню, как я рожала в застенках Кайлас, и я помню, как окропили кровью моей Ксю завалы уоя, я помню, как вогнала меч росса в шипы Митшеба... Я все помню до этой минуты,

а потом я вновь оказалась маленькой... Я не помню, но знаю от тебя, что меня возродила девочка Наука из шестимерного...

– А наш звездолет помнишь?

– У него было чуткое русское название «ДАР». Я помню... Нас было трое, подготовленных к внедрению. Ты, подросток с легендой Алкида, так и остался с этим именем. Ясновидящая девочка – это я. И еще Литрудка, поэтесса. Алк, я все помню... Я даже помню первое твое земное имя – Крепыш. А сильнее всего я помню, как ты любил меня... Крепа, вновь люби меня! Я уже не маленькая девочка даже в своем втором рождении. Мы не знаем, что нас ждет... В Космосе началась война с рептоидами... Не в первый раз... Наши Воины Адоная погибают один за другим. Сам знаешь, чем закончилось внедрение для Литруды... Нас ждут непредвиденные ситуации, разрешения которых я не вижу – очень древние заклинания и мантры.

– Но чем тебя мог обидеть Карамышев? Ты выручила его?

– Выручила, но не надолго. Таких Система не терпит, генерал не забудет унижения – так он воспринял мой визит – подставит Дмитрия и засадит в застенки. Карамышев совершит побег и начнет расстреливать некоторых радетелей государственного дела. Его предаст купленная женщина, он погибнет...

– Ната, ясновидящая ты моя, впору стонать, тебя слушая. Мы можем прервать эту линию судьбы Карамышева, свободного в душе, но не в этой реальности?

– Лишь в одном случае: отвести от него эту реальность, но для этого придется скрываться ему вместе с нами на Кольском... Он, понимая, что покориться не сможет, интуитивно предчувствует беду и сам рвется, как он говорит, в Лапландию.

– Ну чем он мог тебя обидеть, не понимаю?

– Он сказал, что ты мне в отцы годишься, и намекал на свои поцелуи... А мне обидно. Алк, ты у меня единственный... И в той жизни, и в этой. Алк, люби меня... Я знаю, ты отдашь жизнь за меня, но не люби меня как отец. Мне больно...

– А помнишь, как крутой Алк боялся к тебе притронуться?

– Да я только это и помню! Что, опять? – удивленно уставилась. – Снова у тебя заскок?

– Во сто крат более, – потупился.

– Ох, а помнишь, как я тебя замужествовала и мы были так рады этому?

– Да ты только и сказала: не сопротивляйся, а я тебя послушался...

– Вот и сейчас слушайся и не сопротивляйся.

– Я действительно тебе в отцы гожусь, у меня не было второго рождения. Да и был я фактически отцом, хоть и не генетическим.

– Алкид, значит, ты меня не любишь, да? – убито отбежала в угол комнатухи.

– Да как ты могла только такое сказать! – бросился к ней. – Да тебе за такие слова да вырвать язык, – обнял, прижал к себе. – Я не знаю, что в этом жутком мире несвободы и корысти может быть дороже, чем ты? Умница моя и красавица...

– Я десятки раз это слышала, – крепче обхватила его шею. – А самых главных слов ты не говоришь и не ласкаешь меня... Я для тебя ребенок, а я не ребенок... И я знаю, что нам мало осталось. И никто не расскажет, и никто не узнает о нашей тяжелой судьбе внедрения в мир наших как бы потомков, которые, перерожденные, как бы настоящие, а мы то ли будущее, то ли прошлое Арктиды. Так хоть ты люби меня, как любят женщину... А если ты такой трус, так хоть не сопротивляйся... Я буду тебя ласкать, потому что я очень хочу этого. Я вся дрожу, а ты такой чурбан и трус, трус... Я не дочь тебе и никогда ею не была!

– Ты всегда была любимой, – прошептал, – я испытываю к тебе такую нежность, что боюсь тебя трогать... Ты такая юная и красивая, а меня всего истерзала эта жизнь после внедрения. Ты погибла, я не мог это пережить... Но тебя возродили, и я ожил. Но я старею в этом мире, и мне тоже больно.

– Обними меня крепче, Алк, – зашептала в ответ. – Если нам не удастся отсюда выбраться, я хочу уйти в Иные Миры женщиной, любимой, познавшей страсть и истому.

– И снова ты меня замужествовала, – улыбнулся. – Натка, делай со мной что хочешь...

– Карамышев, ты действительно заговоренный... Как тебе удалось вернуть пистолет? Я объявляю тебе дисциплинарное взыскание. Ты погорячился. Сейчас Максимов в больничке, дробят ему камни в почках. Занимайся текущими делами... С этой лабораторией – погоди. Не нашего полета это дело. Но и Максимова можно понять: только ты в контакте с этими залетными... Ладно девочка-чудо, а то еще этот здоровенный лоб, на раз сотворивший из наших гаишников посмешище. И вот поэтому, – пригрозил кулаком Гринев, – тебя федералы в покое не оставят. А ты не копай себе яму, не будь дураком!

Но капитан не успел отозваться, влетел дежурный:

– Около реки, на лужайке убийства! Какой-то сумасшедший, докладывают, молодой и голый, выскакивает невесть откуда с ножом в зубах и вспарывает животы прохожим. Свидетельницу, бабулю, распорол от макушки до промежности. Четыре трупа... Попытки бешеного пристрелить результата не дали. Исчезает...

– Карамышев... Сердце, – сипло задышал полковник. – В кителе, в кармане – изокет... Ах, «коронал», батенька, ваш навсегда, – закашлялся. – И зажирайся магнием... Дай! – И забрызгал себе под язык нитратным спреем. Отдышался, растирая ладонью сердце. – А тот магний – тысяча двести баночка и название штатовское «Натурал калм», а я «м» недоглядел и прочел: натурал кал... Мы, россияне, потребляем штатовский кал? Меня Комков до сих пор подкалывает... Ну, погнажи!

– Заскочу за табельным...

– Зачем тебе два пистолета? Подай мне мой, – бросил Гринев ключи от сейфа. – Карамышев, только умоляю, не устраивай бойню... Комиссуют меня на раз.

Картина выглядела ужасающей и страшной в самой сути безумства. У протока с распоротыми животами юноша и девушка... С края поляны в зарослях кипрея свидетельница – на совершенное злодейство невозможно было взглянуть без содрогания. Прямо посреди дороги, скорее всего, дедушка с внучкой...

– Он из ниоткуда и... в никуда, – в промежутках приступов рвоты поведал лейтенант. – Мистика какая-то и зловоние...

– Тухлыми яйцами, – поморщился полковник, – вроде как сероводород... Ты чего так дико озираешься, Карамышев?

– Этот гад где-то здесь.

И в этот момент словно из воздуха возникла тварь и полоснула ножом лейтенанта, который в стороне корчился от рвоты. Капитан крутанулся, и загрохотали в его руках пистолеты, однако тут же истошно прокричал полковник: «Дима, сзади!» Карамышев взвился в сальто, при приземлении бросился вбок и всадил в какую-то голую недоросль остатки обойм. Лежа мгновенно перезарядился, но... тварь исчезла.

– Я в него всадил четыре пули, не меньше, – ошалело поводит стволами капитан.

– Мистика... – прошептал полковник, – потусторонний псих... креатив до отвала.

– Дима, – слышалось от ближайшего Стега, – ты уложил его, вон у твоих ног лежит.

– Вранье, – возмутился Гринев, – никого здесь нет. Только мне, кажется, хана, – схватился за сердце, – цыганка, зараза, наворожила. – И упал.

Капитан бросился к нему, но, споткнувшись об что-то, сам упал. Замер от удивления и догадки: «Не тварь исчезает, а мы его не видим... Значит, рядом еще какая-то тварь отводит нам сознанию...»

К полковнику, завывая сиреной, на всем ходу подскочила «Скорая» и увезла в реанимацию. Вторая машина с красным крестом забрала искровавленного лейтенанта.

Дмитрий настороженно отступал к полицейским машинам и понимал, что какая-то невидимая, но действенная сущность может поразить его в любой момент. Но не поражала. Отойдя подальше, увидел расстрелянного им скорчившегося юнца.

Своему помощнику Вандитову приказал:

– Прихвати «пээсников» и немедленно доставь сюда кого-нибудь из охраны раздолбанного коттеджа. А я пока тут прослежу за развитием событий.

Но «развитие событий» не происходило, во всяком случае внешне.

Охранник подтвердил догадку: несчастный юнец – Сергей Устимцев, сын известного в прошлом ученого Кирилла Устимцева. Терзало недоумение: кто превратил этого Сергея в зомби и с какой целью? Были ли подобные случаи зомбирования в прошлом? Если и были – это архивы ФСБ.

«Вот пусть и разбираются... А нас всех теперь постигнет расписка о неразглашении. Я знаю, кто на самом деле владеет тайной, – покривил губы. – Как же ее или этого нездешнего пришельца разговорить? Допустим, тайну узнаю... Но мне тогда крышка. Заикнись я даже сейчас о непроявленной сущности на лужайке – не сущность будут искать, потому что ее невозможно найти, а меня затаскают по психологическим, а то и похуже, экспертизам. Мы все отъявленные невежды, когда чего-то не понимаем и тут же стремимся втиснуть неведомое в наш куцый мирок. А ты, капитан, давно начал догадываться, что наш мирок слишком застопоренный. И генерал Максимов начал было догадываться, эта Натка его убедила. Но тебя, Димочка, он втиснет теперь в такой мирок...»

Вызов требовательно вывел из задумчивости.

– Заместитель Максимова полковник Михеев. Докладывайте, Карамышев.

– Деточка, – отозвался, – все мы немножко лошади, каждый из нас по-своему лошадь...

– Без дури, Карамышев!

– Это вы Маяковскому скажите... Как прекрасно звучит: «А если мне, грубому гунну, кривляться перед вами не захочется, я захохочу и радостно плюну, прямо в лицо вам, я, бесценных слов транжир и мот». Маяковский, если вы не знаете, – это тот, кто провозгласил: «Ненавижу всяческую мертвечину! Обожаю всяческую жизнь!» – и застрелился.

– И ты застрелись, Карамышев. Письменный отчет немедленно! Что у вас произошло?

– Я пристрелил Сергея Устимцева, сына Кирилла Устимцева, ученого, зажатого в коттедже. Охранники подтвердили.

– Как это пристрелил?! Идиот! Живьем нужно было брать, живьем.

– Жаль, вас не было рядом... Продемонстрировали бы свою удаль. Сережка распорол брюхо четверым прохожим, в том числе нашей свидетельнице. Полковника Гринева забрали с сердечным приступом, лейтенанта Крошева, после удара ножом, забрали туда же...

– Да что у вас там творится? Как вы могли допустить подобное?! Немедленно...

– Отчет не получится... Мне потребно заниматься делом. А ты, полковник, подыми свой упругий зад и займись тем же. Ждем-с с последующими руководящими...

– Ну, Карамышев, терпеть подобное нет сил! Жаль, у тебя одного выход на эту полезную во всех отношениях девушку. Но это, слышишь, тебе не поможет!

Когда взъерошенный полковник Михеев прибыл на речную лужайку, Карамышева среди снующих полицейских он не увидел. Это окончательно взбесило полковника, не дождался его лично и укатил в неизвестном направлении и, сволочь, отключил свой телефон.

В последующие дни, ввиду чрезвычайной ситуации, полковник Михеев временно встал у руководства 7-м отделением, ибо полковника Гринева было решено отстранить от должности в связи с возрастом и сердечной недостаточностью.

Капитана, конечно, не пропускали в реанимационную, но тут явно нашла коса на камень.

– Мне некогда исполнять ваши правила, – отстранил медсестру. Вбежавшему врачу тихо, но яростно прошептал: – Молчать! Чтобы я минут десять тебя тут не видел. Капитан полиции, – ткнул удостоверением.

Кардиолог, покосив глазом на два пистолета за поясом у злобного типа, согласно кивнул.

– Дима, – позвал Гринев, – как я рад... Твоя энергия успокаивает и бодрит. А я весь серый и вялый. Что мы в итоге имеем?

– Михеева у руководства имеем... И Максимов на подходе. Уговорить бы Натку, чтобы она ему булжники и в левую почку...

– Хреново, Дима. У кого-то, – взвел глаза кверху, – стиль такой, Максимов строчит ему отчет за отчетом, следовательно, других тоже задолбал отчетами. Михеев перенял стиль, так можно делать вид, что ты бдишь. Казалось бы, ты, Дима, могильщик такого стиля, но «замогилят» тебя. Что надумал?

– А что посоветуете?

– Тикай... И у меня дачи нет, чтобы цветочки выращивать, да и не люблю... Долго не продержусь. Так что давай прощаться...

В тот же день, взглянув мимоходом в коридоре, как прикручивали новую табличку к двери начальника отделения, Карамышев оттолкнул локтем сержанта, вошел в кабинет.

– Я тебя вызывал?! – привстал полковник Михеев. – И даже без стука... Твое детдомовское разгильдяйство вот уже где, – чиркнул пальцами по горлу. – Удостоверение на стол!

Капитан молча выложил на стол удостоверение, «ПМ» и вышел.

– Задержать! – выскочил следом полковник, одумавшись.

Дежурный майор сумрачно взглянул в глаза нового начальника.

– Чтобы задержать Карамышева – ОМОН вызывайте... И то не факт.

– Ничего, мы на него управу найдем!

– А почему «мы»? Я на это не подпишусь, да и все отделение вряд ли.

– Распустил вас Гринев – и в отвал, в больничку... Ничего, теперь будет порядок. Обещаю! Наведу порядок и передам бразды достойному офицеру.

– Первая жертва вашего порядка – Карамышев. Вас можно поздравить с успехом...

– Майор, вы почему позволяете себе так разговаривать со мной?

– Как я разговариваю? Уточните.

– Дерзко!

– Не смешите меня... Вот удостоверение... Сбежать за табельным оружием?

Дима Карамышев, поставив авто в сторонке, с вечера и до двух ночи вышагивал у подъезда с «нехорошей» квартирой. Он изрядно устал и закричал: «Натка, ты бесчувственное отродье, разнесу из „вальтера“ ваши якобы несуществующие окна!» И начал угрожающе навинчивать глушитель.

Окно приоткрылось...

– Заходи. Ты меня и Алка извел. Если не по делу – навсегда забудешь дорогу к подъезду. Зашел и сразу выпалил:

– Какое-то невидимое чужирло превратило юнца в зомби – четыре трупа, у Гринева инфаркт, у лейтенанта перерезаны сухожилия. Я завалил Уфимцева, но мне какая-то мразь отводила глаза... Вместо Гринева – Михеев, от его порядка – только в бега, сдал удостоверение... А эта невидимая мразь меня почему-то не тронула...

– Ты привел их сюда, из-за тебя я сняла защиту, – взвела Натка лучемер. – Тебя еще выпускать придется. А там – рептоид, и тебе кишки наружу...

– Они убивают в самом крайнем случае, не пугай капитана, – подал голос Алк. – Остро нуждаются не в смерти, а в страдании. И, судя по всему, твои страдания только начинаются, капитан. Защиту рептоид не преодолеет, но теперь точно знает, где мы. Ты – приманка. Он

охотится за Наткой. А меня без кокона и «лучей» определит в Ритуал Наполнения. Кристаллы, которые впитывают тонкоматериальную энергию страдания. Гаввах – так называется эта энергия, которая им жизненно необходима.

– И что... эти монстры, давно они тут? – сник Дмитрий.

– Хватит! – вспыхнула девушка. – Только Белый Саван им не по зубам, но и мы не можем вечно отсиживаться... Спасибо, Дима. За все тебе спасибо.

– Лучше бы я Михеева терпел, – пригорюнился Дмитрий. – У вас пожрать не найдется?

– Какая наглость! – заалелись у девушки щеки. – Ты еще сюда жрать явился? Через дня три-четыре мы хотели свалить, запаса – минимум, на тебя не рассчитан. Нет, с двумя мужиками в однокомнатной квартире... Карамышев, ты наступил на горло моей любви!

– Тогда я тебе наступил не на горло, – буркнул в ответ. – Выпусти меня... А там будь что будет. Всего второй этаж... Я спрыгну и добежу к «лексусу».

– Идем, – миролюбиво тронул его за плечо Алк, – я тоже проголодался.

– Что такое Белый Саван? – сбросил руку с плеча. – Какая-то индукционная защита?

– Белый Саван – это Поле, переход между Светом и Тьмой. Это и защита, и смерть, и любовь, и очищение. Белый Саван, управляемый человеческой волей, уничтожает тьму, низкие инфракрасные вибрации, поэтому он непреодолим для подземных существ, которые тысячи лет назад предстали перед людьми богами. До какой-то степени управлять Саваном может Натка. У тебя две спирали ДНК, а у нее четыре с полным набором генов.

– Так пусть замочит эту банду – и все дела.

– Может быть, и замочит. Но только не сейчас. Я пока не могу ориентироваться в пространстве коконом. Ты не раздражай Натку и слушайся беспрекословно. Или она, что плюнуть, сама раньше замочит тебя.

4

Проведенные с пришлыми полночи и день обогатили необыкновенными знаниями капитана, снявшего с себя полномочия полицейского. И не мог сразу уразуметь: это хорошо или плохо? Знания, не перевариваемые его умом, давили, умаляли его в своих собственных глазах. К исходу дня он в нервном расстройстве поглядывал на полупустой холодильник и упорно всматривался в окно. Как-то подошел ближе, пытаясь все же углядеть невидимых, как описал Алк, чешуйчатых, но получил ожог лба холодом, который казался огнем. Защита! Углядел только невероятное количество «наблюдающих», выставленных Михеевым или генералом Максимовым.

– А если всадить в стекло пулю, пробьет? – спросил у Натки, которая сосредоточенно перевязывала раны Алку.

– Примитивщина! – отрезала. – Не вздумай, пуля развернется и поразит тебя же. Саван отразит даже плазму, иначе змееподобные давно сожгли бы нас. Но знают, что их ждет...

– Почему ты и Алк их видите, а я нет?

– Потому что ты примитивный капитанишка, который нагло отдалил пароксизм моей любви на неопределенное время.

– Зачем тогда впустила?

– Ты достал своим нытьем и тревогой, вынуждена была впустить.

– Спасибо, – отстранил девушку Алк, – сама устранись в уголок, помедитируй и успокойся. А тебе, капитан, объясню: ты их не видишь потому, что они свободно проникли в твое сознание, навели телепатический сигнал устранения их образа. Это несложно. И мы с Наткой владеем подобной техникой. Ваше подсознание что дыра...

– А Натка сможет у меня убрать блок этих монстров?

– Сможет, но, когда ты увидишь часть истинного мира, в силу своего характера ты начнешь что-то кому-то доказывать и угодишь навсегда в психлечебницу.

– Что же делать, Алк? Натка рвалась на Кольский полуостров, зачем?

– Там остатки нашей бывшей родины Гипербореи. Но мы звали наш северный остров Арктида. А рядом, ближе к Пирамиде, где проживали Наткины древнейшие предки, находился остров Даария.

– И что, из-за меня вас теперь обложили эти змеюки, не посетить вам оставшийся осколок святой земли?

– Капитан, нам на ящеров наплевать. Это тебе, чтобы попасть на Кольский, нужен самолет, а Натка промчится по миру в бесплотном состоянии, я, пожалуй, в полубесплотном. При слабой активности Савана образуется защитный кокон, но нефилимы рано или поздно нас вновь обнаружат, у них повсюду свои ячейки оповещения. Весь вопрос, что делать с тобой, капитан? Тебя обложили и ваши, и эта ящерная раса. Твои службисты запытают тебя морально и, скорее всего, и телесно. Они усмотрели в тебе перебежчика, который отказался служить им... Именно им. А для змееподобных, когда мы исчезнем, ты просто лакомство. Хотя, – призадумался, – не обязательно. Дмитрий, ты дышишь и без этого не можешь жить. Дыхание для тебя – естественный и необходимый процесс. Для рептоида вибрация страдания как дыхание, – это тот же естественный и необходимый процесс. Они колонизируют расы и живут за счет их мучений, войн, сексуальных действий насильственного характера, гневных мыслей. Им просто не имеет смысла тебя убивать, ты для них не угроза, а пища. Следовательно, если мы не исчезнем, а исчезнешь ты, а? Тебя они отметили – всегда найдут и создадут обстоятельства страдания. И если ты им уж сильно насолишь – приговорят к мучительной смерти, бросив в апофеоз Наполнения Кристалла. Но пока ты для них просто потенциальный не субъект, а объект пищи – пропустят. Нужно проскочить лишь через

эту ораву наблюдателей от органов. Сумеешь? – Карамышев облизнулся, словно хищник в предчувствии добычи. – И вот и встает вопрос: как тебе дальше жить? Я скоро восстановлюсь, Натка от своего не отступится...

– Возьмите меня на Кольский... Я тоже росс, там же где-то истоки и моей родины. Там скалы, пересижу... Северный флот, наймусь...

– Это, Карамышев, хоть какой, но выход. Но как тебя переправить в те скалы? Тебя свои же, если мы тебя и выведем, что вполне возможно, арестуют при подходе к самолету. Натка, если рассвирепеет, уничтожит поджидающих нефилимов. Но страшны не эти перво-подобные, более опасны гибриды человека и рептоида, их не отличишь от людей. Даже я могу ошибиться, только Натка их видит насквозь. Настоящая охота – за Наткой, она угроза. Вначале мы их уничтожали всех подряд, но их слишком много... Логово гибридов в США и Англии, но оно для нас с Наткой неприступно или... наша верная смерть. Уничтожим, конечно, с десятков их сверхмасонов, но они зародили Систему. Их Система имеет жесткую особенность к восстановлению, как трясина засосет в конечном итоге любого героя. Карамышев, мы сами в западне...

– Ну, вы же продвинутые, измените мою внешность до полной неузнаваемости.

– Смешно... Рептоиду плевать на твою внешность, он взял твою тонкоматериальную вибрационную суть.

– Вы можете замолчать?! – вдруг взъерилась Натка. – Самое никчемное племя на земле – мужичье! Вы ни на что непригодны, ступайте на кухню и дожирайте ветчину. А я буду думать. А ты, Карамышев, не росс, ты русский, надеющийся на авось. Пошли вон!

Бочком убежали на кухню. Капитан шепотом молвил:

– Алк, она вроде девушка, а ведет себя как неудовлетворенная женщина.

– Тебе повезло, что догадался шепотом. – И закусил губу.

– Ага... – глубокомысленно подытожил капитан. – И тут я не в тему...

Попили чай с куском зачерствевшего хлеба и остатками ветчины. Капитан испуганно, но съдаемый любопытством, тихо подошел к двери и заглянул в щелку. Увидел девушку, сидящую неподвижным, словно решившим умереть истуканом. Глаза стеклянные, немигающие, кожа бледная, только на шее напряженно трепещет жилка.

– Ей плохо, – бросился к Алку, – я ухажу... Пусть берут меня наши тупые держиморды, авось как-то вывернусь. Пусть снимает защиту, ухажу!

– Вот именно, авось... – отмахнулся Алк. – Натка ясновидящая, она думает. Не мешай. Заткнись и сам думай. И молись, чтобы она вышла на информационный поток...

– Карамышев, – вскоре позвала Натка упавшим голосом. – Сядь, не мельтеши, и ты, Алк... Дмитрий, тебе действительно нужно попасть на Кольский... Недаром рвешься, еще ни о чем не соображая. Ты расскажешь и напишешь люду о нас. Читал братьев Стругацких «Трудно быть богом»?

– Читал. По юности очень был под впечатлением, а позже, стремясь вновь пережить это впечатление, начал читать, но словно меня что-то притормозило, читал без эмоций, не впечатляло. Стал старше, да?

– Нет, не поэтому. Ты близко к сердцу принимаешь несправедливость в своей стране, выпячивание и безответственность одних и бесправие других. Начал соображать, что трудно быть богом не на какой-то малоизвестной феодальной и чужой планете, а мучительно быть богом в своей собственной стране. Я и Алк телепатически закрепим в твоей головке память о нашей жизни, о том, как трудно россам Арктиды и Даарии в стране своих потомков, России. Мы, Карамышев, не боги – Стражи. И ты напишешь книгу-исповедь о том, как трудно быть Стражем в России. Возможно, кто-то прочтет и улыбнется наивности автора, а другой – ужаснется, третий задумается, четвертый не смолчит...

– А что тебе мешает закрепить мне эту память сейчас?

– Ты сам и мешаешь. Если телепатически переинформировать тебя сейчас, через неделю все забудешь. Надолго, а то и навсегда переинформировать тебя можно лишь при пережитом тобой эмоциональном стрессе. Ты рвешься, сам не понимая почему, на Кольский. Да, пожалуйста! Дима, у нас, еще много тысяч лет назад на святой земле Даарии, на самой точке сегодняшнего земного Северного полюса жили развитые счастливые люди, которым техника была не нужна. Это после прецессии – сдвиг – остатки нашей родины покрылись льдом. Мы растили самих себя... И ты себя расти, Карамышев. Ну? Когда узнаешь, как преодолевал себя Алк, тебе станет стыдно. Вот и вся суть: тебе еще может быть стыдно, но ведь все упорней рядом возрастает людская масса, которым не стыдно. Они потеряны для будущего, хотя с первого взгляда кажется, что будущее, особенно материальное, за ними. Но жизнь после смерти только начинается, и там нет материальной идеологемы Нет!

– Ладно, выпускай меня...

– Вот прямо сейчас и выпущу. И при этом, учти, убью двух зайцев...

– Да вижу я твоего «зайца». У зайчишки кровь взбурлила?

– Взбурлила, Дима. Скоро нам будет не до этого... Ты даже не представляешь, в какой мы оказались западне. В Мурманске окажемся раньше тебя, по прибытии зови меня...

Открыто вышел из подъезда и сразу направился к «форду», в котором «дежурили» его бывшие сослуживцы. Старший лейтенант Гамов и лейтенант Лена Тарасенко. Потешала растерянность оперов, когда он уселся на заднем сиденье.

– Приказано разоружить тебя, – вдруг выхватила «ПМ» Леночка, – при оказании сопротивления – на поражение!

– Дима, – просительно произнес Гамов, – отдай ей свой «вальтер», – и не очень уверенно, но приподнял короткоствольный «АКСУ».

– Быстро же вас переинформатировал Михеев. – И, хмыкнув, с покорным видом вытащил из-за пояса пистолет с глушителем. – Возьмите, мадам...

Леночка, самодовольно растянув тонкие губы в усмешке, протянула руку... Вот не надо было ей так усмехаться.

Мгновенным рывком вырвал автомат у старшего лейтенанта, при этом поневоле локтем ударил Леночку в рожицу. Мало того, при резком движении к себе автоматным «рожком» угодил женщине в грудь. Та даже не успела вскрикнуть – отключилась. Бросил автомат и «ПМ» рядом на сиденье.

– Павлик, – спокойно обратился к Гамову, – сам выйдешь или... знаешь ведь...

– Я так и знал, – обреченно вздохнул тот. – Вот же дура! – покосил глазом на Леночку, у которой сочилась кровь из губ и носа.

– Забирай ее... И не переживай, я сейчас предстану перед Михеевым. Извини, не смог стерпеть... Помнишь, как эта мокрошелка заявляла о слабохарактерном руководителе полковнике Гриневе? Выматывайтесь!

– Не ходи к Михееву, – приоткрыл Гамов дверцу, – замучил отчетами, построит и напоминает о тебе, мол, каким не должен быть офицер полиции новой формации. Дни негодяя Карамышева сочтены.

Через минуты три подкатил к отделению. Прихватив автомат и «ПМ», вышел. Менты, точившие ляды на перекуре, замерли, расступились.

«Идиот, зачем я сюда пришел на растерзание? К „браткам“ было бы проще и надежней, вмиг другой паспорт сообразили бы. Послушал эту, закосившую в трансе, ясновидящую, а что она может понимать в нашей жизни».

Вошел, в дежурке – Федор Максимович, майор, одногодок с Гриневым. Повезло...

– Федор, – распахнул дверцу, – иду на эшафот. Так надо. Просьба у меня: припречь мой «вальтер». И никому ни под каким предлогом не признавайся, что он у тебя.

– А это? – кивнул на автомат.

– Гамов с Леночкой решили меня разоружить.

– Давай свой именной, все будет нормально.

Когда ввалился с автоматом и пистолетом к Михееву – тот сжался весь, покрылся смертной желтизной и... глаза. Глаза жалкие, испуганные.

– Оружие, – бросил на стол, – Гамова и Тарасенко. Так получилось. Говорят, по вашему приказу меня – на поражение. Как вы могли так опростоволоситься, Юрий Карлович? Они же по вашему приказу могли меня грохнуть и сорвать операцию государственной важности. Максимова и вас после этого сгноили бы. А я вот перед вами, сам пришел, на ваше счастье живой и невредимый, и готов под вашим чутким руководством к дальнейшей опасной и сверхответственной службе.

Михеев тихо вздохнул, щеки порозовели, глаза вспыхнули строгостью.

– «Вальтер» – на стол!

– Никак нет, господин начальник. И рад бы выполнить ваш приказ, но... инопланетный гибон забрал. Говорит, в моей коллекции нет такого дерьма. А у самого лучемер... Да за один такой компактный лучемер, за срыв операции вас, Юрий Карлович, подвешат за яйца, будут вырывать по волоску и прижигать золотой зажигалкой с выгравированными рунами.

– Все базланишь, Карамышев? – И вскочил, направил пистолет. – Под стволом – в камеру! Лично отведу. И разберемся, что за операция...

– Настоятельно рекомендую... Мне руки поднять вверх или за спину? Но учтите, в вверенном вам отделении в любой момент может возникнуть неуравновешенный космостраж, который разнес известный вам коттедж с надлежащей охраной, а от отделения и от вас, полковник, останется одно испарение.

– Карамышев, ты гонишь или действительно может явиться?

– Лучше, Юрий Карлович, вы предупредили бы генерала Максимова. К нему было явилась девчушка... Камни в почках – это просто тьфу.

– Ты все это время пребывал с ними? И чем они там заняты в этой невидимой квартире?

– Трахаются. Такие неугомонные. Любовь, говорят, – это секс без дозировки. Я от них ушел, Алк меня приревновал, щекотал мне лучемером задний проход... Я весь опаленный, хотите посмотреть?

– Ну, Карамышев! Я сам буду зажигалкой прижигать тебе твой поганый язык.

– Тогда поспешите. Они завтра или послезавтра улетят на Кольский полуостров.

– И... что? Что они там забыли?

– Это допрос? Без генерала Максимова – не советую. Пока никто, кроме вас, полковник Михеев, не снял с меня обязанность досмотра за чудаками с нехорошей квартиры. Если вы, Михеев, потеряете их след на Кольском – вас будут разрезать пропановым резакон на кучки, а потом сотворят из вас удобрение для лучшего прорастания ростков герани. Я идиот, но не до такой же степени, как вы, полковник.

Михеев Юрий Карлович ушел задумчивый. Вернее, не то чтобы панически, но очень задумчивый. Через двадцать минут вошел мрачный, бросил на стол капитану удостоверение, вернул табельный пистолет.

– К Максимова! Явись сам... Хотя я бы тебя...

– Не будем ссориться... Но если «хотя», так я тоже буду ходатайствовать, чтобы вас направили вместе со мной в околумурманскую тундру. Будем вместе выполнять ответственное задание, я буду на этом настаивать. Вас ждет такой отчет...

– Не дури! – отшатнулся полковник.

– Нет уж, служба так служба. А на Кольском мы так подружимся...

Михеев вдруг весь посинел от прилива крови к голове, глаз задергался, лицо перекосило, он даже зашатался.

Дмитрий не спеша прошел к дежурке.

– Давай «вальтер», майор, – приостановился, – где мой «лексач», покачу к генералу... И, пожалуйста, вызови «Скорую» к Михееву, у него предынсультное...

Генерал, словно ничего и не произошло, сразу перешел на деловой тон. Расспросил, внимательно выслушал. Не то предложил, не то приказал все, до мельчайших подробностей, отпечатать на файл и скопировать на флешку, которую ему потом предоставят, и, если возникнут дополнительные вопросы, явиться к нему по первому требованию.

– Под конвоем этих... ваших... в галстучках?

– Не будь злопамятным, Карамышев. И мы ошибаемся... По приказу – миссия твоя действительно невыполнима. Родине служат на добровольной и ответственной основе.

– Хорошо. Отработаю файл и... мне бы отдохнуть. Не жизнь, а сплошной стресс.

«Мой смертный час настал...» – под глухое завывание самолетных движков звучала в голове мелодия какой-то арии. Коды связи, связки с агентами, номер в гостинице... Несмотря на летние месяцы, Мурманск встретил занудным мелким дождем и туманом. «Раз-валяюсь в кресле, – мечтал, – и буду представлять образ юной девы. Звать, отдаваться томлению и рыдать: дева отдана другому».

И звал, и чуть не рыдал, и поругался в ресторане, официант надул на двести рублей – простить? Не то настроение... Швырнул на стол новое эфэсбэшное удостоверение и потребовал: «Открой!» Даже сам боялся открывать.

– Видели мы... – чуть не сплюнул молодой лысоватый официант, – за углом «мутилу» прикупил? А ну, при каком звании? – Без должного пиетета открыл, прощелыга лысый. – Майор? Майор Карамышев Дмитрий Федорович, служба безопасности... О-го! Потратился, а теперь за двести «розовых» удавиться готов?

Такое можно стерпеть? Прошелся мордой мурманского «лопаря» по тарелкам... Морда не то что розовой – покраснела от крови и объедков. Влетела охрана с пару полицейскими, наставили стволы, общмонали. Уставились на «вальтер» с завитушками посвящения в избранные. «Какая пташка привалила», – довольно молвил полицейский, нет же, конечно, на западный манер – коп. Была у нас наша славянская милиция, «мент поганый» звучал куда благозвучней, чем коп продажный.

– Пока его – в обезьянник, удостоверение – на проверку, – приказал грузный «пээс».

Еще раз: такое можно стерпеть? Конечно, непривычно быть майором госбезопаса, но все равно – честь. Государева честь – это не призыв, это необходимость, которую каждодневно требуется доказывать.

Что тут началось, батюшки, он же не думал, что в нем так разыграется майорская честь. Трах по коленке, бах по печенке, здоровенному охраннику – локтем в горло, грузного – за уши и коленом между ног, пальнувшему из нагана охранника, перехватив руку, выбил оружие, двинул кистью об угол стола, головой расквасил морду. Ладно – начал остывать – пусть будет... лицо, а не морда с не нашим разрезом глаз, черных и колючих. Молодой начал дрыгать ногами с воинственными воплями... Просто кошмар какой-то! Перехватил ногу, схватил «конфу» за приплюснутый нос и ну совершать малым круги, сшибая столики. Грузный «пээс» ожил, рванул из кобуры родной и старенький, поистертый «пээмчик». Пришлось приложить от души по... лицу. Завалился. Мурманских копов стреножил... Почему стреножил? «Стреручил» их же наручниками.

– Нажал кнопку на мобиле – а может, такая рация? – на отзыв – четко, слегка запыхавшись, произнес код, придуманный им же под сдержанное ворчанье Максимова: «Идиот – он всегда идиот». Да ладно, идиот... Карамышев Дмитрий Федорович, сокращенно КДФ, для

запутывания иностранной разведки – 1ВБ, то есть ваших б... й по первому разу, 007 – всем же понятно, слямзил у англичан – возмездие неотвратимо.

– Какие проблемы? – в ответ с тревогой спросили.

– «Пээс» с местной охраной вознамерились меня – в обезьянник. Вправил им мозги, сдаю в браслетках, как положено. Черт! – встрепнулся. – Да я же этого сопливого официанта так и не оприходовал... У вас в Мурмане действительно эфэсбэшные ксивы за углом продают?

– Понятно, – с облегчением вздохнули. – Подержи их на мушке минут семь...

– Да какая мушка? – огрызнулся. – Лежат и таращатся с почтением.

Влетели черные, как грачи, спецы, пнули слегка «пээсов», поинтересовались:

– Кто первый усомнился в подлинности корочек Московского региона?

– От него сигнал, – повел плечом грузный полицейский в сторону официанта.

– Вот гнида, – вспылил охранник, – заныкал две сотни и взбаламутил полицию...

– Я сам, – отодвинул в сторону спеца.

Официант сложился от удара в живот и почему-то так и застыл, словно гомосек в экстазе.

– Перебор, – заметил спец, – он теперь так и будет стоять, смущать непорочных.

– Коньяк за счет заведения! – выскочила из-за спин рыжая бестия, титьки вроде натуральные, а морда кирпичика просит. Наверное, мурманская достопримечательность: транссексуал «ой, я сама разденусь», а между ногами что-то непонятное.

– Я при исполнении, – уныло бубнил спец. – Ребята, забирайте этих для профилактической беседы. Завидую тебе, майор, – ухмыльнулся, – пихайся с достопримечательностью, а мы отбываем. Если что – звони, не стесняйся, авось до утра доживешь.

– Коньяк будешь, самый лучший? – басит достопримечательность. – Стресс снимает...

– Где ты найдешь тот коньяк, который, после взгляда на тебя, стресс унял бы? – тихонько пошел КДФ из адского заведения.

Вошел в номер, вскинул в душевном порыве руки, забубнил:

– Натка, какая звезда тебя, дуреху, внедрила к нам? Чего ты рвешься в этот Мурманск, изнасилованный конторами ЖКХ, проданный и перепроданный проходимцами-чиновниками, сосущими из людей кровь и нервы. Беги, Натка, беги от этого мира, в котором высокие технологии работают прежде всего на уничтожение себе подобных братьев и сестер, беги от мира, в котором – рабы, зависимые от денег, корысти, лжи, нищеты и престижных богатств дельцов и политиканов. Беги, Натка! К чему твой зудеж самопожертвования, этот мир ни ты, ни кто другой не исправит. Мы неправильно живем... Мы неизлечимо больны, нас отравили, или мы в действительности такие и есть. Такой мир еще слегка просуществует под пятой долларовой элиты и остатками людей, которые стремились к любви, честной демократии и свободной, незапрещаемой жизни, скрашенной страданием, болезнями, несбывшимися надеждами и бессмысленным несамореализованным творчеством. Беги, девочка, в свой мир, где, возможно, свет светит всем, а тьма проникает в другие миры, а ваш обходит стороной. Беги или, если не можешь, притаись и уже ничего не жди...

– Даже смерти? – послышалось из темного угла.

– Даже смерти. В этом мире смерть тебя сама найдет.

– Да будет так! Сейчас по не успевшему еще затянуться следу моей «червоточины» прибудет Алк. Карамышев, ты все же поймел чрезвычайные полномочия... Нам нужно попасть в центральную часть полуострова, у нас – без проблем. Тебе нужен вертолет.

– Сейчас узнаю, – взялся за спутниковую рацию. Активировал кнопкой, строго, входя во вкус, молвил: – Майор Карамышев, КДФ1ВБ007. Птичка прибыла... Гибон на подходе. Требуется вертолет. Вектор – центральная часть полуострова.

– Цель? – лаконично запросили.

– А хрен его знает. Мамой клянусь, пока не знаю. Не будет вертолета – и не узнаю. Они передвигаются в бесплотных телах, мне, простому пацану, за ними не угнаться. А на вертолете мы полетим вместе, а вы проследите, не развешивайте уши. Натка от меня без ума, на свою планету пока не приглашает, опасается за мою жизнь, гибон очень уж крутой...

– Зафиксировано без проблем, пусть генералитет разбирается в этой абракадабре. Дадут добро – вертолет в любой день и час. Конец связи.

Натка хохотала, влетевший Алк осторожно похлопал ее по спине.

– Истерика? – поинтересовался. – Когда вернем назад интегратор? Я боюсь за тебя. – И набросился на Дмитрия: – Это ты ее, вислоухий, довел до такого состояния?

– Почему я вислоухий?! – возмутился, аж ногой топнул. – Ты ревнуешь, сам становишься вислоухим, а Натка, видишь, аж задыхается... Она мечтает, а ты, Алк, сухой, как тряпка у ленивой уборщицы, ты же как цербер ее сторожишь, а женщины в любых мирах этого не любят, учти. Ты же, как олигарх, даже в туалете видеокамеру установишь.

– Что-то происходит, – почесал макушку «гибон», – в присутствии этого... этого... я начинаю себя ощущать клоуном, а иногда даже полным идиотом.

– Это тебе за вислоухого, – обиделся Дмитрий.

– Но ты же ныл: Натка, беги из этого мира, – вдруг занемела взглядом девушка, – а этот мир становится таким именно по вине вислоухих. Это Серые, гибрид сирианцев с рептоидами, ударная, оперативная каста человеко-рептилий с Альфа Дракона, которые заключили договор с Эйзенхауэром и на пике невиданного капитализма потрошат духовную сущность человека. Дима, – жалостливо посмотрела на новоиспеченного майора госбезопаса, – одумайся и сам добровольно забудь о нас.

– Но вы же, как я понял, от нашей Земли?

– Это ничего не меняет. Да, мы потомки бывшей Арктиды, которая была уничтожена рептилиями. Большая часть бореев, после похолодания, ушла в Индию, некоторые ушли в Космос, многие затерялись в поселениях россос на Южном Урале.

– И чем вы опасны? Да когда я брал банду отморожков от власти – было куда страшнее и опасней. Вот, – вытащил «вальтер» с неизменным глушителем, – осталась память.

– Дима, общение с нами – опасность другого рода. Какие-то силы постоянно решают, что можно озвучивать, а что нет. Например, физики, лучшие человеческие умы, открыли излучения, влияющие на зрение. В трехмерном мире эти частоты делают человека прозрачным. Это открытие тут же чрезвычайно засекретили, никто никогда не узнает авторов, ибо прозрачными в среде людей пребывают нелюди, не фантастические, реальные. Для драконовых подобные открытия опасны, люди, создав приборную противочастотку, запросто могли бы воочию видеть истинных рептоидов. Эти пришельцы когда-то объявили себя богами, жрецы приносили им в жертву людей. Сейчас, Дима, ежегодно исчезают и никогда не возвращаются несколько миллионов людей. Не было бы этих нелюдей, наличие инопланетных цивилизаций на Земле не замалчивалось бы, а людей, контактирующих, например, с такими, как мы, Димочка, не делали бы сумасшедшими, не блокировали бы им память. Не было бы одержимой системы контроля и скором вводе микрочипов в людей, когда контроль самого человека над своей жизнью неприемлем. Нужны низкие негативные вибрации насилия и разврата, постоянные деструктивные действия, войны – это пища. Власть – это неумное желание контролировать, но сама власть при этом хочет остаться бесконтрольной.

– Наточка, – поежился бывший капитан, – ты действительно опасное существо.

– Для кого, Дима? Мормонам из Солт-Лейк-Сити штата Юта в США, которые выступают посредниками между людьми и рептилиями...

– Но почему... эти... питаются нашей энергией, да еще и худшего качества?

– Они находятся между двумя мирами, нашим и более развитым измерением, следовательно, у них мало собственной энергии, они вынуждены употреблять низкоуровневую

энергию, искусственно и весьма изобретательно сдерживая человеческое развитие. Представь себе бореев, которые не погибли, представь атлантов в своем дальнейшем развитии, лемурийцев, расы, которые не искажались бы и не уничтожались. Представь величие человека, если бы не эти по сути игуаны, драконовые, змеи-люди. Величие русских, если бы не единое наследственное «королевское» древо власти с англосаксонским чревом, которое одурманило революцией, «свобода, равенство, братство», а затем меченное на лбу существо, пресмыкающееся перед Рейганом, и... разруха, вымирание, обнищание народа и гниль административных откатов. Карамышев, нам грохочущий вертолет не нужен. Отступишь, Дима!

– Да что же это такое?! – озлился. – Что вы меня бесконечно хороните? Сказано вам – я везучий. Послушаешь тебя, Наточка, так, учтя невообразимую тягу Михеева к подавлению, у него в башке скрытый змей?

– Карамышев, если я тебе открою сознание, твой «вальтер» превратится в бесконечно грохочущий огонь, ты вмиг станешь врагом человеческим, взбесившимся преступником, потому что успеешь к тому времени замочить с десятков скрытых рептоидов. Дима, у тебя мало шансов остаться в живых, охмури курирующего тебя генерала и откажись от затеи.

– Ну да, тогда мне точно не жить. Они же изведутся, когда не узнают, зачем вам центральная часть Кольского и что вы там забыли. А сотрудничать с ними вы отказались. А то, что жизнь могу потерять... А что в ней хорошего? Ловить бесконечных преступников, пока сам не станешь преступником? Итак, экстренная связь, где моя заветная кнопка... 1ВБ007? Знак вопроса – возможность срыва операции, – объяснил.

– Карамышев, что у тебя стряслось?

– Завал и рептоидная угроза... Уберите Михеева с 7-го отделения, возвращусь – пристрелю! Хотя, Наточка, вот она сидит передо мной, раскраснелась, утверждает, что вернуться у меня мало шансов. Да, господин генерал, они тут вместе, только что прибыл инопланетный Алк, но пока помалкивает.

– Майор, – терпеливо заметил генерал, – экстренную связь по пустякам не занимают.

– Ничего себе пустяки, Примаков – шумерский выкидыш, нет, он молоток, наследник древних, взгляните – типичный шумер, плюнул в морду амеру, самолет развернул, а русские мормоны его – тюк по головке.

– Тихо! – зашептал генерал. – Ты в своем уме? Подонок, ты кого зацепил?

– Короче, генерал, вникай: завтра к девяти – вертолет к гостинице, тут рядом пустырь с вечной мерзлотой, если будут гарантии – росска полетит вместе со мной, значит, под присмотром. А если гарантий нет, меня могут замочить мормоны из Солт-Лейк-Сити.

– Дима, – отечески, но испуганно отозвался генерал, – у тебя явно поехала крыша, в чем состоят гарантии?

– Натка боится, что это у вас поедет крыша и, когда они сядут в вертушку, спецназовская саранча захочет отгрызть им крылышки. А они бореи, удрали от вислоухих, уложат Саваном спецов, превратят Мурман в гнилушку, хотя куда уж больше, и ненароком доберутся до вас, господин генерал. Не делайте этого, пожалейте спецов, меня и себя. Ваши камни в почках – это микрокелейное событие. А я еще хочу насладиться Наткиной неземной красотой и отправиться с ней к заповедным краям полуострова. Они же без меня пропадут, когда увидят, во что превратилась их уцелевшая часть сказочной Арктиды.

– Базлан! Я тебе это припомню, – пригрозил Максимов, – думаешь, бога за бороду прихватил и тебе все сойдет с рук? Даже бывшего премьер-министра шумерами запакостил, лучше, Карамышев, тебе не возвращаться... Куда направляется вертолет?

– Секрет. Маршрут будет указан пилоту. Проследите через спутник...

– Карамышев, я проклинаяю ту минуту, когда тебя задействовал...

– Отставить! До следующего экстренного сеанса связи. Алк, – повернулся, – как насчет коньячка? Закажу в номер, не дали толком поужинать, пришлось утюжить морды.

– И это уже успел... Заказывай, и побольше жратвы. Натке коньяк нельзя – малолетка, еще сорвется и проутюжит Саваном полгорода. Даже пыли не останется, был городишко и нет его – рассеялся в атомах Мироздания. Без шума и пыли – это тебе не атомный шумливый грибочек. Тук-тук, а кто тут в теремочке жил? – обнял Натку и затосковал.

5

В 9.00 на пустыре приземлился вертолет. В заунывной местности не просматривалось ни души, только возмущенно гавкали беспризорные собаки. Оно и понятно, зачем при современной технике спецам лишняя головная боль? «ГЛОНАСС» крутится-вертится около голубого шарика, разведывательные спутники шныряют – все как на ладони. Но то, что вокруг ни души, пооглядывался Карамышев, спецы явно перестарались. Где-то за гостиницей установили кордоны, людей затуркали. Почему? Чтобы никто из простых смертных не мог увидеть два сияющих голубым сиянием – защита! – человеческих силуэта: изящный женский и двухметровый мускулистый красавец, который настороженно зыркает из-под хмурых бровей. «Если ты полетишь один – они усомнятся в твоей миссии, не поверят», – заметил Алк и убедил Натку. И вот они вышагивают к допотопной, на их взгляд, «вертушке», не спеша, независимые, свободные и красивые. Кому-то они – инопланетяне, которых упорно скрывают от глаз людских, и невдомек скрывающим, умственно исковерканным секретностью, что по неприглядному пустырю идет будущее, скрытое в величайшей истории росссов, истории колыбели человечества – праматерика, населенного людьми, не знающими болезней, раздоров, мучительной смерти, идут уцелевшие представители Золотого Века, прародители России, Индии, Греции, индейцев Южной Америки. Если бы не ученый Герхард Меркатор и его карта Гипербореи – никто бы и не догадывался о не исковерканной пришлою нелюдью славе Земли. Славе величайших прапредков, которые жаждали мира всем живущим, которых не поганила техника, ибо в ней никто не нуждался, эти росссы, бореи, арии жили и тонкими, и физическими энергиями, для творческого порыва не нуждались в искусственном и чаще вредоносном переустройстве мира. Они были родными детьми природы, видоизменяли себя через транс, незлое волшебство предсказаний и энергетической интеграции обновления организма, а значит, и самой жизни.

– Гора Нимчурт – святилище Великой Богини, – указала Натка остолбеневшему пилоту.

Опытный спец, зачарованно помедлив, активировал навигатор и, к своему удивлению, убедился в наличии такой горы. Да и лететь было относительно недалеко. При подлете девушка, улыбнувшись, предложила пилоту:

– Милый, ты покружись, не спеша, у трех озер, спустись пониже... Я этому очаровательному майору госбезопасности должна кое-что показать с высоты и объяснить. Нам бы переговорные устройства – шумно тут у тебя, как вы умудряетесь на таких колымагах летать?

Пилот обиделся, его «стрекозку» никак колымагой нельзя было назвать, но кивнул помощнику – пассажиры получили дуплексные переговорные устройства.

– Учтите, мальчики, Золотой Век на осколке этой святой земли существовал до тех пор, пока матриархат не сменился патриархатом. Вглядишься, майор, в эту красоту... Все, что ты видишь, – это величие и позор России. Величие прошлого страны росссов, которое неумолимо съедают века и тысячелетия, и позор, ибо, тиражируя древние пирамиды инков, плато Наска, «канделябр» на Тихоокеанском побережье Перу, Россия упорно игнорирует свою не сравнимую ни с какой страной историю. А без подлинной истории нет подлинного настоящего. Посмотрите на склон Нимчурт, как раз солнце светит с севера, там тысячелетний трезубец, почти в два раза больше Тихоокеанского «канделябра». Для современных, как бы развитых людей письменность состоит из букв, которые составляют слова, из слов – предложения. У древних росссов знаки означали символы, за которыми – тонкоматериальная суть. Сейчас это называется славянскими рунами. Трезубец – это рука Дерева Мира, которая дарует покровительство богов и защиту. Не усмехайся, Карамышев, – нервно и зло повернулась, – даже покровительство богов бессильно порой перед его величеством Подлостью.

Видите эти изумительной красоты озера? Среди них магическое Сейдозеро, на дне из тысячелетних глыб выложен знак... Карамышев, видишь знак? Бугры ила...

– Девушка, не переживай, я не боюсь показаться дураком, но, по-моему, это гигантская человеческая фигура с скрещенными руками, а чуть дальше... знак радиационной опасности. Те же треугольники, но между ними вроде бы крест...

– Вот именно – косой крест! Символ Арктиды, позже на нем будет распят апостол Андрей Первозванный. Косой крест – это символ Мировой горы Меру, пирамида в ее проекции сверху. «Энергия для человека опасна!» – гласит тысячелетняя пиктограмма, радиация. Ядерный взрыв! Человекоподобная фигура – это волхв Куйва. Само озеро имеет двойное дно, куда уходит рыба и где обитают доисторические существа. Скалы над ущельем Чивруай, – указала, – это головы росс-исполинов, а дальше холм, всмотритесь, напоминает голову как бы сказочного Руслана... Если снять метровые слои мха и лишайников – это очередная, сложенная из метровых правильно отесанных глыб пирамида. На стенах – трезубец, стрела, косой крест. Стрела – это Треба, необходимость принести себя в жертву. Ты готов, Карамышев? Мы скоро там окажемся, перед входом, который в двадцатых годах взорвали чекисты во главе с Александром Барченко.

– И зачем завалили?

– О, я тебе объясню на месте. Над входом был знак Берегини, Матери Сырой Земли. Это символ Судьбы, дарующей жизнь или смерть, защиту или поражение.

– Получилось поражение?

– А это мы еще посмотрим... Здесь вокруг Лавозера немые древнейшие свидетельства истории России, всюду тайны той далекой эпохи, которые нищенски пытаются искать и понять энтузиасты, у которых зачастую не хватает денег на аквалангистское оборудование, а уж чтобы взять в аренду вертолет... Подлинная история России не нужна, ее историю написал немец, Ломоносов хотел воздать истину – переиначили, а теперь отправляют русских в египетский Луксор на воздушных шарах смотреть панораму чуждой земли и энергетики. Египтом правили, кроме Трисмегиста, гибриды рептоидов, и сейчас на этой земле и близлежащих возможен только хаос и страдания. А тут изумительный родной край, знаки Опоры, стержня Мира и общения с богами. Вот урочище Нимчурт, что означает – Женские Грудь. В Даарии эту гору звали Куамдеснахк – гора Любви. Тут и сложился культ Великой Богини. Я вижу сквозь века, – простерла руки девушка, – торжественное шествие арктидов, бореев, росс, ариев, поднимающихся к священной точке... Вы же стали слепыми, – одарила Диму Карамышева сочувственным взглядом, – для вас это нелепые сказки, вы лишены тонкоэнергетических символов. Но вокруг сказочные красоты Сейдозера, заповедных озер Луявра, Умбъявра... Недра святой горы Нимчурт спасли от рептоидов народ лопарей, они стали обитателями подземного царства, где оградили себя от ящеров святыми заклинаниями – Крада, знак священного огня, воплощения в неизбежной реализации миссии России, которую один из гибридов определил коротко: «Пока не раздолбаешь Россию – мир к рукам не прихватишь». Смотрите, – восторгалась Натка, – тающий снег образовал горный ручей, он вырывается из-под снежника и устремляется к озеру. Где-то здесь был ступенчатый алтарь и святилище. Под тающим льдом ступени, ведущие вниз. А внизу хрустальный дворец с гротами из обтесанного камня... Не где-то за бугром, а у нас в человеческий рост пригнанные гранитные плиты, создать такие гроты не под силу нынешнему захудалому человеку, ибо все измеряется сейчас миллионами долларов, евро, рублями, юанями... Сила духа в долларе? Какая угодно сила, только не духа. А если и духа – так чешуйчатого, подлого и скрытого, который давно уже приноравливается, и не без успеха, приловчить человеческий мир под себя. А сверху в том гроте – полупрозрачные своды, через которые пробиваются солнечные лучи, переливающиеся радугой. Я там была... В углу окаменевший якорь, а в следующей пещере – солнечные часы, они отмечают на тонкоматериальном уровне час Подлости, когда

намеренно направленный астероид обрушился на святую землю... Устояла только Меру, но скрылась под водой. Остался нетронутым этот уголок Арктиды, но под напором рептилий матриархат сменился воинственным патриархатом. Начались боины и страдания. Устояла Нимчурт – усеченная трехступенчатая пирамида, останки древнего матриархатного святилища, все здесь загадочно... Изображения инопланетян – это наши арии, воины. Вот один из них, – указала на Алка. – Все опоганено, намеренно извращается. Гитлер провозгласил себя арийцем, выискивал следы Гипербореи не для знаний и счастья, а для завоевания мира. Арии – это вовсе не арийцы. Арийцы – это потомки планеты Ариец в созвездии Астреи. Садимся, – приказала, – вон там, около того неприметного холмика...

Вертолет улетел. Алк сурово спросил:

– Натка, где интегратор и твой рюкзачок?

– А, – отмахнулась, – интегратор там, – кивнула в сторону холма. – Под холмиком – бесконечные подземелья, но не пропускают – страх, боль, душа стонет... Алк, не хмурься... Гляди, какая красота вокруг! Не в Луксоре, а тут, еще в чистой земле, – туристические комплексы, воздушные шары, подлинная история росссов и ариев. Ты чего, гадкий мент, ухмыляешься?! – подскочила к Дмитрию.

– Не собачься, – отступил тот. – Историю пишут победители, а победители, если верить тебе, не люди. Победителей даже не увидишь, затаились и правят по своей надобности. Пусть я гадкий мент, а ты кто: победитель или побежденная?

Натка вся аж посерела, тихим голосом ответила:

– Была страшная война на территории Индии и нынешнего Пакистана. Боги Индии – это наши герои. Рама – арий, возглавивший исход из останков холодной и разрушенной Туле, так звалась тогда Арктида. Брахма – наш покровитель, у него был дворец на Меру. В священных книгах древних индийцев описаны наши северные реалии, полярные день и ночь, северные сияния. Пребывание арий на Мурманской широте запечатлено в названии гор, озер, рек... В той войне богов мы щадили людей, а рептоиды били из космоса термоядом. Мы понадеялись на Элохим, но эти экспериментаторы жизни, ударив пару раз по подземным городам, исчезли. У них самих было неспокойно, рептоиды донимали всех.

– Назови хоть одно местное название индоариев, – не поверил новоиспеченный майор.

– Индварь, – выпалила, – возвышенность. – Индель – озеро. Индера – река. Ганга – остров. Гангасиха – залив. Гангос – гора. Рамозеро... Карамышев, ты не готов даже приблизиться к Вараке, к той небольшой сопке, – указала. – Я знаю тут поблизости сейд, прямо в лесу, с слегка проступающими от старости моховиками-булыжниками древнего «лабиринта». Нам всем необходима дополнительная омолаживающая энергия.

– Да куда тебе еще омолаживаться? – вытаращился Дмитрий.

– Заткнись и топай за мной... И учти, ты на территории матриархата. Молкни и исполняй древние предписания. Имея уникальную историю и возможности, вы начали пресмыкаться перед англосаксами, для которых Россия всегда была костью в горле.

Сейд – лапландская святыня, которой аборигены, лопари-саамы поклонялись. Мхи и лишайники, уплотняясь веками, пропитываемые тонкой энергией светоносных стихий Гипербореи, превращались в своеобразный торф, по-местному – сейд. Духи камня – главные Божества этой местности – превращали сейд в исцеляющую силу. Правда, зомбированных безразличием ко всему, кроме материальной выгоды, сейд оставлял при своих.

Карамышев прилег вскоре на растительный ковер и действительно почувствовал, как уходит куда-то усталость. Мир вокруг становился более красочным и насыщенным, сила и радость от того, что он просто живет, начали переполнять его.

– Хватит, вижу – заблестели глазки, – подняла его Натка. – Если замечу, что ты как-то похабненько взглянул на меня, – не останется от тебя даже праха.

– А как еще на тебя глядеть? – возмутился. – Невозможно же на тебя смотреть, чтобы не возбуждались все члены организма. Я – самец, и не надо меня кастрировать угрозами. А он чего лежит и лыбится? Алк, подымайся и ты, так несправедливо...

– Справедливо! – отрезала девушка. – Алк, возьми от сейда по полной, пока не восстановятся все твои внутренние и внешние переломы, ушибы и раны после внедрения.

– Какого внедрения? – похолодел взгляд майора. – Космические бесполезные доглядачи, да? Какой толк нам от ваших сверхтехнологий?

Матриархат... Всемирно-женские шпионские сетевики, ткни в любую страницу Интернета – ваши выгибающиеся задницы и угрожающих размеров сиськи.

– Да, внедрение, – хищно подобралась девушка, – мы росли обычными детьми, впитывая ваш мир.

– И что? Что изменилось в мире или в нашей России от вашего внедрения?

– Я не просто так таскаю тебя по святым саамским сейдам. Топай к «лабиринту»!

Нет же, получокнутая девка заставила его сосредоточенно вышагивать среди замшелых концентрических загогулин. Вначале – наплевать – шагал, удивляясь суеверию «внедренцев», а затем испуганно завопил и выскочил из запутанных окружностей.

– Назад! – потребовала, выставила руки, и упругая сила швырнула его к «лабиринту».

– Оно меня поглощает, – задрожал, – ты что задумала, ведьма?

– Я не ведьма, а Богиня, – встала над ним, – госбезопас дешевой, мохнатых камешков испугался? Тебе, серость, объясняю: всюду на земле имеются патогенные зоны – это вредные и чрезвычайно опасные излучения отходов подземных пустот с не очень дружественными расами и потусторонними энергиями, земные разломы – раны земли, – но имеются и оставшиеся немногочисленные зоны чистой энергии, места Силы, светлые вибрации первозданных энергий Творца, которые восстанавливают клетки тела к исходному состоянию. Суть в очищении и активации главной для полноценной жизни небольшой железы мозга – эпифиза. На Луне имеются установки рептоидов, несколько лучей с вибрацией человеческого эпифиза превращают железу в крупинки кальция, низведя его воздействие до примитивного уровня – вот почему вы лишены тонкоматериального восприятия, людей низвели до технически все более обезжизненного развития роботов, оторванных от Природы, ведомых космическими колонизаторами. Данный Лабиринт, – ткнула пальцем, – место Силы, источник чистой энергии древнейшего сейда. Россы отметили его каменными извилинами, дорожкой, по которой можно пройти, отвлекаясь от окружающего мира сосредоточенностью, не сбиваясь с дорожки. Что-то подобное месту Силы изобрели русские ученые в Сибири, случайно открыли «таблетку молодости» С5. Рептоиды изгадят открытие... Таблетка воздействует на гены обновления. Вот те гены, которые якобы не задействованы, хотя их требуется просто активировать. Поступает программа обновления, и стволовые клетки начинают избавлять от любых болезней и расстройств программ человеческого организма.

– Ты врешь! – завопил. – Оно меня втягивает, поглощает, я растворяюсь...

– Ты просто трус! А как тебя можно освободить от человеческой дури, которой награждают людей паразитирующие уроды? Вставай, трусливый поганый мент, определяйся сознанием своих великих предков и знай: твоя жизнь после нескольких прохождений Лабиринта станет мучительней, твое сознание начнет понимать и видеть то, что в вашей жизни упорно запрещается, оставляя лазейку для так называемых гласно и негласно избранных. Выбирай! Выбирай, несчастный и ослепленный всевозможными «вертикалями» олух!

– Карамышева еще никто не обзывал трусом, – встал на четвереньки, – хорошо, я пройду... Только потом как дальше жить? – выпрямился. – Ты же грозила меня заставить написать о вашем внедрении... И кто меня поймет? Генерал Максимов? Редактор, которому милей свои «творческие негры»?

– Не скули, Дима, – смягчилась. – Не поймут... А ты иди.

– Ну, так я уже... – шагнул. – Эта путейка, – вспыхнул, – дорожка к самоубийству, инфаркту, инсульту и бессоннице.

– Так откажись!

– Поздно... Я, Богиня, учти, не хуже твоего Алка.

– Хуже. Сосредоточься только на неудобной дорожке из древнего мха. Запаникуешь – заставлю тебя вызвать вертолет и катись...

Он шел, мелко, порой неуклюже ступая, преодолевая ужас, когда ноги «проваливались» неизвестно куда, а голову втягивало небо. Спасал только гипноз дорожки, словно неумолимый фанатичный волхв держал его в узде повеления: ступай, человек, в закрепощенном мире к более раскрепощенной судьбе и, если в этой жизни после этого тебе будет надеяться не на что, надейся на достойную смерть.

– Ты прошел, – подхватила, – ты прошел... Не обесчестил свою Богиню.

– Чего? – отстранился. – Обесчестил?

– У тебя чуть изменился взгляд, – усмехнулась, – стал сосредоточенней и не такой наглый. Ты мог обесчестить, не в физическом смысле – кишка тонка, а в тонкоматериальном. Ты мог оказаться недостойным своей судьбы, разменять ее на антураж... А руна Алатыря, знак, который ты сейчас увидишь, – это не требование жертвы, а самопожертвование. У волхвов был свой Алатырь, семилепестковый с жертвенным ложем в центре, а вокруг орнамент из знака Рока – крест, пронизанный по центру вертикальным знаком препятствия как символом скрытого внутреннего роста. Ниже знак Перуна, защищающий от Хаоса.

– Послушаешь тебя, – разминал Дмитрий ладонью затылок, – так сами по себе люди – ограниченная биомасса, а Менделеев, скажем, бывший борей... И писатель, описавший сто лет назад орбиту, строение и размеры марсианских спутников, и Леонардо да Винчи...

– Заткнись! Менделеев не наш, а ваш, но подбросили во сне таблицу ему – мы. Свифт – не наш, Леонардо – астреец, память ему, как и всем, заколотили, но развитие дает о себе знать... Рисовал космические корабли и аппараты, а куда денешься – нарисует. А вот Макдонский, Наполеон – задолбанные нефилимами завоеватели... Ренессанс – наша работа, сдвинули людей с мертвой точки. А ты базланишь о нашей бесполезности... Королев – чистокровный росс, и... русские в Космосе. Но человеческая ограниченность превратила социализм в загнивающую старческую тщеславную неповоротливость...

И вот, недалеко от Сейдозера, Варака. Небольшая сопка, покрытая лесом, с замшелыми узорами мха и лишайника. Проступают притертые друг к другу темные, древние булыжники. Натка слегка отодрала веками слежавшийся мох и тут же изменилась в лице, отступила на несколько шагов.

– Тут был знак Алатыря... Сама видела. А теперь – Вий, магический запрет.

– И далеко там рюкзачок? – забеспокоился Алкид.

– Недалеко... Я успела пройти всего метров пятьдесят, начала ощущать страх... А тут твой вызов... Я рюкзачок поставила у ног и... удар – тошнота, головная боль, в животе колики, суставы горят...

– А как ты туда проникла? – удивился Дмитрий. – Завал капитальный...

– На завалы мне наплевать. Тело может быть физическим, бесплотным и плазменным – проникну, но магическая защита с предупреждением – не шуточки. И Алк проникнет, а вот ты, мент?... Впервые этот лаз и место Силы нашел в 1922 году ваш Барченко... Большевики под сенью мировой революции искали древние магические ритуалы и предметы, мания тотального подавления, «Я верну людям страх», – произнес как-то вождь. Вход в Вараку пришлось взорвать, проникнуть вглубь не позволяли страх, боль, беспамятство. В глубине что-то и кем-то сохраняется, тайное и неподвластное людям. Что? Это не знаю даже я, – исподлобья вглядывалась Натка на мерцающую руну Вия. – Большевизм – англосаксонский выродок рептоидного разрушения России. Они уже расчленили непобедимых россов в огне

Гражданской войны, когда россы уничтожали росссов под восторженную утопию всемирного братства, новой жизни и справедливости. Ради братства и любви росс, борей, истинный арий не пожалеет собственной жизни – рептоиды это использовали. Но тут кое-что произошло и... деспот, не росс и не борей Кабо, понял, что и его, такого величественного в собственных глазах, поставят на колени. А произошло вот что. Вскоре после экспедиции Барченко, под жупелом помощи, почти тайно посетил Россию Рокфеллер. И тогда и сейчас у них метода одна: создают проблему, чаще общемировую, а затем предлагают помощь в разрешении проблемы, при этом прихватывая, искажая проблему во имя хаоса и страдания. Но на этот раз суть заключалась даже не в этом... Род Рокфеллеров – гибриды скрещивания рептоида и человека. В то время метода была не столь совершенна, и рептоидная печать так и осталась на лице этого монстра. После посещения России Рокфеллером почти всех членов экспедиции, в том числе и Барченко, уничтожили. Барченко слишком близко приблизился к тайне. Тайны Золотого Века страшны существам, которые боятся даже мечты человечества о здоровом духе наций и рас. Финансировал революцию Ротшильд, влиять на большевиков было несложно. И сейчас все революции финансируются в основном Рокфеллерами и Ротшильдами. Тут они едины, но уже вгрызаются друг другу в глотки, должен остаться один... Началась смертельная борьба, у англосаксов борьба всегда была подлой. Но Россия, страна росссов и бореев, заново воссияет звездой нового мира. Амеры погорят на своем бредовом мировом правительстве, авантюра с «Синим лучом», охмурят людей концом света, но заплатят жизнью всего своего континента. Мировое правительство рано или поздно на Земле будет, но сейчас этой идеей воспользуются параноики. Это все равно что строить в начале двадцатого века коммунизм.

– Вий, значит... – подошел ближе к завалу Алк. – Натка, стань впереди меня, вытяни руки... Я становлюсь сзади и беру твои руки в свои. Авось прорвемся...

– О да. Авось – это величайшая тайна русских. Вернее, тайна россса...

– Карамышев, отступи назад... Через пять секунд – вопи что есть мочи.

– А что вопить? – изрядно растерялся.

– Просто жутко вопи, будто именно этим воплем ты пробиваешь завал. Выплесни свою энергию... А мы с Наткой сейчас сконцентрируемся и на раз, два, три...

И ментовский капитан и майор по солидности и престижу завопил.

Энергетический удар с первого раза получился всесокрушающим. Глыбы с оглушающим хлопком понеслись внутрь холма, создавая новые завалы.

– Перестарался, Дима, – усмехнулся Алк. – Теперь интегратору хана. Не ходи в провал.

– Он пойдет! – жестко произнесла девушка. – Когда лопари его припугнут до смерти, я и без интегратора, опустошенного стрессом, передам нашу память. Дима, – подошла вплотную, – если мы исчезнем – ты беги, впитай силу сейда и выбирайся отсюда.

– А чего выбирать? Вызову вертолет...

– Вряд ли... Выброс энергии привлечет змееподобных, они перекроют частоту связи, а на тебя устроят охоту. Вот, – вынула из небольшой кобуры лучемет, – это мое личное оружие. Убойная – всего пятьдесят метров, но луч уничтожает все на своем пути. Рептоид может быть в защитном коконе, даже лучемет тебе не поможет... Но вряд ли они пойдут на это, ты для них развлечение, удирающая букашка. Но ты должен выжить и поведать людям о нас. Помнишь – трудно быть богом... Но еще труднее быть Стражем, ибо Стражи смертны. Рептоиды не перекроют тебе сознание, ты их увидишь... Я, расширяя твою память, частично на какое-то время заблокирую открытые каналы подсознания, сумею подловить тебя на стрессе. Увидишь монстров, страх – твой убийственный враг, но ты ничего не боишься, ибо ты потомок росссов, которые никогда никого не боялись.

– Гипнотизируешь? – обиделся.

Алк прошибал бреши в завалах. В темноте свечение существ было очень заметным. У ария-росса свечение было ровным и голубоватым, а вот у девушки странное было свечение. Вроде и ярче, но вместе с тем какое-то молочное, синеватое и мерцающее. Приостановились у спрессованных валунов.

– Отойди, – предложила девушка другу, – мне надоело это мирное бродяжничество. Сейчас они встрепенутся...

Силуэт Натки затрепетал высокочастотным ослепительным светом, из рук, глаз, казалось из всего естества мгновенно распространилась молочная синь, в полном безмолвии завал исчез и открылось пустое пространство, подсвечиваемое лишь силуэтом девушки и Алка. Шли широким коридором, выложенным из каменных плит. Первым запаниковал Карамышев, вначале недоуменно выругался, а затем задрожал, испуганно заныл:

– Впереди гибель, нам крышка... О, моя голова! – и рухнул.

Алк продержался чуть дольше, на шагов двадцать, опустился на колени, сжимая голову руками. Одна Натка, окутавшись молочной синью, внятно произнесла:

– Потерпите, мальчики, – и вихрем метнулась вперед. Остановилась перед толпою низкорослых людей с фосфоресцирующими белесыми и большими глазами. – Сумеру! – выкрикнула. – Если истинное название Меру недостаточно – я вас всех уничтожу Саваном, но своих мальчиков в обиду не дам.

Неподвижные фигуры не шевельнулись.

– Понятно, – прошептала девушка, – просто речь вас не впечатляет, – и тут же – ей не нужно было входить в транс – перешла в неведомое для людей бесплотное состояние и повторила те же слова, телепатически концентрируя мысль.

Поддействовало и, похоже, впечатлило. Ряды плотных теней расступились. Первым подошел Алк, потирая лоб. А вот Дмитрий бежал, пошатываясь, и вопил:

– Наточка, если они тебя обидели – я им ноги повыдергиваю! Ага, – доковылял, – где твой «луч», я их сейчас поджарю...

– О боже! – притух силуэт девушки. – Алк, останови его.

«Луч» был выбит из рук, Дима Карамышев зашатался... И тут Натка обхватила его голову, прижалась лбом ко лбу. Карамышев замер истуканом. Так продолжалось в полной тишине минуты две. А затем притихшего, безвольного майора Натка передала в руки Алка.

– Веди его... Я передала ему всю информацию. Итак, что там за тайны впереди?

Открывался величественный подземный свод, со всех сторон в огромный зал как бы стекались туннели, замерцали выпуклые зеркала, через систему других зеркал проникал мягкий, размытый солнечный свет.

– Видишь вон там, – указала девушка, – каменную лавчонку между зеркалами, меня приглашают туда. Зачем?

– Все просто, – вздохнул Алк, – между выпуклыми зеркалами образуется особое вибрационное пространство, потусторонний мир. Тебя проверяют, если ты Богиня, ты, реализуясь в этом пространстве, материализуешь скрытые от нас вещи. Зеркала запоминают суть вещей и даже создают свои потусторонние вибрации, ты должна раствориться в этой памяти веков и создать то, что спрятано от нестабильного и искаженного мира людей.

Натка шагнула вперед, затем резко вернулась, обняла Алка.

– У тебя русское имя... Ты еще его не забыл? Виктор Николаевич Семиоков. А еще Крепыш, Крепа. Моя единственная любовь. Если я затеряюсь в веках и не возвращусь – не тоскуй по мне, а гордись, как гордился всегда. Помоги Карамышеву, он поведает о нас и хоть чуть-чуть, но через свое же осознание продвинет мир к сути страданий. Россы всегда жили в ладу с природой и Тонким Миром, они жили, а не страдали. А во что теперь превратили россов и бореев? Если я не вернусь, ты бесконечно выходи в мир хотя бы четвертого уровня и зови Воинов Адоня. Они придут... Я не говорю «прощай». Жди, я справлюсь.

Шли томительные минуты, Натка то исчезала, то зыбко проявлялась. Карамышев дрожал от напряжения, Алк стоял неподвижно, сжав добела кулаки. Потом время потеряло свой смысл, следовал провал за провалом, Дмитрий терял сознание и неожиданно рывком, словно из-под воды, выныривал и внутренне опустошался нереальностью всего происходящего, но, взглянув на занемевшего то ли ария, то ли росса, начинал туманно соображать: его лишь слегка приобщили именно к реальности, которая, увы, давно уже недоступна подавляющему числу людей.

Но вот совершенно неожиданно и больно ударил по глазам яркий, какой-то звенящий и торжественный свет. Лопари, взыв, упали, извиваясь, раздирая глаза. Начал нарастать вой и грохот, словно кто-то ломился через пространство.

– Это я, мальчики! – возникла Натка. – Я отыскала в других измерениях то, что нам сейчас нужнее всего.

Карамышев протирал глаза, от света возникали в них оранжевые болезненные круги.

– «ДАР», – радостно произнес Алк, с недоверием уставясь на мерцающий бликами света огромный, метров в четыреста, диск. Камень скального свода для него не существовал, бесплотная материя проникала в материальное. – Это же «ДАР»! Девочка моя, ты познала управляющие мантры?

– Познала, но надолго ли?... Надо спешить! – И встряхнула рывком Дмитрия.

– Очнись, Дима! «ДАР» в любой момент может уйти в свое измерение... Карамышев, ты самый отчаянный и великий ментяра, я горжусь тобой. Переведешь «луч» на минимальный и постоянный уровень излучения и выбирайся отсюда. Три рептоида спешат ко входу... Прощай, Карамышев! Мы – к своим, там идет страшная война, рептоиды изгадили не один мир. Прощай, Дима, люби меня и абзац за абзацем живи моей памятью. Это будет очень тяжело: втиснуть мою и память Алка на файл и бумагу.

Алк молча обнял Дмитрия и побежал к «ДАРУ». Огни корабля слились в пульсирующий плазменный силуэт, и... огромная «тарелка» исчезла.

6

Чуть отвел на лучемете потенциометр от нуля, прижал, как инструктировал Алк, кнопку на том же делителе, зафиксировал. Нажал пусковую кнопку, удобно, сбоку под большим пальцем. Сконцентрированный, но слабый луч освещал пространство в двух-трех шагах впереди. Без особых приключений прошел по коридору, потом начались задержки – валуны, приходилось искать проход. «Светит, – удивлялся, – ручка массивная, какой-то другой не атомный источник энергии. На сколько его хватит? А мобиле хана...»

Следующий завал не преодолеть. Осыпь сдвинулась. «Отдохни, успокойся. У входа ждут чешуйчатые... Спасибо, Наточка. Похоронила... Дурак, – вспыхнуло, – у тебя же лучемет!» Крутанул делитель, зафиксировал. Отошел, спрятался за выступом. Нажал... Ожидал какой-то плавающий камни луч. Оглушительный взрыв разметал насыпь, впереди зияла расплавленная дыра. Ударная волна отбросила его назад, прокатила по камням.

– Больно же как! – прохрипел.

Отлежался, отвел делитель назад. На первый раз кости вроде целы...

Дело пошло, теперь не приходилось – ползком, осторожно расширял щели удивительным оружием. Выход подсвечивался закатом, вечерело.

«А теперь, отчаянный и великий ментяра, отходи назад за валуны. Те гады, если они там, увидят меня всюду... Змеи чувствуют тепло, а у этих, продвинутых, вибрационно-волновая чувствительность. Назад, ночью мне с ними не тягаться. Они тоже поняли – у меня лучемет, просто так в завалы явно не сунутся, да и туши у них – не пролезть. А гибриды – они человеческие, им тут делать нечего, не банковский офис и ковровые дорожки...»

Отошел назад, забился в кривую щель и уснул. Перед рассветом начал донимать голод.

И тут он их увидел, издалека. Серовато-зеленоватые голые титаны, чешуя отсвечивала в лучах восходящего солнца. Защитные бугристые валы на больших головах...

«Карамышев, ты проснулся? – неожиданно прозвучало в голове. – Выходи! Ты нам не нужен. Люди создали свои лучеметы на основе лазерного пучка, но „луч“ у тебя в руках – иной принцип. Мы не допустим, чтобы этот принцип концентрации квантовой энергии стал доступен людям. Не дрожи, твое подсознание временно нам недоступно, мы обращаемся к тебе мысленным посылом, телепатией. Иди к выходу, положи у наших ног „луч“, которого ты недостойн, поклонись нам, своим богам, и... на все четыре стороны».

«А кланяться обязательно?» – стал медленно продвигаться к выходу.

«Обязательно! Иначе ты сдохнешь с голоду, „луч“ в любом случае будет наш».

«Очень хорошо... Я люблю кланяться, – незаметно крутанул регулятор на „изделии“ Стражей. Издалека просматривалась трещина сбоку и вверх от входа, если бы не прямое солнце, трещину между древнейшими блоками было бы и не увидеть. – Нанасы... Стоп! Нанасы? Почему в моем мозгу возникло это незнакомое слово?»

«Нанасы – это мы, – „прозвучал“ ответ, – мы слышим твои мысли».

«Нанасы – это кто? Что вы собой представляете?» – и подходил все ближе.

«Мы разделяемся на подрасы по восходящей: нанасы, наги, нефилимы, ануннаки. Нанасы и наги – боевая основа подземных органических образований. Нефилимы – более высокая каста управляющих, в том числе и среди людей. Ануннаки – высшая космическая раса. Нефилимы в вашем сознании могут принимать любое обличье, ануннаки ищут и просто берут пригодные для нас в вибрационном смысле миры».

«Моя информация проста, чуть сзади и слева от вас находится место Силы, выложенный из древних булыжников лабиринт. Пройдите его, я, например, прошел».

«Какой же ты примитивный, но хитрый мент! Ступив на тот лабиринт, мы издохнем».

Несколько солнечных игл-лучей пробились через трещинку. Он взглянул, и сработала интуиция – рука сама рванула лучемер. На секунду позже – они уловили бы его намерение.

Ударил в три точки – по бокам трещины и сверху. Огромная глыба обрушилась на стоящих у входа нанасов. Грохот, пыль, осколки камня летят и в него... Теряя сознание, упал, успел защитить голову руками. Боль вернула сознание... Камни наполовину завалили его, попытался выбраться – от боли в левом плече потемнело в глазах. Руки в сплошной крови, ног не чувствует. «Но я жив! – взглянул на вход. – И лаз остался... Где лучемер? Под грудой камней... – Ощупал плечо, вроде целое, режущая боль ниже – переломана ключица. – Да ладно, было и хуже. Я жив. А они? Психи подземные... Я тоже псих. Доктор спрашивает, как ваше здоровье? Плохо... Я был Наполеоном, а теперь я никто».

Заколело внизу иголочками – ноги в порядке. Чуть согнул одну, вторую, камни задвигались, становилось легче. Понимал: нужно спешить. Вскоре выполз из-под камней, даже попытался искать Наткин лучемер... Не нашел. Придерживая переломанную ключицу, поковылял к выходу. Двоих трехметровых рептоидов глыба раздавила намертво. Третьему придавило лишь ногу.

– Что? – усталился в желтые округленные глаза. – Не поддаюсь я твоему воздействию... Натка постаралась. Улетела добивать вас в Космосе. – С трудом вытащил из-за ремня свой «вальтер». – Молись Ануннаку!

«Я буду молиться Великому Дуг-Па... Ты не дольше меня проживешь, тупая ментяра!»

– За ментяру – прощаю. Я и есть мент, но теперь уж бывший. Бегут абзацы, нанас, бегут... А я просто отчеты ненавидел писать. Представляешь, как мне теперь придется? Но за базар, за тупого ответишь... Пули тебя берут?

«Если только в глаз... Не промахнись».

– Жалко тебя... Нет, не могу беззащитного... – отвел пистолет.

«Убей меня! – резануло по мозгам. – Мне не будет прощения: нижлежащее существо жалеет меня. Такое не прощается... Убей!»

– Нижлежащее? Это ведь ты под землей...

«Тебя никто не тронет, пока я не смою свой позор твоей кровью».

– Честно? Или для вас подлянка – естественное резюме?

«Ты же мент... Какое честно не честно? Рациональный смысл имеет только результат. Его Величество Результат. Результат – мой народ знает, честно или подло – не знает. Нерационально и глупо отказаться от любого пути, который ведет к результату».

– Разговорился я с тобой... Спасибо за науку. Людей жалко... И тебя, нанас, жалко. Давай так: я тебе дарю жизнь, ногу тебе, при ваших возможностях, исцелят, а ты мне дай уйти. Лучемер где-то среди камней... Чего вам теперь за мной охотиться?

«Убей меня! Или я тебя найду, израненный ты далеко не уйдешь».

– Нанас, раненых я не добиваю.

К солнцу и ясному небу продирался через узкую щель. Рюкзаки на месте? Одной рукой не без труда развязал, порылся – просто вещи, на самом дне сверток. Развернул и ахнул: тысяч пятьдесят долларов и чуть поменьше евро. Наверное, они перепутали Даарию с Россией – оставить на раз рюкзак с такими деньжищами и уйти в неизвестность подземелья. Да нет, Натка ясновидящая, она знала, что в конечном варианте валюта окажется у него. Доллары и евро. Кто докажет, что это не оружие?

Проверил обойму, из кармашка рюкзака достал еще две. Хватит? Вряд ли... Несколько консервов, батон, чай и... вафли. Мечтал угостить Натку... Где сейчас они? В каких провалах Космоса скитаются, нашли своих? Он не ясновидящий, он мент. Куда топать? А может, не надо никуда идти, проще застрелиться? Допустим, он везучий, выберется. Но от генерала Максимова не скроешься, а начать рассказ с нанасов и лучемета – замытарят, не поверят. Межзвездный корабль «ДАР», подземные лопари, зеркала с тайнами веков... Тут просто неадекватом не обойдется, начнут сердобольно лечить, восстанавливать поврежденную психику. Ах, какие гуманисты! Выход один: доставить им лучемет, тогда поверят всему. Замкнутый круг... С лучеметом не прорваться, нанасам наплевать на мораль соплеменника, когда результат – Наткин лучемет. Прятать от них оружие бесполезно, найдут. Но Натка не могла светиться, значит, навела защиту, а его допустила, знала будущее.

«Вернулся за лучеметом? – встретил нанас вопросом. – Убивающая нас защита, он под камнями, куда тебя отбросило».

– Тогда зачем он вам, если вы не сможете им воспользоваться?

«Такой приказ нефилима... Мы будем изучать противодействие Савану».

– Нанас, у вас имеются генералы? А у меня имеется... Но, выходит, он «луч» тоже не увидит. Вот это номер! Продолжайте, – вскричал доктор, – я в шоке. Если вы не Наполеон, тогда кто вы? Слышь, нанас, если я спокойно отдохну, подкреплюсь, я достану «луч». Край глыбы могу отшибить, ты лишишься ноги, но освободишься.

«Регенерация... К концу дня нога отрастет. Но лучше убей меня».

– Да нет, живи, нанас. Если я, ниже-верхнее существо, просто сохраню тебе жизнь – это для тебя несмыслимое пятно, оскорбление? Зачем вы из людей творите уродов, а?

«Наги нашли катализатор, ваши женщины начнут рожать устойчивых к холоду гибридов, суть рептоиды в массово-человеческом обличье. Ментяра, при любых вариантах вашему недоделанному племени – конец. Наводят общественные негативные в вашем понимании вибрации нефилимы и, конечно, ануннаки. Как видишь, мент, я от тебя ничего не скрываю – это в благодарность, если даруешь мне жизнь. Но не делай этого, ибо я тогда настигну и убью тебя».

– Ну, я тоже не пальцем деланный... Где лучемет, видишь?

«Не вижу, но чувствую убийственное излучение – под теми, с краю, осколками, которые почему-то пролетели мимо тебя...»

– Я везучий... А это значит – другие боги, не ваши падальные, хранят меня.

Морщась от боли, поминутно отдыхая, достал лучемет. Перевел делитель на малые дозы, испарил край глыбы вместе с ногой рептоида.

– Будьте любезны. Халява тебе – типа, святое. – И, ткнув «луч» за пояс, ушел.

Легко сказать – ушел. Куда идти? Да гори он синим пламенем, этот эфэсбэшный генерал, сидит за столиком, жмет, командир, на кнопки, кричит в микротелефон: «Потеряли

Карамышева, всем мозги вправлю, дармоеды!» А ты не ори, подыми вертолеты... Доктор, немедленно верни мне Наполеона! Я никто...

Решил продвигаться к Сейдозеру. Не заблудишься, где-то из-под снежника вырывается ручей, да какой там ручей – бурлящая река. Подойти к обрыву и шагать берегом. Да вот только берег – тут явление относительное, пока обойдешь какой моховик, а за ним другой, третий – полдня потеряешь. А если целая глыба перед тобой – дери мох и окажется – пирамида. Дармовая энергия, но мы дураки. Почему? Потому что рептоиду нужна атомная станция, случись какой провал – любая их «тарелка» запустит реактор вразнос.

Ковылял, ругался, приседал на камешек, жевал вафли. Ключица распухла, саднила болью. Искал хоть какую-нибудь возможность добраться до воды, смыть с себя грязь и кровь. Да куда там, откос за откосом... Стоп! Дорогу перегородил бурлящий поток, шириной метров в пять, который – и недалеко совсем – впадал в реку. С тоскою прикинул: если искать место где поуже – наступит вечер. А вечером предстанет убийственная рожа рептоида. Поковылял против течения «ручейка», вскоре увидел подходящее дерево. Пальнул из лучемета, завалил сразу с пяток деревьев – вот тебе и мост.

Оглядишь, Карамышев. Напрасно ты расслабился, мент. Почувствовал себя одиноким и заброшенным – рядом, даже в этой полутундре, другие двуногие, человеческие. Как известно, чело века – человек. А какое теперь то человеческое чело?

По стороне завала спешили два лба, приостановились, когда ни с того ни с сего в тишине не завалились деревья. А кто бы не приостановился, не взгляделся в бинокль?

– Владлен, ты только глянь на этого странного хмыря... Непонятно, как завалил деревья. Или это меня глючит после вчерашней гулянки у костра?

Владик подтвердил:

– Гудит мужик, весь в кровище... У него рукоять за поясом... Косарь, откинулся по самоволке. Всего водит – подранок. Полез по завалу...

– Ну и хрен с ним. Мы и так изрядно отстали от группы – идем.

– Оп-па! У него слетел рюкзак с плеча, а сам он чуть не завалился. Рюкзак гонит к нам... Зацеп за корягу. Давай посмотрим, что там?

Посмотрели. Консервы бросили в карман штормовок – пригодятся. Разрезали шнурок свертка и переглянулись – доллары!

– Влад, у мужика секретка? Чего он тут шляется?

– А давай оставим рюкзачок у крайка... Он за ним двинется, а тут мы его и расспросим. Я выйду к нему, а ты сзади стань за деревцо, оглуши камешком. Но тихонько...

Так и вышло, добирался Дмитрий к рюкзаку на полном исходе сил, там рация, он за всеми этими стрессами забыл инструктаж: «Заглючит, выйми аккумулятор, погоду чутко и снова вставь. Процессор заперт, перекрыло переход...»

Вспомнил, обрадовался и тут же все забыл. Удар по голове, завалился.

– Владлен, дерьмовое дело... Пистоль у него именной. Карамышеву, капитану МВД, от самого министра. А по ксиве – майор ФСБ. И чудная мобила, больше на рацию смахивает.

– Загудим... Но как он тут оказался?

– А мне по хренам... Пусть догонит! Валюта наша... Пистоль оставь рядом, именной, будут искать. Пальчики свои с рукояти протри... Руки ему развяжи, пока он сам ноги распутает – мы будем уже далеко. Хорошо ты его приложил...

– Владик! Я об что-то ударился рукой, аж заныла. Гляжу – пусто, а поведу рукой...

– Не дури! Ничего там нет. Сматываемся!

– А я говорю – есть. Вот она, секретка! Срубим башля...

– Придурик! За что ты собираешься рубить, за пустоту? Мало тебе в свертке?

– Я трогаю... Это еще одна рукоять, но невидимая. Спецух неспроста тут ошивается.

– Конечно, неспроста. Расспросим с пристрасом...

И тут сработала ментовская чуйка – разоружают! Сослепа дернул из-за ремня лучемер и куда-то пальнул. Импульс попал в околобереговую глыбу. Рвануло...

Открыл глаза, какие-то пацаны корчатся. «Вальтер» поодаль, рюкзак засыпало, только заплечные ремни видать. Сверток с валютой и рация в руке... Какая накладка – солнце и горы.

«Туристы-мудисты шмонают», – сразу определился.

– Эй, мудилы, челы веков, развязывайте ноги или завалю!

– Ходу! – закричал тот, с наколкой, и бросился вверх. Валюту сунул за пазуху.

Пальнул по стволам деревьев – завал, словно инопланетная колымага завалилась.

– Назад! Развяжи ноги... Считаю до раз!

– Влад, завалит! Назад, и руки повыше поднимаем...

Ноги ему развязали, в рюкзак все сложили, как и было. Только рацию он сразу определил в карман своей изодранной штормовки. Отпустил пацанов, и только наклонился за пистолетом – из завала выскочил разъяренный рептоид, с душераздирающим воплем, с кривой ритуальной ножарой в одной руке и сверкающей пикой в другой. По ходу резанул по горлу незадачливых гопников-туристов, в ярости пнул новой ногой Влада. Турист пролетел мешком и врезался в Карамышева. Оба они полетели в бурлящий ручей. Рептоид в огромном прыжке – следом. Всплеск, фонтаны брызг... Дмитрий Карамышев сразу подняться не смог, лежа палил из «вальтера» и попал в не защищенную чешуей ногу монстра. Тот на миг согнулся, но тут же метнул свой угрожающих размеров нож. Но навстречу уже сверкнул раскаленным молоком неведомый людям Саван. Нож исчез, рептоид мелькнул факелом, раскалились камни на противоположном берегу и... тишина.

Выполз на берег, отдышался. Вынул аккумулятор, подождал чуток, вставил. Экран тут же заорал: «Карамышев, товарищ майор, прием... Карамышев, КДФ1ВБ007, прием, прием...»

– Заткнись и слушай, – отозвался, – я застопорился, весь израненный, передвигаться не могу. Вместо маячка оставляю рацию включенной... И шевелитесь!

Как ни странно, зашевелились на славу. Через двадцать минут застрекотал вертолет, махнул парашютами десант.

– Забирайте и этих, – кивнул в сторону горе-туристов, – не гнить же им тут...

– Это они тебя так?

Пригляделся... Сам Максимов! Ишь, парашютист, автомат воинственно топырится, краповый берет десантуры – кошмар, мир перевернулся доньшком кверху.

– Не только они, – нехотя ответил. – Но горлянки я им не резал, двинули меня камешком по кумполу...

– Разберемся... Перетащим тебя на плащ-накидке и... в лазарет.

– Будьте ко всему готовы. Шевелись, генерал! Или умрешь... А то и хуже.

Через некоторое время разведка предупредила:

– Впереди сплошная стена огня – в сторону!

– Отставить! – заорал. – Максимов, там нет никакого огня. Вперед!

– Замолчи, полумудный, – получил веский ответ.

– Твою мать с переходом в папу! – гаркнул. – Вам отключили мозги... Вон они, монстры.

– Он бредит, товарищ генерал. Отходим за валуны... Странный огонь, мы должны бы истлеть от жара, – засомневался десантник.

– Выполнять приказы майора Карамышева! – прокричал Максимов. – Вперед! В огонь и воду, куда он прикажет!

И десант, поколебавшись, бросился в огонь. И все остались целы и невредимы. К вертолету было уже рукой подать.

– Будут бить на поражение. Генерал, помоги мне встать...

– Я никого не вижу, – растерялся Максимов, – майор, у тебя все-таки бред, а мы...

– Помоги встать! Сейчас увидишь, у кого из нас бред... Выполняй! Наплюй на свой здравый смысл и гордыню, или через пару минут нам всем крышка. – И перевалился из своеобразных носилок, упал.

Генерал спохватился, помог подняться. И он начал во всю мощь садить по рептоидам из Наткиного «луча». Вот тут действительно забушевал огонь, превращающий Божий мир в ад.

С превеликим удовольствием заценил вытаращенные глаза Максимова, для него получилось, что смертоносные залпы вырывались из голых рук бредового майора.

– Под моим прикрытием – к вертолету! Рви когти, генерал, или не бывать тебе никогда в своем заветном кабинете...

Генерал в этом аду такую перспективу для себя представил. Чуть ли не понес на себе майора, который превращал мир в радиусе пятидесяти метров в бушующий фейерверк сварочного сияния, в котором никто выжить не мог.

Прорвались. Вертолет взмыл вверх, а внизу пылала земля...

– Карамышев, – склонился генерал к голове майора, которая лежала у него на коленях, – я не пойму одного: с кем ты все-таки воевал? Что с твоими руками?

– Воевал с нанасами...

– Какая-то бредятина! Представь только, я так и напишу в отчете: воевали с нанасами.

– Давайте обсудим эту перспективу чуть позже... Хреново мне... Тошнит. Отключаюсь...

В военном госпитале генерал Максимов не отходил от койки странного майора. Только страшно было: с одной стороны, этот разгильдяй, как всегда, нес сплошной бред, с другой – ежечасно докладывали о том, что никаких нанасов не встречают, но земля вокруг – выжженная пустыня. Значит, было все-таки применение неведомого оружия. Было!

– Ничего страшного, – заверил врач, – череп подлатаем, сильнейшее сотрясение мозга. Сломана ключица, гематомы и ссадины на фоне весьма нехорошего нервного истощения. Ввели ему транквилизатор, пусть отоспится и успокоится. А там поглядим...

Поглядели, но недолго. Карамышев спал почти двое суток, за это время даже гипсовую пластину наложили на ключицу и временно примотали руку к корпусу. Проснулся товарищ майор, огляделся, попросил воды...

– Сейчас я свеженькой, – обрадовалась медсестричка. Выбежала, вошла с графинчиком, а товарища майора и след простыл.

А произошло вот что. Он по-прежнему мыслил себя капитаном милиции – не позорились бы с этой полицией, – в полудреме мысли сгущались в мрачный комок: рептоиды явятся и сюда, палить в них – разнести госпиталь с человеком в пух и прах. Уничтожить «луч», как?

Хапнул рукой под матрац – и не надеялся нащупать Наткин лучемет. Но нащупал. И молкни. Проглоти капельку яда с оскала рептоида, зачинателя многих «народных» реформ. Бежать! На какой-никакой пустырь и, когда чешуйчатое кодро скажет: «Отдай, ты недостоин», палить до окончания заряда, а потом из «вальтера» пустить себе пулю в висок. Ага, его «именной» наверняка лежит в сейфе генерала Максимова. И ведь сегодня явится, и начнутся разборки по полной. Убедить комиссию не удастся, лишь нарвешься на полиграф и психиатров. Хотя, если всадить заряд в стену высочайшего кабинета, – поверят. Схоронят «луч» в сверх... и еще раз в сверхсейфе, а тебя, Димон, завалят в подозрительной катастрофе, чтобы ты унес все государственные тайны в могилу. Нет, нет! Сейчас модно всучить в кофе канцероген – онкология, ничего не поделаешь, бич времени. А еще лучше мазнуть по кофейной чашечке полонием...

Драконы «лучом» не воспользуются – разит, долго изучать будут. А наша «наука» и рада бы тоже изучить, да ума не хватит. У них только ума хватило убрать из таблицы Менделеева элемент эфира. Эфир – лженаука, тупым и слепым эфир не требуется. А «ДАР» росса Алка – мистика, вредная фантазия, так как мистика – это же вред один, да и только.

Поразмыслив, перевел делитель на минимум. Минимумом импульса не убьешь, но как-то будет влиять? Вот и первое «научное» испытание – направил на спеца у двери. Мужик замер истуканом. Хорошо-то как... «Девкам козыряй» – произнес не думая. Спец, нежно положив автомат на пол, закозырял каждому шевелению белого халата, даже издалека.

«Нормально-о, – поразился, – это я так где угодно проложу себе дорогу. Банкиры-ростовщики, посторонись... Можно их теперь обождать до ниточки. Жаль, что ты, Карамышев, честный мент». Шел по госпитальному коридору, прокладывая себе дорогу «мирным» лучиком, и ничему уже не удивлялся. На улице осветил водилу у приличного «внедорогача», войдя во вкус, небрежно так: «Отвали, кредитозаемщик». Тот и отвалил... Соседу в ухо. «Эй, а ключи?!» – возмутился. Тот выложил ключи от внедорожника и от квартиры, еще и адрес сказал. «Карамышев, ты честный мент», – напомнил себе, но как-то уже со смутными сомнениями. Ну, заяц, по званию генерал, погоди!

Катил неизвестно куда, кабина просторная, я от бабушки ушел, а я от дедушки... И кто прихватил колобка? Лиса... Черт, стражу дорог не понравилась его больничная пижама, да еще и рулит какой-то псих одной рукой. А вторая где, пустой рукав болтается.

– Документики! – радостно требует, даже не представился.

– Президента Обаму останавливать, – светанул лучиком, – так скоро и до нашего доберешься, а тот наличные в кармане не носит. Обаму убьют, но, пока он живой, командиру доложишь, что тебя обобрал амер, чернокожий, сорок четвертый и последний. Амерам не впервой, весь мир, бандюганы, обобрали.

– Так точно! – гаркнул гаец и начал швырять в кабину сотнями и «пятихатками».

Покатил дальше, но тошнит, и голова раскалывается. «Потерпи, Карамышев, при таких возможностях прямо несмываемый грех не вспомнить про славного полковника Михеева».

Майор в окошке гаркнул, мол, болезненный, ты к кому, паразит?

– Гад буду, – выскочил, – Карамышев?!

– Он самый, – потупился. – Как вы тут без меня?

– Скукота, Дима, – вздохнул майор. – Муха не там села – отчет.

– Как Гринев, живой?

– Дима, ты в этой пижаме – максималист, многого захотел. Схоронили Павловича...

Вошел, а в высочайшем кабинете совещание. Михеев, стоя, упирает кулаки в стол.

– Арестовать этого уроды! – смачно, с радостным блеском в глазах нервно взвизгнул Михеев. – Это приказ! – потребовал истовым голосом.

– Ать, – повел рукой, – садись, пиши рапорт.

Михеев поспешно сел и выхватил лист бумаги.

– Пиши: я, полковник Михеев, по недоразумению и тупоголовству назначенный начальником 7-го отделения полиции, сам в здравом уме и с пониманием отказываюсь от занимаемой должности и героически перехожу в цирк умирять тигров и львов. Прошу не отказать в моей патриотической просьбе.

И вовремя. В кабинет влетел генерал Максимов с командой.

– Думал уйти, – зло выкрикнул, – а зачем тогда мы камеры на каждом углу ставим?

– Вот, – протянул, – не отработаешь этот рапорт – сам напишешь такой же.

Генерала перекосило всего, но рапорт дисциплинированно взял. Прочел.

– Патриотическую просьбу уважим, – утвердительно кивнул.

– Слово госбезопаса? Или объяснить, в чем безопасность страны заключается?

– Слово, – подтвердил. – Карамышев, как тебе это удастся?

– Нелегко... Тошнит, и поминутно боюсь грохнуться.

– Давай в больничку... Отстраню Михеева.

– Господин генерал-лейтенант, у вас на примете не имеется угрожающей цельности сейф? У меня в руке квантовый невидимый для других лучемет. Его работу около Сейдозера ты видел. Если я крикну – нанасы! – не надо думать, что я схожу с ума.

– Это я схожу с ума! – рявкнул генерал. – Почему же ты, негодяй, до сих пор молчал?

И в уже мчавшемся во весь дух автомобиле:

– Эти нанасы кто? Неизвестная террористическая группировка?

– О да. Неизвестная... Щупай... Не бойся, я отключил.

Максимов растерянно ощупывал какой-то аппарат.

– Идиот! Теперь тебе уготована отличная одиночная камера со всяческим уходом и привилегиями. – Генерал быстро передал спецу лучемет. – Чувствуешь в руке вещь? – спросил. И когда тот кивнул, приказал: – Береги эту вещь, как мать родную.

– Не упоминай хотя бы наших матерей, – загоревал Дмитрий.

– Все выложишь, Карамышев, под каемочку. А сторожить тебя я поставлю Михеева.

«Ветер перемен, он будет добрым и ласковым...» – выводила девочка из динамика нежным голосом.

– Не будет, – вздохнул Дмитрий, примериваясь пальцем к буковкам. – Не о том поешь, девочка, – прошептал. – Такой ветер на подходе, живым бы остаться... Несколько монополий во главе с паханами правят миром, – отпечатал, тренируясь. – Они творят страшный мир. Если ты сумел, скажем, применить в двигателе воду вместо бензина – изобретателя убьют. Если ты изобрел машину времени – убьют. Если ты изобрел таблетку молодости – присвоят только себе. Человеческая мысль, изобретения – на усмотрение паханов. Этих паханов, засевших в самой-самой демократичной державе, боятся президенты, а не испугался – смерть. Маньяки с миллиардными состояниями уничтожают страны и души – это их прибыль. И как хочется, девочка, чтобы мир был действительно добрым и ласковым. Но группка параноиков спелась с нелюдью, добрый мир для нас перестает быть даже мечтой...

– Подслушиваете и подглядываете? – пооглядывался, выискивая скрытые видеокамеры. – Вы, поборники демократии и прав личности, подглядываете за каждым, а амеры прослушивают и подглядывают за всем миром – падальщики. Слушайте, я не все еще сказал... Подглядывайте, я только начал писать. Натка, жги мне мозги своей памятью...

Часть вторая

История первая Память Росса

*«Считай же сущим все, чего не видишь,
И призрачным все то, что видишь здесь».*

Омар Хайям

7

Рослый мужчина, даже слишком рослый и крепкий телом, сквозь падающие на одну сторону лица длинные, до плеч, волосы, внимательно, чуть исподлобья, всматривался в широкий экран телевизора, вслушивался в слова доктора технических наук, которому довелось работать еще с легендарным изобретателем ракет Королевым. Доктор наук с убежденностью выдвигал свою версию взрыва над тайгой Тунгусского метеорита. Суть версии заключалась в том, что при разрушении праматерика Гипербореи сверхразвитые, духовно и технически гиперборейцы все погибнуть не могли. Часть из них расселилась по просторам нынешней России, а часть на космических кораблях ушла на другие пригодные к жизни планеты. Гиперборейцы, конечно, посещают Землю и поныне.

Вывалы леса и отсутствие метеоритных остатков – следствие торможения космического корабля, который ринулся на таран, взорвав себя и комету. Ценой своей жизни в сущности предки россиян спасли Родину.

Чуть кривая усмешка на миг исказила мужественное лицо мужчины. Да, доктор технических наук имел право на эту гипотезу, к тому же часть правды в его словах была. Но вся правда была несколько иной.

Комета неслась по своей орбите, столкновение с Землей было просто невозможно. Их корабль двигался напрямик к Земле. Несмотря на все блокировки, он начинает помнить себя околуподростковым мальчиком, который в группе летит к Земле с спецмиссией. Не они первые и, конечно, не последние... Не то чтобы они в ответе, но обязаны доступными способами внедряться в общность России, чтобы помочь ее более быстрому развитию и продвижению к духовному просветлению светоносной Сияйры. Внедрение происходит непросто, имеются на тонкоматериальном уровне весьма продвинутые противники. Да, они действительно гипербореи, перед самой планетой им заблокируют память, ибо тысячи лет развития по сравнению с нынешней Россией дадут о себе знать: их не понимают, отторгают. Память проявляется позже, иначе или сойдешь с ума, или, измывшись, добьешься сущностной справедливости, начинаешь в неистовстве убивать. Он, мальчик, – Алкид, Натка – ясновидящая, Литруда – поэтесса. А что касается Королева, – мужчина вновь слегка усмехнулся, – бросили в застенок, слишком многие в миссии не миновали этого, но пришлось освободить... Хоть на это ума хватило у бывших россов, которые еще не скоро сообразят, что они потомки величайшего наследия. Они русские, но лишь единицы из них возвращаются к духу россов. И только в лихие годыны просыпается в них Дух предков.

Вой тревоги высшей степени опасности – этого никогда не забыть, никакие блокировки не спасут от душераздирающей вибрации опасности, секунды жизни или... вечность.

Огромный, в несколько километров боевой крейсер рептоидов возник внезапно из межпространства, мелькнул мимо и ударил из всех энергетических пушек по комете. Разряды окрасили заревом пространство, но взорвались сбоку ядра, комета изменила курс и с ускорением устремилась к Земле. Несколько секунд ушло на расчет орбиты, Россия будет превращена в месиво из льда, воды, камня и крови. «ДАР» задрожал от напряжения, никогда еще он так не дрожал, и ринулся на обгон кометы. Обгон произошел только над самой тайгой, и такого торможения, наверное, не знал весь близлежащий Космос. Корабль треснул в нескольких местах, но успел ударить по комете Белым Саваном.

Они «дотянули» до побережья, вызвали аварийную команду – это забота экипажа. А их вернули назад и только перед девяностыми годами заблокировали память и ввергли в российскую действительность, без прикрас и помощи. Алкид – его легенда. Не для людей, для внутренней опоры, решимости и запала души.

И приблизился Геракл, получивший по рождению имя Алкид, и поднял меч, чтобы освободить титана Прометея, сбить оковы. Но раздался орлиный клекот, птица со стальными когтями и клювом спешила на кровавый пир. Поднял Геракл-Алкид свой лук и сразил орла. Разбил цепи, которые сковывали Прометея, вынул из его груди алмазное острие и молвил: «Ты свободен, титан-мученик. Люди послали меня вернуть тебе свободу».

Вестник Деянире сказал, что муж возвращается домой, посылает подарки и пленницу. «Не простая пленница, а дочь царя Эврита Иола».

Иола была молода и красива, Деянира испугалась, что разлюбит ее Геракл. Вспомнила она предсмертный совет кентавра Несса и его запекшейся кровью, которая якобы удерживала любовь, натерла новую праздничную одежду мужа и послала с гонцом навстречу герою.

Когда одежда коснулась тела, яд Нессовой крови проник в Геракла. А та кровь была смешана с ядом Лернейской гидры, первой на земле матрицы рептоидов нефилимов. Стрела, пропитанная ядом, поразила когда-то злого обманщика Несса.

Не срывалась одежда, она приросла к телу и причиняла невыносимые муки. Геракла убили страдания, которые навлекла на него слабая и любящая его женщина. Вскоре Деянира узнала о том, что собственными руками погубила мужа, и бросилась грудью на меч.

В долину, где умирал Геракл, пришли его дети, престарелая мать Алкмена и друзья Иолай и Филокстед. И сказал Геракл холодеющими губами: «Отнесите меня на высокую гору, чтобы было видно море. Там, на просторе, сложите мой погребальный костер. Я привел тебе, мой старший сын Гилл, в жены Иолу, и всегда будут жить на земле мои потомки. Это моя последняя воля...»

На поднебесной горе Этна, что возвысилась над Фермопилами, сложили погребальный костер Геракла. Филокстед, давний товарищ героя, поджег смолистые бревна.

Все боги Олимпа ждали великого героя Эллады. И показалась высоко в небе золотая колесница. Это Афина неслась по небу, везла на священную гору нового бога – Геракла, рожденного смертным, но заслужившего бессмертия. И налила Геба жениху кубок нектара – напитка бессмертия.

Прошли века. Деятельный, совершающий подвиги во имя людей и себя, Геракл впал в неизбывное уныние и взмолился: «Зевс, отец мой, я сын земной женщины Алкмены, замучило меня ваше бессмертие – пощади. Верни меня на землю Эллады, я близок к безумию – пощади или я готов убить вас всех. И ты знаешь, Зевс, я убью вас!»

И ответил встревоженный Зевс: «На земле Эллады сейчас кризис, сын мой. Это тебе не Эриманфский вепрь – в сто раз хуже. Там такие авгиевы конюшни, даже ты, сынок, не очистишь. Кризис – это страшнее Критского быка и Немейского льва, ты подорвешь свои силы, хотя ты и бессмертный. Хочешь, я возрожу тебя в России? Возрождайся в этой далекой

северной стране, это часть суши твоей бывшей праматери. Эллины – род бореев, отступивших на Юг. Они, как, впрочем, и россы, так и не приспособились к жизни в другом мире. Найди тех, кто проклинал людей. Но, возродившись, ты станешь смертным и умрешь страшной смертью, поразив нелюдей, и вновь возродишься только тогда, когда люди будут помнить тебя и звать к себе. Согласен, сын мой?»

– Да, – коротко ответил Алкид. – Лучше умереть, чем глотать ваш сладенький нектар.

Мужчина улыбнулся, потер лоб, отбросил волосы с глаз. Почему нефилимы так ненавидят Россию? Ишь, «сыны Божьи», сошедшие с неба на землю... А ответ прост: Гиперборея, а позже и сама Россия рождены от Света, цивилизации Запада успели перехватить рептоиды. Как ни завоевывали, как ни гадили навалом корыстных мздоимцев и изоляцией – россы возвращаются, зримо исповедуя Дух своих святых первопроходцев жизни. Но слишком долгое пребывание в диких лесах в борьбе за выживание, с одной стороны, закаляло дух и неустрашимость, с другой – зарождало самость и детское доверие к тем, кому доверять было равносильно рабству.

Северная Арктида – первый континент, который был уничтожен рептоидами. Они подло направили астероид со стороны диска Солнца, и, невидимый, он обрушился на святые земли. Ось Земли была сдвинута, начались землетрясения и невиданные холода. И смерть. И соперничество. И забвение тонкоматериальных законов, ритуалов и прозрений. И дикие бесконечные леса, не просветляющие душу, и сгинувшая под водой Мировая Мера, дающая энергию и связь с Тонким Миром.

Лаврак расположился у самой скалы, отвесно уходящей в воду. В уголке между скалой и каменистым берегом набросала волна мелкие камешки, обкатала слегка, образовался маленький чудо-пляжик. А у скалы вода пенится, скала красная от раннего солнца, вода в белой пене отскакивает – кипит, скала накаляется, не уступает морю, огромная, туманным облаком, как паром, опоясала себя повыше середины. В трещинах растут деревья – на такой высоте! на камне! – и хочется смотреть на это величественное спокойствие, на диких голубей-горлиц, перелетающих в вышине с выступа на выступ. Море здесь особое, волнуется у отвесных скал, колышется, пугает провалами волн. Но вот волна вздыбилась поверх черных провалов и, подсвеченная солнцем, ядовито-зеленая, угрожающе спешит к скале и разбивается на тысячи ярких брызг о неприступный камень.

Лаврак – более чем двухметровый здоровенный мужик. Взгляд исподлобья, мрачноватый. Короткая прическа с ранней проседью. Глаза должны были бы быть как у Иисуса на иконе, ясные и страждущие. Но родная Россия и наговский Янг превратили его в Лаврака с черными отчужденными глазами. Где-то в глубине души он знает: жив еще в нем Крепыш, рослый подросток с «ДАРА» с буйной, выгоревшей на солнце гривой волос, глаза у которого светлые, по-детски мечтательные.

Съемная рукоятка нетерпеливо щелкнула, встав на место, курок автоматически захватил устройство сброса лески и замер, подавшись вперед. Вогнал гарпун с тройником – курок замер по центру, удобно прижался к пальцу. Вошла в паз противовеса вторая ручка.

Судьба – это в другом мире матрица его бесплотного двойника, его тонкоматериальный фантом. Станные и порой угрожающие видения донимают его. Виктор Николаевич Семиоков по кличке Лаврак поехал.

– Какой род занятий у росса? – спросила кого-то Судьба.

– Бродяга. Изобретатель, но бывший, – получила ответ. – Судьбинушка, – дернул поводком Янг, – не разводи базлы, пусти этому драному гиперборейцу кровь.

Янг – чешуйчатая образина с алыми глазищами – копирует Великого Нанаса, его доверенный двойник. Янга Судьба могла бы и послушаться – обычный монстр демонических шраптел, но наговская «САТАНА» – эго-система, которую создал бывший Архангел Ден-

ница, который в порыве проявившейся гордыни провозгласил себя Люцифером, lukis + ferru – носитель света: «И стану богом сам по себе». И с тех пор падший Архангел творит свои порядки. Но не Люцифер главный. А кто? А как бы и никто – Тьма, рептоид. Они всюду, но их и нет... До поры. У них что ни главарь – так Великий. От низов вверх: Великий Нанас, Великий Наг, Великий Нефилим, Великий Ануннак, Величайший Дуг-Па.

– Янг, ты меня так долго держишь в клетке и на аркане, что я толком даже не соображу, почему прозвище у мужика – Лаврак? Путаюсь я теперь в земных делах и понятиях.

– Лаврак – морской волк. Он со своим ружьем устроил сущий разбой.

– Янг, а ты бы хотел, чтобы он выбивал людей?

– Пошло... Людишки пусть страдают – гаввах мы любим покушать. В море появился наговский детеныш Пасти Счастья в лаврачем обличье. Наги постоянно себя видоизменяют, ищут возможность гибрида с человеком, начали плодиться с икры, им проще шаги материализации в Энрофе, то есть в Физическом Плане Земли, начать с рыб. Они, как все ящероподобные, уже не несут яйца. Лаврак, и детеныш нагов – лаврак. Смекаешь?

Не облачился в гидрокуртку, чтобы долго не плавать, надеялся обрести в мерно колышущей стихии душевное равновесие. Да куда там, после психушки, в которую его засадили, преследует в видениях Янг. Не всегда теперь и море помогает. Это раньше он забывал обо всем, стоило только настороженно ощупывать взглядом дно, издали в колких, уходящих клином в одну точку солнечных лучах замереть перед причудливым моховиком – большой подводной глыбой, обросшей водорослями. Рыба чаще встречалась между камнями на глубине, ближе к осени – у берега, с верховыми «свадьбами», играясь у самой поверхности в пене, рывками спускающейся вниз за камень. Самцы носились в поисках самки и, найдя, кружились вокруг матки, распираемой икрой. Терли ее, боками прижимая живот, перед тем как уйдет самка в укромное местечко и отложит тысячи икринок.

Сколько он переплавал, чего только не натерпелся. Где-то умом понимал: фанатизм, как запой, добром не кончается, должна быть мера, разумная вера вещей и действий.

Хорошо звучит, очень правильно. Натка, конечно, права. Только кто и когда, согласовываясь лишь с мерой, достигал чего-то большего, чем мера?

Как назвать ружьишко? Можно и пушку на этом принципе... Вместо стрелы – торсионный полевой разряд, Разумовского раз – один пепел. Павушка – пепел. Зальков, генерал, лупоглазый психиатр – и пепла не останется. Вот такая инновация... И что? Чем закончилась его инновация – бродяга, вот цена изобретению.

Вмешались восклицания Судьбы, сопровождаемые пульсацией в голове. Судьба, плененная Янгом, но пытается прорваться к нему. Да пожалуйста... Он почти отошел от первичных блоков внедрения, Тонкий Мир теперь – не абстрактная теория.

«...человеческий мир начинает поглощаться Пастью Счастья в бездушном смраде оголтелого технорационализма и энергетического вампиризма», – вещала Судьба.

– Пора, – приказал Янг, – проверь, чем он после психушки дышит.

Вон те два сингиля, самцы кефали, у себя дома – Лаврак замер, – и сейчас – кто кого. Пренебрежение к бытовому изумлению – все блеснуло, как бок анчоуса в солнечных лучах, и ушло за камень. Давит едкая, может, и ядовитая, как удар иглы морского дракончика, неуверенность: очередную темнину сможет ли он преодолеть? «Бутылка наша – рыба ваша» – такой получил ответ от пьяненьких дружков. Его покорило. Но разжал кулак, перепуганные беспонятливые дружки облегченно вздохнули. И начались пьяные успокоения, толчая, когда камешки толчет вода у все одного и того же берега.

«Судьба, – мысленно позвал, – ты нагами мне мозги напрягаешь. К чему бы это?»

«Двойничок цепь на горло набросил, – ответила со вздохом Судьба. – Да и надоел ты мне, Виктор Николаевич. Кем был и кем стал! Твое упрямство впечатляет, но кому служишь?»

Господь тебе не помощник, Он вне сил. Выбрось из души эти астрейские сказки о Смертных Стражах – просто живи в том времени, в которое попал».

«А ты, Судьба? Хочешь топить – топи. Не подавишься, спасаясь от Янга?»

Лаврак тут же вспомнил ерша, который заглатывал морскую собачку, а та застряла в широкой пасти, вырывалась, но ее голова продвигалась в утробу, и ерш подавился. Он подобрал огромного ерша, выдернул собачку из горла, отпустил рыбу. Ерш, распутив мощные иглы, стремглав бросается к собачке и снова ее заглатывает, и бьется в конвульсиях. Он выручает жадину, но не может же он вечно находиться под водой, всплыл. Возвращался назад, видит на том же месте окончательно издохшую рыбку с собачкой в горле. Подох ерш, удавился жертвой, от жадности ли, от пресыщения своим могуществом, от инстинкта – не важно, важно то, что подобное происходит и с людьми, и с судьбами, и с государствами – давятся жертвами.

Взглянул впереди себя, а сингили так и не ушли. Чудеса! Даже еще один к ним прибил. Матку, наверное, у моховика поджидают. Хотя не вечер – утром они в редких случаях играют, но быстротечно, живо, за такой «свадьбой» не угонишься. Ну, раз не ушли – привычно сжал зубами загубник – пошел ко дну, слегка сдавило, продулся, вышел из-за камня прямо на рыбу, набирая скорость наитием поймал тот неуловимый миг, когда самцы оказались рядышком, и... головы отлетели сразу у двоих. Стрела, вроде ничего и не было перед ней, полетела дальше, скрылась где-то в водорослях. Подобрал обезглавленных рыб, сунул за сетку, которая была на резинках надета поверх плавков. Как просто: подобрал рыб. А сколько времени потерял при этом! Рыбу в воде можно удержать только за голову, запустив пальцы под жабры. А если головы нет? Рыба скользкая, какое-то время и без головы вьется спиралью перед тем, как навечно опуститься в сетку охотника. Пошел наверх, да дернуло вниз. Леска натянулась и не пускала наверх. А надо. Там, между прочим, воздух. Ружье бросать неохота, глубина метров четырнадцать, это еще куда ни шло, да только поищи его потом в водорослях, оно же обязательно в дыру какую-нибудь сползет, целый день будешь его искать. Пропадет заплыв, а луфари утром гоняют стаями, наглые, хищные; нет вкусней рыбы, чем луфарь, зажаренный на углях.

Ринулся изо всех сил вниз, а там началась судорожная икота от нехватки воздуха, спазм сжимал диафрагму, и резкая боль под сердцем толкала наверх – бросай все и спасай себя. Не бросил. Боль преодолел и ухватился за стрелу, выдернул огромный комок водорослей с корнями. Тройник в моховике зацепился флажками (такие подвижные металлические лепестки, удерживающие рыбу). И на том кислороде, что еще оставался в мышцах, упорно, рывками начал всплывать, зажав в одной руке ружье со стрелой, другой – резко выталкивал себя из воды, мощно работая лапами. Зажелтело, пошли пузыри, два метра осталось, челюсть ослабевает, сейчас в горло хлынет вода.

Он вышел. Взлетел до пояса над водой от последнего рывка и снова ушел под воду, но воздух ухватил. Дышал тяжело. Вот так сюрприз! При такой чепуховской ситуации мог остаться там... Словно ум помутился, надо было спокойно бросить ружье на моховик, отдышаться, а потом выдернуть стрелу.

«Промашка, – хихикнул Янг, – он привык плавать в гидрокостюме со свинцовыми грузилами. Судьба, ты проникла в его мозг и создала соответствующую безвыходную ситуацию. Но привычка – это же не реальные свинцовые грузила».

Вскоре нырнул навстречу луфарям. Поспешил... А чтоб тебе! Сегодня не его день. Какие они тут на мысе верткие, огромные – хозяева, а он кто? Луфари стайей в пятьдесят – сто несутся и рыщут, как одичавшие собаки, и тут же, словно по мановению волшебной палочки, в один миг на невообразимой скорости исчезают. Придется напроситься, «позвать». В куртке

с грузом позвать было бы легче. Наполовину недобрав в грудь воздуха, он, прогнувшись, медленно стал бы «тонуть», и луфари бросились бы, чем-то соблазнившись. Беззащитность жертвы влечет, словно уличных хищников-скинхедов привлекают невинные. Но без груза как, ведь тащит наверх? Ладно, тогда на выдохе... Легкий хлопок по воде, чтобы звук не ляскотный, а спрессованный под ладошкой-лодочкой (позвал, значит), и... ружье потянуло ко дну.

Ага, вот они, разбойники! Вожак килограмм на восемь, такого на выдохе лучше не трогать, да и не стоит, чаще всего это пустой выстрел. Стая идет клином лоб в лоб. Он видит только узкохищный лоб вожака, белые зубы, злые глаза. Луфарь похож на меч, плоский и широкий, но кажется длинным, потому что нет выпуклого живота, что спина, что живот идут одной ровной линией до короткого мощнейшего хвоста. Идти клином лоб в лоб – их излюбленная тактика. Но вот ты выдержал «психическую» атаку, вождь в метре – стреляй! Пустой выстрел. Вожак мчится на такой невообразимой скорости, что успевает уйти от стрелы, даже пролетая по воздуху. Держись, в полуметре вождь свернет, он всегда уйдет, а вот двигающаяся стая теряет строй, расходится перед тобой, подставляя бока.

Но у этого вожака потусторонне голубовато-зло фосфоресцируют глаза. Фу, как жутко! Наваждение какое-то. Решил: на выдохе мозг без кислорода, вот и мерещится всякое. В метре от тройника – капитальный вождь! – луфарь молнией выскакивает из воды и торпедой вновь буравит воду. Но выстрела не спровоцировал, стая раздвоилась, обтекая на скорости Лаврака. Передних он пропустил, так как промах почти обеспечен, эти не потеряли скорость, а вот предпоследние... Спуск! Трехкилограммовый луфарь спиралью потащил стрелу, но может и сойти, порвав себя. Нырять за ним, не давая натянуться леске, нет сил. На выдохе гоняться за луфарем, пусть даже он и на тройнике – гибельный риск.

Лаврак изо всех сил пошел наверх, беспокоило то, что не знал, на сколько метров успел опуститься. Шел наверх вслепую, волоча за собой сопротивляющуюся рыбину. И снова радужные круги перед глазами от перенапряжения, но торжественность победы придает силу. Набрать скорость, а там, без груза, природа «тянет» тебя наверх.

Луфарь дергался вниз, а теперь ты его подтяни, а потом попробуй сними и сунь в сетку, он, проклятый, из самых рук уйдет, еще и куснет напоследок. Подтянул, но за стрелу не брался, луфарь дернется как следует, ошарашенный близкой опасностью. А сидит неудачно, лишь на одном флажке, около хвоста. Сейчас просто болтается, подергивает, а протяни руку... Себя порвет, но уйдет. *Перехитрю я тебя, дружок!* – подытожил Алк, хотя давно уже сжился с другой кличкой, земной, лаврачной. И не верилось: так или иначе, придется, пока жив, вновь становиться Алком.

Зажав ружье под мышкой, широко оттянув верхнюю половину сетки, лишь бы резинка не порвалась, начал за лесу приподымать луфаря. Медленно, с остановками. Луфарь отчаянно рванулся, а он быстро дернул его к себе, к сетке. Сошедшая с тройника рыбина угодила прямо в сетку. Луфарь задергался, царапая плавниками по голому животу. Без куртки за луфарию плыть – хорошего мало.

– Янг, – отозвалась Судьба, – ждешь, когда я распишусь на оферте кровью росса?

– Ради собственной независимости чего не сделаешь, – ответил Янг. – Ты вновь проникла в его мозг, но повторяю: он всегда плавает в куртке со свинцовыми грузилами, и ты снова ошиблась. Или ты, судьбина стоеросовая, дурочку из себя разыгрываешь? В луфаря внедряешься, глазищами сверкаешь, да? Тебе приказано пустить кровь, а не топить.

– Ну вот сам и займись этим, – огрызнулась Судьба.

– Дура! Мы с 1994 года убиваем его! Вся сладость, чтобы его прикончила собственная Судьба. Мне наплевать на замыслы Великого Нага, шеф хмыкнул и переброешил дельце мне. Нагам нужна кровушка этого закодированного Алкида.

– Но, Янг, испытать дух – это одно, а прямое убийство...

– Ну и тупая! Ради своей свободы разметаю этого дебила на рваные куски! Мне нужна капля его крови на оферт, который шеф преподнесет для опытов нагам. Поняла?

– Нет. А я тут при чем?

– Не сама по себе кровь, дура, а нужна вибрация, выделенный торсион, а это возможно лишь при участии его тонкоматериального фантома, как бы его личности в иномирье. Или ты, дурочка с астрального переулочка, действительно возомнила, что человек – хозяин судьбы? Ты теперь находишься между Господом и Нагом. Выбирай, ха-ха! – И аркан затянулся. – Судьба, убивать приятно, кровь такая пьянящая, жертвы так желанны. Убей его, лакай кровушку! Чуток-чуток просчитается Лаврак, рискованно плавают. Как веревочку ни вей, а случай всегда найдется. Зачем голова-то человеку дана? А чтоб не сползала петля.

Чайки взвились с камней и с диким гвалтом закружились над головой.

Вскоре луфари пузырились нежной корочкой, отдавал жарко-пряным запахом, от которого начинаешь глотать слюну, и прошибает тебя алчное нетерпение.

«Убей! – взвизгнул Янг. – Еще узнаешь, что за отродье – россы, да еще и влекомые в Стражи. Или я сам ему такой внешний торсион вдвину в зад, сама смерть его на Том Свете лечить будет. Борей обдолбанный, росс проклятый, внедряют, внедряют...»

Лаврак встряхнулся, пытаясь осмыслить ворвавшееся видение.

Это я между двумя реальностями, насупился, и за что мне такое?

И вот он тщательно обтягивает на себе гидрокуртку, затягивает ремень со свинцовыми грузилами, пристегнул к ноге нож в кожаном чехле, снял леску и привязал к ружью крепчайший шелковый линь. Повертел в руках шлем, подумал и, смочив волосы водой, натянул на голову даже шлем. Проверил, подтянул ремешок маски, пощупал резинку, удерживающую трубку около маски, – резинка хорошая, трубка не должна потеряться. Натянул на бедра сетку для рыбы, взял ласты и ружье. Тронув рычажок на ружье и навинтил другой огромный тройник – прямо вилы, поправил на руке водонепроницаемые часы, быстро натянул ласты, маску и бросился в море. Сразу ушел под воду, вынырнул далеко-о...

– Если не распишешь параф его кровью – не взыщи! – угрожал Янг Судьбе.

А Лаврак-Алк спешил за скалу, проплыл метров триста, дальше – берег как берег: камни, галька, на горных склонах деревья, кривые потрепанные ветром сосны, но этот участок мал, за ним – сплошная гряда голых скал. Вечером тут самая рыба, потому что солнце садится прямо в море, в стороне от гор. Рыба гуляет долго, пока огромно-красное светило, не спеша, с достоинством скроется за полосой горизонта.

У камня играла «верховка», большая полутонна самка резвилась у самой поверхности, заноривала вниз на метра два и медленно всплывала в воздушных шариках пены у самой вершины острого моховика.

За ней спиралью, обгоняя, неслись вниз самцы, а потом – кто первый! – всплывали вместе с самкой, терлись рядом, прижимались к животу, обласкивали, рьяно работая хвостами, расталкивая друг друга. «Свадьба» была серьезной, взрослой, опытной. На такую нужно идти с ходу, заставляя врасплох, промедлишь – уйдут. С ходу не получилось, до сих пор жгло в мозгу от жуткого голоса Янга, а матка поднырнула глубже и метнулась в сторону моря.

По телу, как водка по голодному желудку, холодком, нехотя подходил азарт. Сейчас рыба только на подходе, а ближе к вечеру ее у самого берега смотри, к тому моменту и азарт из бутона пылающей розой на усыпанной шипами ножке раскроется.

– Судьба, так ты долго будешь присматриваться к этому охляку? – заворчал Янг.

– Для меня он – росс с вибрацией ария. К скалам плыть долго, все вспомнит...

– Зачем, дура, я с тобой связался?! – возопил Янг. – Вместо дела ты подвигнешь его на воспоминания? Ага, – хитро оскалился, – ты решила, что от своих воспоминаний он вскарбакается на берег и раздолбает башку о глыбу. Приемлемо!

– Я знала, Янг: ты изрядный отморозок, но ты еще и придурок. Какой берег? Там отвесные скалы, на берег ему не выбраться. Капкан!

– И что, кровушка? – плотоядно засопел Янг. – Он не нашей Иерархии – мочи его!

– Хочу взглянуть на фрагменты его жизни. Не надо было умыкать меня...

– Но-но, заткнись! Шеф замордует, не раздражай его. Он не просто Великий Нанас, дура! Он мой непосредственный начальник. Вот ухоркаю Лаврака... Сам Люцифер с Великим Нагом узрят. И они обломали зубы о его коды. Дознавай, Судьба. Давай фрагменты... Но не забывай – ты в шрастре Ада, и кто тут хозяин...

Проплыл около километра, азарт остыл. В душу закрадывалась какая-то жуть. Над ним нависали черные отвесные скалы, страшные в своей невозмутимости, недоступные пониманию своей мрачной – до неба – громадностью. Они обступали его со всех сторон, гнали прочь, а он, микроб, плыл и плыл в поисках их чрева – расщелины. Где-то тут она должна быть, рыбаки сказывали. Эта расщелина его донимает в видениях. Ну и гиблые места, случись что – пальцем негде зацепиться, берег не спасет.

В памяти вдруг возникла девушка лет пятнадцати, скамейка, сирень. Натка... Доченька Разумовского. Она никак не могла возникнуть в его памяти просто так, мелькнуть каким-то незначительным видением. Глаза у девушки зеленоватые, дерзкие, капризные, властные. А вот его глаза под маской увлажнились, защемило, затрепетало что-то в сердце. Натка такая же дочь Разумовского, как он сын своего замытаренного отца Николая Васильевича Семиокова, вечно что-то изобретающего. Потом несправедливый суд и... смерть. Мать продержалась чуть дольше. Любили они друг друга, отец вывез ее, доярку, из совхоза, когда их, шефов, в очередной раз погнали на поле. Приемный сын успел выучиться, до поры до времени лишь интуитивно напрягался, когда звучали слова: Космос, Гиперборея, Тонкий Мир, экстрасенс, боги, раса рептоидов. Пока не начала просыпаться память. Натка была для него соседкой, симпатичной девчушкой, правда не по годам циничной и самоуверенной.

– Эй, Семиоков, сломай сирень. Мне.

– Просто так? Нельзя.

– Можно.

– Глупости. Просто так – свинство.

И тут же сам себя поймал на этом роскошном, исконно процветающем – свинство. Хорошо звучит, широко, но вместе с тем и упруго. Его упразднили, а Разумовский, приложивший к этому руку, позвонил: «Какое свинство! Семиоков, при твоих заслугах...» – ехидно зашуршал смешком, давая понять, что все еще впереди, ты молод и еще уразумеешь, кто в этой жизни хозяин. Именно так – хозяин. Лиц при этом много, но они спаяны одним припоем, одной ипостасью, а кодексы морали и светлые заботы о процветании России – потом, как-нибудь, главное – не допустить бунта, плебс ведь не хочет быть плебсом.

– Семиоков, ты чего такой хмурый? – не отстает Натка. – Павка тебя затрахала? – прерзительно одарила незабываемым взглядом. – Как ты мог жениться на этой сучке? Ради чего? Чтобы протолкнуть усовершенствованное изобретение отца... Протолкнул? И я, и моя мама Катя тебя предупреждали – присвоят и вытрут об тебя свои высокочтимые ножки. Убеждаешься? А сирень мне не сломал... Это совсем плохо. Я папе пожалуюсь, а он и так тебя костит. А мама Катя призывает его к совести. Представляешь? А когда я их спрашиваю, что такое совесть, они молчат. А потом, когда папа рассердился и ушел, мама Катя мне объяснила, что совесть – это ориентир, компас твоего кораблика по имени жизнь, особенно в жизни, которая после смерти. Представляешь? – застыла взглядом. – Совесть – это надматериальное. Семиоков, папа сказал, что ты надматериальный придурок. Я тоже надматериальная и придурочная, но ты старше, я надеялась на тебя. Я надеялась на тебя! – надрывно взвизгнула. – А ты, значит, решил сыграть по их правилам?

Они еще пока не помнят, что родом из кают «ДАРА».

Краем глаза увидел Разумовского-папу в еще непривычной взгляду иномарке.

Хотел сигануть в подъезд, но из него выскочил какой-то раскрепостившийся детина.

– Будь у меня такое рыло – я повесился бы! – набросился тот на Разумовского. – Наш подъезд – это кунсткамера для уродов! Я за свою жизнь прочел лишь одну настоящую книгу – «Майн кампф». Да-а! – устрещающе рычит. – Моя борьба!

В прихожей уставился в зеркало. Глупо вот так смотреть на себя, ведь надо – в себя. Но в режущее-расплывающемся пятне отраженного света (от по забывчивости не выключенного плафона) видел только ухоженное личико Павушки-жены, с расторопными, быстрыми глазенками-ягодками, которым зеркало служило верноподданно, умиленно. Ему не было места в этом зеркале. «Ха-ха-ха! – зазвенело зеркало жизнетрепещущим смехом Павушки. – Пазушник мой! – Он дернулся, руки – за спину, ведь это зеркало, а не парным молоком колышущиеся мягко-пухлые груди Павки. Он пока вроде при своем уме, но зеркало хохотало: – Не бойсь! Я твоя „эмансипе“, мужик теперь для чего? Ха-ха! – Зеркало надвигалось пылающей грудью-плафоном. – Ха-ха-ха! Ах, вострепещи, пазушник мой! Глупыш, тебе дано жить красиво. Живи! Или ты в детстве много читал?»

Выключил плафон, убежал от зеркала. Все это издержки вечно взвинченного воображения, напряженно пытающегося за каждой вещью и явлением заметить параллельный невидимый мир, а то и миры. Все сущее несет в себе то, чего он не знает и может никогда не узнать. Он что-то ощущает, что-то пытается вспомнить, обидно – чаще пелена.

И что увидел? Павкину смазливую рожицу в зеркале вместо своей собственной? Но в квартире так оно и есть. Параллельные миры не врут, если мы сами не хотим обманываться и ограничивать свое воображение. Да, мы не видим существующие рядом другие Миры, но мы их уже хотим увидеть. И он хочет. И даже иногда видит.

Лихо! Ох лихо заглядывать за зеркала...

– Тра-ля-ля, – бренчит под окном Натка на гитаре, показываясь перед однолетками.

А вот и вошла Павлина Ивановна, доченька директора завода, где вместо «космических» приборов выпускают теперь кастрюли, ложки и халтурные лазерные приборчики якобы для нужд медицины.

– Отлично играет, – кивнул на Натку. – Аплодируют.

– Еще бы! – язвительно подхватила Павушка. – Игра тем хороша, что не каждому дано в нее вписаться. А впишешься – хозяин положения. Хозяин положения – очень приличная игра, полезная. Доигрался! Ведь без них ты никогда не внедришь свое творение, никогда!

– В сволочной системе я с волками выть не хочу...

– А кто хочет, Витенька? Завоешь, куда ты денешься, – усмехнулась Павушка, – ты обязан взять свое. Зальков напрямую выходит на президента, отец ему многим обязан. Зальков при случае замолвился, скоро, мол, капиталисты на коленках приползут к нам. Институт, руководимый мной, открыл удивительный феномен. А президент – ать и поручил навести справки. Ему доложили: на изобретение подана заявка молодым изобретателем Семиоковым, никакого отношения к НИИ Залькова не имеющим. Каков тычок, а? Отец чуть сквозь землю не провалился. Ты втихую сам подал заявку!

– Я изобрел! Имею право хоть раз – без этих присосавшихся вампиров?

– Витя, изобретеньице-то не простое... Зачем отозвал заявку? А Родина, а ее престиж! Разве это сравнимо с возней каких-то проходимцев, вопящих о демократии?

– Сравнимо, – буркнул, – родина теперь – свой карман. Министр звонил на днях, ваше изобретение всенародно и не терпит авторских притязаний. И выбирай: министр или ученый Зальков, помощник президента по одемокрачиванию науки. Думай о Родине и превратись в прокладку...

– Пусть! – Павку аж перекосило. – Зальков премьерством бредит, хочется ему, понимаешь, приобщиться к избранности. Без Залькова ты не внедришь... А министр поперек

встанет, а? То-то! Да брось им кость... Существуют правила игры, Витя. И папа, пока ты не передашь изобретение Залькову, Разумовского не остановит.

Павка завелась не на шутку.

– Я боюсь от тебя рожать! – кричала. – Ты ставишь наше будущее под вопрос. Открытым текстом голосишь: я не баран! А мы все, значит, бараны? Не теряй дело, приспособься, живи шикарно – будь реалистом! – вцепилась в его плечо.

– Я не умею жить? – поинтересовался.

– Совершенно не умеешь. Витя, умение жить – это оптимистическое ощущение уникальной ценности нашего намордника, умение взять от него все. Чем, кстати, Разумовский в совершенстве и владеет. И не важно, как идеологи назовут тот намордник. А ты, Витенька, как взбесившийся бульдог пытаешься сорвать намордник. Свобода – это идеологическая ширма, сам намордник придумали еще дети зари коммунизма, наивные борцы с предшествующими намордниками. Они – начало идеи намордника.

– Нет, не они начало, – вырвалось у него.

Вот он на охоте с отцом Павушки, Зальковым и Разумовским. Зальков говорит, надо-ели, мол, эти егеря и шуткованные охоты – айда в лес по-настоящему, мы же о-го-го – сила! Забрели в чащобу – кабаны! В заповеднике их тьма-тьмушая. Только распределились, а те учуяли и ушли. Остался здоровенный секач. Только прицелился... И вдруг кабан сам – кувырк. Жутковато стало... Подошли осторожно, ошалелые. Кабан на глазах поднялся и снова упал. У него на рыле консервная банка насажена. Добывал корешки и желуди, а напорлся на железный намордник. Ходил с ним долго. Осталась от кабана шкура да кости. Сбил он прикладом банку с морды, вздохнул кабан облегченно, со стоном.

– Если тебя и купят, то недешево, – врывается Павкин визг. – Ты, Витя, живешь в нашем реалисти-шоу, а не в своем Мире Ином. Уймись, Семиоков! Выходит, я, папа, Зальков, Ким, министр – мерзавцы?

– Выходит, – вздохнул.

– Пошел вон!!! – заорала. – Шизик! – Холодный жест указал на дверь. – Ты дурак, Витя! Проще все инновации закупить за бугром, больше закупщикам навару будет. А со своими умельцами ведь работать нужно. Это же такой напруг!

Промчался несколько километров на Павкином подарке; Ford приостановился – звезды в небе большие, мерцающие, близкие. И луна где-то за высокими в темноте деревьями, будто таинственная тень эти деревья. Без ветерка и шороха, а сверху – длинная тучка, почти белая от света невидимой луны. Какая прекрасная земля, когда ты временно свободен и чего-то ждешь, поддавшись сидящему в тебе осколку тоски и мягкой, замирающей и возникающей печали. Звезды... И такое, до дрожи умопомешательства, ощущение: где-то там твоя настоящая Родина. А тут – были до фанатизма преданы коммунизму, теперь преданы демократии, в которой свобода и справедливость все те же. И даже хуже. Под брендом демократии зашевелились тараканы. И оскалились волки, вгрызаясь в людей.

Смерть бати была до нелепости будничной. Его лихо обвинили в убийстве, которого он не совершал. С этого все и началось...

Небольшими устройствами он довел догадки бати до практического изобретения. Опытный электромобиль с «кольцевым генератором» вместо типового пробега в пятьдесят километров до очередной зарядки, пробегал триста... Создай охлаждение системе генераторов – пробег составил бы пятьсот километров. Это уже вызов нефтесосам...

Он продемонстрировал комиссии четыре генератора, катая их часами на неподзаряжающем электромобиле. Начались с непотребным размахом стендовые испытания генераторов, а потом полный запрет. И выжидание. Почуввав неладное, выжидал и он. Вскоре поступил директору завода циркуляр, испытания возможны только в НИИ Залькова. И слеталась стая... Зальков крыл всех засекречиванием, уверенно перетягивая канат на себя. Внаглую

попытались раскурочить два генератора, интересуясь схемой. Зная повадки иных лауреатов, он сразу внедрил маленький «взрыв» при вскрытии.

С ним не договорились, и вот заключение комиссии: «Изобретение опережает возможности страны...» Или вписывай их в авторство.

На одного автора десятка два тех, кто жаждет его поиметь.

Впереди что-то зачернело в воде, начал просматриваться огромный моховик, не камень – будто кусок целой скалы в море свалился. Вот он, ориентир.

Алк приостановился, осмотрелся. (Впрочем, какой он теперь Алк, хорошо бы об этом и не вспоминать. Лаврак он...) Рыбы не видно, одни огромные медузы-разистомы сизомолочно белеют, шевелят синей бахромой. Дна не видно, глубина большая. Стал всматриваться в глыбу когда-то обвалившейся в море скалы. Беспокойство и нервное напряжение возрастало, а это почти всегда вызывало видения. Как правило, он не боялся своих видений, а тут почему-то начинала охватывать жуть. Начинается то, что он всю жизнь интуитивно ощущал: свою связь с Иным, нематериальным миром.

Алк еле дышал, превратившись в сомнамбулу. В видении мелькнула большая рыба, она черным росчерком бросалась от камня к камню, замирала, чтобы в следующий миг метнуться тенью к дальнему моховичку и затаиться. Перед нишей у песчаного дна она замерла и в своей неподвижности надоела даже любопытным рябчикам.

Рыба стала продвигаться медленно, сторожко, замирая при каждом волнении внутри ниши. Жители не успели и забеспокоиться, когда черная масса с красными пятнами по бокам разверзла страшную пасть с десятисантиметровыми зубами и сомкнула челюсти на молодом горбыле. Юный горбыль мучительно трепыхнулся, ниша заполнилась кровью, и жители в ужасе бежали куда кто мог.

Лучи солнца проникали на глубину, скалы упрятали от сверкающих лучей лишь расщелину. Рыбе, заглатывающей сочно-нежные куски горбыля, пришлось по вкусу забота скал о расщелине, прохладная тень ее устраивала, и она, уже не таясь, стала осматривать владения, поедая доверчивых, угрожая сильным. Обойдя дно, поднялась к поверхности, свет ее испугал, она тут же метнулась в темную нишу.

Вскоре мелкие рыбки подхалимски закружились у ниши и, поняв, что новый хозяин снисходительно лишь подергивает хвостом, стали подбирать остатки пиршества. Все изменилось, теперь каждая рыбешка была настороже, ссорились, дрались рыбки между собой за место под камнем, раздоры пришли в нишу. Хозяин приблизил к себе воровок-собак, те окружили его сторожевым кольцом, наказывали слишком строптивых и любопытных, чувствуя себя властьюдержателями, чего никогда с трусливыми собачками не происходило. *Как у нас с 1994 года... – мелькнуло в сознании. В мире людей появился детеныш Пасты Счастья. Зубастая рыбка – материализованный опыт слияния эфирной субстанции нагов и человеческого мира. Пасть Счастья оправдывает мучения и унижения в настоящем, разглагольствуя о благах в будущем.*

Подплывал к треснувшей скале осторожно, тихо. Среди медуз увидел у самой расщелины притаившуюся огромную самку кефали с под стать ей самцом. Прижавшись к моховику, скрылся на время за ним и набрал скорость. Выстрелил почти в упор, самец сорвался с крайнего жала, тройник ударил центром в самку. Стрела тяжело протащила рыбину в расщелину, но поднырнуть глубже за ней не мог, грудь распирало от удушья. Ринулся наверх, уверенный, что кефаль на тройнике, подтянет потом. Нервы и так были на пределе, а тут еще и увидел пустую стрелу.

Тяжело дыша, стал осматривать расщелину. С двадцатиметровой глубины дно постепенно повышается, входит узкой и темной щелью в скалу. Расщелина забита медузами, видимости почти никакой, что там внизу – камни ли, песок, ниша? Решил поднырнуть, поискать самку, тройник, скорее всего, отбил голову и флажкам не было за что зацепиться. Ушел на

метров десять под воду, осматривая дно, вошел в расщелину. Сразу стало темно, холодно, муторошно. Перевернулся на спину, есть над головой выход? По закону подлости в море жди любой неожиданности. А выхода не было, расщелина ближе ко дну расширялась, образуя грот, он начал входить в темную и довольно широкую нишу. Это ему что-то напомнило. В видениях он видел эту нишу, предупреждали о детеныше Пасти. Уйти? Но предупреждает непонятно кто, значит, решение ты должен принять сам.

Нет, так дело не пойдет! Темнота, медузы, стукнется головой о каменные выщербины, а выход черт знает где – не видать. Тут и заметил на дне мутное красно-белесое пятно, оно разбухало – самка без головы? Нет, голова рядом на одной шкурке держится, кровь хлещет из рыбины, заволакивает дно грота. Рисковать не хотелось, куда она теперь денется, эта пузатая матерая самка. Икры с полкастриули будет, вот это да!

Вынырнул в сторону моря. Перезарядил ружье, отдышался и в узкий проход не полез, боялся повредить гидрокуртку. Поднырнул и вынырнул в расщелине, тихо поплыл, разгребая медузы, доплыл до тупика. Расщелина заканчивалась узкой трещиной, которая уходила в скалу и ввысь. Тут особенно зловонно пахло трупной затхлостью, словно в склепе. Вернулся немного назад, примерно к тому месту, где должна лежать на дне самка. Несколько раз вдохнул и выдохнул, потом через трубку всосал сколько мог воздуха и пошел на дно, касаясь время от времени рукой скалы, а рядом с другой стороны контролировал движение ружьем. Вышел из слоя медуз и отпрянул от неожиданности. Внизу около самки полновластным хозяином, захватывая кровь страшным ртом, кружился ужасающий по величине лаврак. Килограмм сорок! В первую секунду екнуло растерянное благоразумие – назад, отведи ружье и... назад. Дрожь в теле вызвали ярко-белые оскаленные зубы, они кривыми полудугами заходили друг за друга, голова чавкала, зубы начали рвать самку, из живота хлынула икра. *Генные технологии*, холодно подумал. Передвинул рычажок мощности...

Хищник, материализованный гибрид чужого мира, учуял опасность, метнулся к морю, тройник не попал в голову, вогнал всеи тремя зубцами в бок, ближе к хвосту. Зубастое наваждение тащило Алка на глубину, он изо всех сил сопротивлялся, греб лапами до онемения в ногах в противоположную сторону, хотя помнил, что верх – это всего лишь свод грота и только после двух метров в сторону откроется расщелина, и после пятнадцатиметровой глубины, пробив головой слой медуз, он вдохнет полной грудью сырозатхлый воздух. Клещами сжало затылок, заложило уши, надавило на глаза – это уже метров семнадцать. В поселке такую глубину без акваланга мог переносить только он, около минуты, не более, ибо расход воздуха на такой глубине велик, а рассчитывать приходилось только на собственный объем легких. И все-таки дотянулся до выступа, ухватился рукой. Секунд двадцать продержится, а потом? *Утопят*, подумал.

Сильно дернуло, он успел смягчить, быстро опустив ружье вниз, но очередной рывок заломил руку за спину. Руку выворачивало, дергало из стороны в сторону, живот от удушья неумолимо втягивало к хребту, началась икота – воздуха, хоть поток воздуха или бросай ружье. До ножа не дотянуться, обрезать линь, руку с выступа отпускать нельзя. Начал панически дергать, пытаюсь порвать линь. Но рука была заломлена за спину, да и рывки смягчались массой лаврака, который начал поддаваться, выходить наверх. И тут руку Алка сорвало с выступа, с дикой силой поволокло в трещину, именно туда тянул тройник, впившийся в чудище. Резкий удар, аж затрещало в плечах, руки подломились, и по инерции он пошел ногами вперед и вверх. Инстинкт самосохранения в это мгновение вытеснил все, он и не почувствовал, как вырвало ружье из руки, и, спасаясь, последним усилием рванул застежку ремня со свинцом. Алк, да нет же – Лаврак облегченно двинулся наверх, в глазах окончательно потемнело от удара головой о козырек грота и, почувствовав стекающую за ухом горячую кровь, вслепую греб и греб наверх. Медузы лезли ему в рот – трубку изо рта вышибло – он не чувствовал воду, лишь понимал, что глотает ее. Ощущал пекущую мякоть, гадливо

содрогался и где-то в глубине сознания был рад этому, потому что чем больше медуз, тем ближе к поверхности. Прощаться с жизнью и не думал, заглатывал воду инстинктивными движениями горла, а сознание распирала неистовая ярость.

Всплыл. Раскинул руки, ноги от слабости раскинулись сами, упираясь в скалу.

– Чую кровушку, – зашелся рядом удовлетворенный шепоток Янга. – Кровь из-под шлема попала в маску и заливает ему глаза. Судьба, сорви с него маску и добей. Сорви!

Заткнись, мразь! – мысленно ответил Лаврак.

– Судьба, – завизжал Янг, – свеженькая кровь росса выделяет вибрацию, в которой нуждается сам Великий Наг!

– Но человек бросил вызов Пасти Счастья, – холодно отозвалась Судьба. – Пусть это детеныш, но дальнейшая его материализация...

– Убей! Человечество дает сбой, – холодно ответил Янг, – они бредут в темноте, обманываясь, а то и выпрашивая счастья в слепых надеждах. Наги надежней, технически более оснащены, не раздраемые противоречиями, у них один Великий Ануннакк, верховный Наг и закон Великого. Они не между Тьмой и Светом, как человеки. Они сами по себе, и с ними Противобог. Нагам не требуется определяться с эволюцией: ты стремишься к Свету или уходишь в Тьму, наги – это и есть сама Тьма.

– Янг, но я не Свет и не Тьма, я – Судьба. Человек выбирает Путь. Убийство бросит меня в мир разрушения. Но, повторяю, я Судьба, а не убийца. Живи, человек! Если тебя кто и убьет, так этот подонок Янг, но не я.

Лаврак медленно приходил в себя. Хотел опереться ногой о скалу и приподняться над водой – невыносимо тошнило, но сил не хватило. И все хотелось лечь на берегу, провалиться в этот туго ударяющий в глаза и уши звон, лежать и не двигаться. Ничего не выйдет: сил нет и имеются лишь сплошные вертикальные скалы, Судьба, Путь и Янг. Его замутило. Успел передвинуть маску на лоб, отблевался, потом промыл слипшиеся от крови глаза.

Лежал в провонявших медузах и блевотине. Ярость нахлынула вместе с возвращающимися силами. Сунув трубку в рот, не думая о последствиях, пошел на глубину, надеясь на чудо, пусть хоть в воображении, обманывая себя, найти ружье с «кольцевым генератором». Чуть не врезался в ружье головой, которая и так раскалывалась от перенапряжения и удара о выступ подводного грота. Не поверил, схватил рукой, подумал, что свихнулся. Но тут же и догадался: хищник вынужденно метнулся в тупик, ружье, вырванное из рук, не успело опуститься на дно, его силой рывка заклинило в пространстве перед гротом. Лаврак чуть дернул лить, тот жестко ответил, больно прижав пальцы к ружью. *У, падла, не ушел! Не ушел!* – верил и не верил в изнеможении. *Теперь я с тобой сквитаюсь!* Приволоочь домой, сварганить сейф и запереть ружье с генератором.

На душе стало легко, светло. Оставив ружье в прежнем положении, вынырнул. Отворачивался, в упор не замечал блевотину, в которой только что бессильно барахтался. Нужно нырнуть и посмотреть на эту Пасть... Очередной гибрид, приспособленный к человеческому физическому миру? Они материализуются, пока люди, разобщенные, готовятся воевать друг с другом и из-за этого держат в глубочайших секретах последние биополевые и торсионные разработки. Самооборона необходима, но только от инфракрасных темных реальностей. Кому-то эти потусторонние реальности – выдумка, фантазия. Кому-то – явь, муторошные видения. Выдохнул, аж грудная клетка прогнулась, а потом на всю мощь захватил через трубку воздух. Ремень лежит на метрах двадцати, глубина нешуточная, ведь ремень еще увидеть и найти надо. Да-а, акваланг бы сейчас... Без ремня с наваждением не поборешься, попробуй занырни в куртке с заполненными до отказа легкими. Рывком схватился за водоросли, потянул и, как только ласты вошли в воду, медленно, с напряжением пошел вниз, помогая руками. Вот оно, ружье, а в гроте под самым потолком хищный дух обвис, дернулся, почувствовал человека. Проскочить благополучно мимо, взять бы только

ремень. Сравнялся с гротом и понял: время упущено, детеныш Пасти почти выдернул из себя крайние флажки, центральные уже показались, еще один рывок...

Он схватил стрелу левой рукой и успел прижать хвост чудища к камню, тройник вошел глубже, но это выход на миг. Удерживался за кромку грота затылком (ах, как тащит вверх без свинца!), растягивая шейные мышцы, скользя ногами по стенкам, корчась от боли, достал все-таки свой огромный нож. Бил в остервенении, с треском разрывая кожу зубастого страшилища. И тут потемнело в глазах, сердце чуть не разорвалось от жуткой боли. Он не мог понять, что произошло и где болит, и, только когда задержалась в конвульсиях правая рука и его тяжело замотало по нише, он, опомнясь, увидел вцепившуюся в руку страшными зубами Пасть. Нож прижался к зубастой голове, и он ничего не мог поделать.

Пришел в себя и начал работать лапами, преодолевая невыносимую боль. Детеныш Пасти Счастья висел на руке, словно накопившийся за годы безжалостный балласт, который не всегда нас тянет на дно, но и беззаветно жить не дает. Ближе к поверхности, где воду пронизывал свет закатного солнца, челюсти зашевелились, выдернулись из человеческих сухожилий, Пасть ушла в мутно-желтоватую морскую глубину.

А он? Тяжело дыша, изможденно преодолевая звон в голове, пережал пальцами кровоточащую руку. Он лишь покалечил нечисть, но и она с ним сквиталась. С трудом выдрал из скрюченных пальцев нож.

«Борей, спеши, – зашептала Судьба, – ты можешь умереть. Спеши!»

Вцепился в водоросли и только с пятой попытки, страдая от боли, рывком занырнул. Ружье выдернул, вытащил вместе со стрелой, но теперь, как ни сжимал руку, кровь хлестала, распирала рукав куртки и выходила красивым алым туманом в воду.

– Судьба, – взбеленился Янг, – кровь хлещет в воду!

– Росс, как Страж, начал рвать узы рокового, детеныш Пасти на время покинул людей.

– Но разведенная водой кровь меня не устраивает! – зарычал Янг. – Все раскладывается по своим полочкам: этот Страж теперь бродяга Лаврак с обличьем неотесанного мужика, он на полочку лезть не хочет. Изобрел в их мире невиданный генератор и – нищ, бесправен, отвержен. В каких просторах и в какой стране такое возможно? И только душа осталась при нем... Но и душу захлестнут самоуверенными комментариями.

– Ты так умно говорил, Янг. Удивил...

– Судьба, вопль души не вырвется из твоего естества, – подытожил Янг. – Да и зачем тебе душа, которая погрязнет в корысти или будет мытариться бескорыстно? Суть одна: жрать вкусно хочешь, девочку-забавушку и мальчика хочешь, хоромы иметь хочешь – имей. Но для этого страдать кому-то надо, гаввах – тонкоматериальное излучение человеческого страдания – питателен, восполняет убыль жизненных сил Денницы и рептоидов.

Вначале Лаврак плыл бойко, не обращая внимания на видения и речи фантомов, главное – пройти отвесные скалы, выбраться на берег, перевести дух. Вскоре стал быстро уставать, смотрел со страхом на кровавый след и свои посиневшие пальцы правой руки. На кровь набрасывалась ставрида и хамса. Одолевала слабость, ноги уже не молотят лапами воду, хотя он и старается. А что будет дальше? Тут волны срезаются мысом, а впереди волна настоящая. Тучи понеслись из-за гор, около мыса белый бурун, там сейчас грохот ударов растрепанного моря. Теперь взгляд Лаврака словно приковался к алой струйке, с напором бьющей из рукава. Левая рука ослабла, он не мог зажать кровоточащую руку, к тому же мешало ружье под мышкой. Нерв какой-то, наверное, перекушен, руку все время колотит. Но тут его охватил покой, обморок. Потеря крови...

Очнулся внезапно, подстегнуло тревогой. Волной отбросило назад, за расщелину. Скалы наблюдали за ним угрюмо и равнодушно. *Раскис, слюняй!* – сжал загубник до терпкого сока из резины. *Крови не видел?* А-а, то была не твоя кровь и даже не человечья – рыба.

Вроде собрался с духом, но тут холодком затревожилось иное – где ружье с генератором? Выпало? Зачем грести, через часа четыре прибьет к берегу.

Руку заколотило, немел бок, стягивало стылостью правую сторону лица. Прислушался к ногам – ноги работают, только вялые. Посмотрел на руку и... вместе с рукой к подбрюшью была прижата стрела, ружье выпало, но висело далеко внизу на шелковом канатике. Чего же он сразу не догадался накрутить все пять метров линия на руку?

Мамка поддразнивала: «Алкид, Алк... Так тебя почему-то называл отец, когда впервые увидел. Уж больно крепенький и сильный ты был, детдомовец. Крепышенок, не обижайся. Алкид – это настоящее, при рождении, имя Геракла. Я, бывало, плачу, приговариваю: „Вот ты, Алкидка, подрастешь и покажешь им всем. Крепыш мой...“ А что, – вскидывала глаза вверх, – если там Бог – пусть даст тебе силу и отважное сердце».

Ему повезло. Мамка у него была – самое доброе в мире существо. Когда умом вспоминал, что он приемный сын, становилось неуютно и стыдно.

В полубреду видит себя Крепышом, удерживает картинку, потому что это как колодец с живой водой, дающий силу. Вот он напротив скалы в открытом море попал в стаю сарганов. Вкусная рыба, мясо от кости какое-то зеленоватое, фосфорится. Стрелял, стрелял, но сетка была пуста. Верткий змеевидный сарган с острым, как шило, зубастым ртом легко уходил от тройника, и вся стая бросалась на стрелу. Один, почти метровый, подошел совсем близко, он видел – попал! Саргана пронесло стрелой, но тот, изогнувшись, гибкой лентой поплыл себе дальше и увел за собой всю стаю.

Почти у самого берега, в разломе небольшого моховика увидел «свадьбу». Подкрался... Самка, не спеша, тихонько зашла за моховик и замерла. Всего метр глубины, у самого берега. Какое зрелище! Живое серебро рядом. Затихает, волнуется, затихает... Жизнь! Один самец положил на спину самки голову, а другой, покружившись, прилег рядом и тыкался мордочкой, обдавая плавниками, словно обнимая. Крепыш обогнул моховик, самка – к нему хвостом – затихшая, медленная такая, с большим животом. Тройник чуть сверху смотрел прямо в голову, в полуметре.

Он так и не выстрелил. Жалко...

Вышел из воды, бросил ружье и полез на склон. Карабкаясь на выступы по старому размыву, хватаясь за пучки высохшей травы, подымался выше и выше. Лез к большому камню, который привалился к отвесной скале, образовав как бы вход в пещерку. Там у входа рос большой можжевельник с ветвями по камню, из щели раздавалось частое «к-ва, к-ва». Всего с десятков метров осталось, но выше – гладкая стена, вся в каких-то дырочках, и только под отвесной стеной змеится небольшая ложбинка, сухие стебли колышутся. Ползком, пожалуй, можно перебраться, а спуститься от можжевельника вниз по другой стороне, там даже кустарники кое-где имеются. Влип... Вытер холодный пот, но присутствие духа не терял. Потер царапину на животе, осторожно присел, потом лег и, стараясь глядеть только в скалу, а не вниз, как ящерица завихлял по каменной выемке над стометровым обрывом. Добрался на одном вдохе, прижался к камню спиной и тяжело задышал, закрыв глаза. Горячий камень стал подпекать, отодвинулся и посмотрел на море: не плывет ли батя? Ох и задаст, когда увидит на такой высоте. Прижался к камню грудью, дальше высунул голову. Кто тут кричал? Так это же кеклики! В пещерке обосновались... Вот заполз, горных куропаток видит, это они словно лягушки кричат. Дымково-серенькие, с просветлением около шейки, такие непугливые... Начал перебираться к можжевельнику, кеклики, смешно двигая хвостами из стороны в сторону, побежали по склону. А две птицы остались, лишь тревожно дергались. Приблизился, замирая, и увидел: лапки зажаты петлей. Взял в руки бьющуюся куропатку, освободил ножку, выпустил. Прихрамывая, помогая крылом, птица чуть пробежала с криком, тяжело хлопая крыльями, взлетела.

Увидел с высоты далеко в море отца. Увы, батя долго плавает, но рыбы бьет мало, не дано ему это. Порвал петли по дороге и пришел к морю, когда солнце зависло над самой водой. Забеспокоился, скоро начнет темнеть, да и надоело торчать тут среди камней, где отец? Давно должен был приплыть. И тут увидел на тропке мужчину в потертых шортах и фирменной майке. Мужик присел на ствол дерева, вытянул из кармана комок капроновых ниток и начал на глазах Крепыша вязать петли. Васёк! Гаденыш...

А красная полоса над морем сужалась, притухала, она еще горела бы до часов девяти, если бы не тучи. Они вырывались из-за скалы, северные, несущие холод, и по наклонной врезались в вечернюю зарю, топили ее в злом море, и оно урчало, вздымалось и хохотало, алчно облизываясь у скалы. Ночь наступала медленно, под ее тяжестью утихомирился ветер, сумрачная тяжесть округлила волны, они теперь лъстиво, без шипящего хохота и ударов рассыпались у ног громадного безмолвного сторожа; иногда там, где за скалой уже полно-властно хозяйничала ночь, еще слышался всплеск.

И вот к Крепышу подобралась ночь. Пришла быстрыми и тревожными ударами сердца, напугала полудюжиной наглых крыс, набросившихся на объедки, залезающих в отцовский рюкзак, пробегающих чуть ли не по ногам. Ночь издала в своей черной утробе душераздирающий крик и, зашелестев, упала тенью, схватила визжащую крысу и, сверкнув глазами-шарами, зашелестела и закричала далеко у скал. Скорее всего, это была просто сова.

Крепыш вскарабкался на большой камень у самой воды, волны шипели у лица, он все смотрел в сторону скалы, вслушивался, ожидал всплеска, иногда ему казалось, что в проходе у камня, на котором он сидел, показывалась отцовская фигура, он вскидывался и тут же закусывал пальцы – нет, показалось.

Камень задрожал, все вокруг наполнилось гулом. Засверкал по волнам луч прожектора, освещающий с погранпоста прибрежную зону, сверху на скале заработал радар – ночь насторожилась. Черные тени от вспышек прожектора тревожили душу.

Крепыш впервые подумал о помощи, когда луч прожектора в очередной раз осветил пустое море, подумал о том, что случилось несчастье – отец не мог оставить его одного среди диких глыб, ночью. Эта вера в земного отца пронзила болью. Отец маялся сердцем... Если он не успел выбраться на берег... А что будет с мамой? Иссохнет вся...

– Папа!!! – закричал. – Где ты? Папа-ааа!

Крепыш долго ждал, с надеждой следил за лучом прожектора, который время от времени ощупывал совсем присмирившие волны, море затихало.

Отец не приплывет. Он осознал это, затосковал от беспомощности и ужаса. Вскочил и напролом в темноте бросился на косогор, вскарабкался на тропку. На стройке качалась на волнах моторная лодка. Но сбилс с тропки, упал. Да тут, на склоне, тропу отыскать было легко. Спешил, у самого леса как-то незаметно вбежал в какие-то заросли и обрадовался: внизу на маленькой полянке горел костер, небольшой такой, уютный. У полянки приостановился на миг, узнал Васька, который у скалы вязал петли. Он и сейчас выпутывал из петли кеклика. А рядом сидела женщина, она подняла наполненный стакан с вином и прислушивалась. Тут мужчина пошарил сзади себя рукой и поднял фонарик. Луч осветил грязного и испуганного пацана.

– Ах, тот... Тот! Он – кто еще? – петли порвал! Подсматриваешь, гаденыш?! – Мужчина вскочил и погнался за пареньком.

Крепыш побежал, страдая от колючих веток, раздирающих рубашонку и кожу, камни сквозь кеды сбивали пальцы, он скатился между глыбами к морю.

– Сиди там! – услышал. – До утра не выберешься!

Мальчик не понимал, почему глазам так горячо? Потрогал... Что-то липкое стекало по лбу, заливало глаза. Потекло по щекам, начало одурять сонливостью. Догадался – кровь. И тут заболело все сразу, напрягла обида. Остатками рубашки вытирал лоб, вытаскивал нао-

щупь мелкие камешки из раны, пощупал пальцы, сняв кеды, – скривился от боли. Хотел прилечь на камнях, успокоиться, но, инстинктивно избегая безмолвия, тут же произнес:

– Нужно батю спасать. К лесу прорываться, к тропке, – и натянул кеды.

И вдруг услышал шепот, прямо в голове:

«Малолетний росс с примесью древнего ария, косит под Алкида. Пока ничего не соображает, но когда сообразит, кто он такой, – нам мало не покажется. Судьба, можешь пока его не убивать, чти свой закон. Немало вот таких Стражей сбиваются со своего пути, нам от этого непревзойденная выгода. И этого поглотит их куцый трехмерный мирок...»

Крепыш весь занемел телом и душой, когда на психическом взводе услышал среди скал шепоток. Такого раньше не было, правда, и нервы у него всегда были спокойны.

– Тогда зачем мой параф, моя метка? – услышал ответ.

– Коготок! Судьба, коготок увязнет. Иначе Наг не отпустит. Пацана изгажу, пока его так называемый батя задыхается за скалой. Гиперборейцы с астрейцами всеми силами сдерживают ануннакков, им не до мальцов. Пусть пострадают оба, названный сынок с папочкой, – страдание полезно, гаввах кушать всем хочется. И на этой паршивой земле, и в Мире Ином – кушать хочется. Только люди в дерьмо и болезни превращают пищу, а мы – в кайф.

– Янг, – вдруг громыхнула молния, разрывая тучи, – я остановлю тебя, стервятник!

– Дива?! – злобно вскинулся Янг. – Раньше ее мать косила под Магдалину, – объяснил. – Стоило только вспомнить этих космонаблюдателей... Фраер, – начал объясняться, – загнал пацана в каменную ловушку, а там сейчас хозяйничает ночь.

– Я всегда буду жечь тебя, если паренек погибнет. Вот так! – Огненная энергия ударила, опрокинула Янга, забушевал огонь. – Ты фраера к мальчишке подослал?

– Не-э-эт! – задымился Янг. – Эти секс-вампирики у меня сами, как мак-самосейка, размножаются.

– Оставь пацана! – полыхнула огненная стена, и зловонно запахло паленной шерстью.

(Карамышев, мы относительно недалеко от Земли. Подсознание твое отчасти для меня открыто, ты должен меня слышать. Дива – наша, бывшая росска. Мамка у нее была как бы еврейка, а отец... Страшно сказать, не поверят. И ошельмуют. Иисус – Бог. Неприкасаемый идеал, возведенный до непогрешимого идола. Дива – крутая, работает из шестого уровня. Мы перед ней малыцы. Карамышев, тебе открылась память, как Янг затемнил моего Алка. Так оно и есть: все наши беды и радости имеют свое начало в детстве.)

Крепыш переползал с глыбы на глыбу, на ноги подыматься боялся – тут же оступится. Не ощупывая руками камни, щели, коряги, боялся свалиться в темный провал и покалечиться. И вот он добрался до сплошной стены из спрессованной глины и корней – вверху был лес, близкий и недоступный. Цепляясь за корни, полез наверх. И уже долез было до половины обрыва, но сверху обвалилась земля.

В разрывах туч замелькала неполная луна, посветила и боязно притихла туманным пятном среди темных полчищ. Но и за эту минуту он углядел под обрывом тропку. Обрадовался, пошел чуть быстрее, часто падал, не успев наугад схватиться за корень.

Где-то за горами начиналась гроза. Заполыхали зарницы, черной тенью обозначая обрывистый берег. Зарницы подбодрили паренька, он заспешил и тут же попал ногой в какие-то прутья, разорвал шорты и ногу и, закричав от боли, провалился в какие-то железки и острые обломки застывшего цемента. Стонал, ждал очередной отсвет далекой молнии. Замелькала луна, прорывалась сквозь тучи навстречу, но Крепыш ворочался, резал руки и не мог выбраться из каких-то арматурин и хаосно скрученной проволоки. Эта была свалка, вернее, просто бульдозер сгребал строительные отходы и сбрасывал с обрыва в предберего-

вые камни. Ветер хихикал в обрезках железа, шипел прямо в голове: *Живи, живи, пацан. Да живи, послужишь Янгу.*

Бред какой-то. Нужно помочь бате, но как? Над головой отвесная стена, впереди ощерившееся железо, сзади чудом пройденные глыбы. И темень, ночь. Сник Крепыш, распластался на комьях глины. Его трясло, но не от холода, вдруг начало колотить от удушья. От кашля и напряжения зазвенело в голове, все тело закололо иголочками, он провалился в пропасть, хотя до последней секунды помнил, что никакой пропасти рядом нет. Где-то в горах тучи излили свою злобу, поредели, и теперь ненужная луна освещала застывшее в недоумении, перемазанное кровью и грязью лицо, с широко раскрытым ртом, со вздрагивающими от напряжения губами. Время от времени хриплый вдох-выдох вырывался из крепкой, не по-мальчишечки мускулистой груди.

Подростка обволакивал, как бы впитывал в себя черный сгусток с рваными краями, который своей чернотой выделялся даже среди темени ночи. Через минуту иноматериальный сгусток стал оформляться в обыкновенного голого чешуйчатого мужика неопределенного возраста с горящими глазами, который возбужденно начал лизать кровь, которая сочилась из многочисленных ран Крепыша. Мужичок исступленно приговаривал: «Получи мое эйцехоре, о мой экстаз! Светлая кровушка...» Маньяк обхватил кулаком свой огромный фаллос, рыча, перевернул бездыханное тело...

Но не вышло. В вышине соединились воедино три ярких шара, и беззвучный Свет ударил Янга. Нанас начал плавиться, распадаться на чешуйки, черный вихрь устремился в небо, но метнувшаяся метеором вспышка света разметала и этот вихрь.

Около паренька материализовалась Дива, притронулась к его вискам, но светлая волна частично прошла по телу Крепыша.

– Успел, урод! – произнесла она. – Батю ты спасешь, а вот сам... Жаль, милый, к тебе прикоснулся Ад. А мы так старались, дали тебе силу и ум, доброго отца и мать. Наг своего двойника возродит. – И исчезла.

(Карамышев, беда! Наг мимоходом, через своего двойника затемнил Алка.)

Через некоторое время Крепыш пришел в себя, испугался изнуряющей слабости и звучащего в мозгу шепотка: «Хи-хи, мне – твоя кровушка, тебе – моя весточка».

Услышал назойливый собачий лай прямо над ним. Опавшие листья, комья земли летят на голову. Приподнялся на локте, собаки в ответ залились визгливым галдежом. Стал дразнить собак, подбрасывая наверх комья глины.

– Заливайтесь, – прошептал, – кому-нибудь надоест... А у меня батя умирает...

Так продолжалось минут двадцать. Собаки охрипли, часть из них спустились за свалкой, но завал острых строительных отходов не преодолели, иначе загрызли бы.

И тут раздался голос:

– Чего вы взбеленились? Кто тут собак булгачит?

– Это вы, дядя Федя? – узнал рабочего. – Помогите выбраться... Батя не приплыл.

А батя, отдышавшись, словно вернувшись из небытия, силился одной рукой сбросить шлем, чтобы легче было дышать. Приступ стенокардии поразил сердце, левую руку и часть спины. *Я приплыву!* – стянул, освободил горло, задышал облегченно.

На воде оказалось легче, чем на берегу. Тело невесомое, тихо греб ластами и без особых приключений добрался до стоянки. Позвал Крепыша, но около рюкзака только яростно дрались между собой крысы. Перевалился через небольшой прибрежный камень, ударился рукой и потерял сознание от резкой боли в сердце.

А Крепыша решили вести на погранпост, но вначале позвонили домой. Примчалась машина, и на погранпост вбежала мама. Нет, не мама, а сын закатил истерику. В машину садиться наотрез отказался.

– На стройке, – твердил, – моторная лодка. Я буду искать батю! Вы – плохие люди! – истерично кричал. – И мама плохая! Какой рекой плывешь – говоришь папе – такую и воду пьешь. А сама ты соображаешь, какой он рекой плывет? Не буду ждать до утра, не буду! – отталкивал мать и не давал вытирать кровь со лба. – А вы не пограничники, – вырвался из рук и подбежал, сильно хромя, к молодому солдату, – какие вы погранцы? Вы же его видели... Почему на произвол судьбы бросили батю?

– Мы не имеем права покидать пост, – оправдывался солдат. – Старшему доложили...

– Уйди! – отскочил Крепыш от матери. – Не прикасайся ко мне! Тоже еще Алкмена нашлась, мамочка геркулесовская. Ты до утра будешь ждать? – И в глазах его было такое, что мать отступила. – Я один знаю, где остались вещи в камнях. Батя приплывет, если жив. Вы будете по морю шастать, а он – в камнях около рюкзака умирает. Я знаю! Но почему вы не знаете то, что знаю я?

Они нашли батю, Николая Васильевича Семиокова. На пограничной машине доставили в больницу.

Отец пришел в себя и прошептал:

– Вы не знаете то, что знаю я, – ничего страшного. Страшное впереди.

Мать изумленно покосилась на сына, услышав знакомую фразу.

Лечили и Крепыша, раны быстро заживали. Но Алк начал меняться на глазах. Стал угрюмый, задумчивый, молчаливый. Выглядел старше своих лет. И непостижимое – глаза начали темнеть, вселяя мистический ужас у матери. Алк иногда задыхался – астма.

Совет космонавтов не стал забирать мальчика с Земли. Ни для кого еще внедрение не было гладким. Стражу бывает трудно. Он ошибается, он ищет свой путь.

8

Алк медленно выздоравливал. Жизнь замыкалась на внутренних ощущениях и тревожных мыслях, окрашенных воспоминаниями. Как он стал Лавраком? Да очень просто для этого мира и этой страны.

– Надоел ты мне, идиот! – идущим из самого нутра голосом негромко итожила Павлина, соскальзывая с кровати, одергивая короткую ночную рубашку.

«В страдании вызревает истина? Боже, – думал Лаврак, – где же затерялись наши истины? Вышли мертвые с косами на обочины страшных потерь, на обочины отчаяния и надежд. Я не прол из романа Оруэлла, я всего лишь хочу исправить свою ошибку, ведь хотел во имя памяти об отце любым способом внедрить его идею. А любым способом нельзя. И мне хочется теперь только одного: попросить прощения у Натки. С каким ужасом она смотрела на меня, молчаливо, не вытирая слез, когда узнала о Павушке».

И вот он встречается с НИМ. Как в детективном жанре, в автомобиле. Не Lamborghini, а цвета вороньего крыла практичная Audi. С глазу на глаз, в шикарном бело-кожаном салоне. Водителя нет. Охрана, конечно, где-то работает... Рядом не местная милиция подмосковного промышленного городка.

Ну давай, мутант, стенает изобретатель, говори. Член правительства... Зальков!

Худощавый лет пятидесяти мужичок с поседевшими висками, со скупой мимикой лица и наигранно-бесстрастным взглядом светло-серых холодных глаз.

– Мы, к сожалению, лично не знакомы, – деловым и даже строгим тоном произнес.

«Так уж и не знакомы, – ухмыльнулся. – Вот зараза! А на кабана ты с кем ходил? Соглашаться на его правила игры? Ведь замордует...»

– Прошу вашего внимания, – чуть-чуть усмехнулся скоропалительный деятель, – я ограничен во времени. Изложите мне свое видение проблемы. Честное слово, мальчишество какое-то! Я слушаю...

Алк вцепился ногтями в колено и молчал.

– Я вас слушаю, – произнес тот мягко и усмехнулся. Долго, не мигая, глядел. – Я предлагаю вам всемерное сотрудничество серьезного научно-исследовательского института... В будущем – сотрудничество правительства, финансовую поддержку, внедрение. Я обещаю вам при первом же удобном случае поставить в известность президента о весомой перспективе открытия. Тысячи, – вскипел, – и мечтать не могут о подобном.

Алк молчал.

– Ага, – засопел москвич, – очередной идеалист и моралист. Ух, как же вы мне надоели! Вместо дела – слюни, слюни. Да-а, слышан. Шавки местные перестарались. Таков наш менталитет. В шавках ходили и еще долго будем ходить. Решили тебя припугнуть. А я тут при чем? Давай по существу дела, а?

– По существу? – взъерепенился. – Но не перебивайте...

– Не приучен. Если по делу.

– По делу. Но в моем понимании дела. Итак, рос и мужал очень не глупыш, ученый с перспективой, гражданин Зальков. Ученый достиг немало, но истинная Жар-Птица в руки не давалась. Много сил и энергии было потрачено, но... Это шавки могут – о вашей гениальности... И вот какой-то хренов изобретатель в неизвестности, в каком-то тупом городишке, с небрежностью наивного придурка приманил птичку. Обида, зависть, тщеславие помutilи разум. И оставшиеся устои лопнули. Этот сопляк-изобретатель сам не понимает, ЧТО он открыл, куда вторгся. И толку не даст!

– Хорошо излагаешь, – сбывчилось столичное светило. – Где-то так и было. Будем препираться? А страна с этим «кольцевым генератором» могла бы взлететь...

– И вы... взлететь. Но крылья-то не ваши.

– Безусловно. Но, поймите, я уже и так взлетел. И поэтому я могу пробить в жизнь, натурально могу внедрить сотни энергосберегающих технологий. Внедрить! Реально! Вы этого не сможете, Семиоков. У вас нет имени, нет возможностей, нет ресурсов. Вам сказочно повезло... Жар-Птица! Ну и что? Вы готовы подохнуть в ее гнезде?

– Понимаю, – кивнул, – Жар-Птица – еще не подводная лодка.

– Правильно! И вообще, ты мне нравишься, Семиоков. Это же ты, кажется, у того кабана сбил ржавую банку с рыла? Символично! Давай работать? Обнищавшей стране не до моральных закидонов. Давай просто работать, давай делать дело. Или назови цену... Миллион баксов – это мой потолок. Доставят в любой день и час.

– Думаю, эти баксы вам и вернут. Меня уже приговорили?

– Вот поэтому давай просто работать.

– Но «кольцевой генератор Залькова»?

– Возможно. Только так, пойми, изделие не ляжет на полку. Слышал о «творческих неграх»? Не ты же первый, Семиоков. Теперь «негры» всюду – так разделили жизнь. И учти, Семиоков, разделили и очень гордятся этим. И ты гордись, а не то...

– А ваши шавки потом не прихлопнут меня?

– Ну и что? Тебя прихлопнут, меня. Но сегодня не ты, а я на коне. Жар-Птица дается раз в пятьсот лет. О ней нужно успеть заявить, внедрить. Мы в каком мире живем! Птичка может и улететь в чужие края... Глупый ты, наивный. И дает же Бог таким удачу! Подумал бы о своем тщеславии, а? Какая разница: генератор Залькова или Семиокова? Лишь бы Родине послужил!

– Ага, – усмехнулся, – во имя Родины? Но на этом альтруизме держится власть всех прихватчиков. О, они призывают трудиться во имя всеобщего блага, во имя Родины, только вот присваивают все блага себе. Нет, братила! – И вышел из машины.

Однако впереди ночь. Дадут отмашку, и его «заметут». И можно сорваться с направляющих, и тут уже запахнет не КПЗ. Дело за палачом О'Брайеном... Ха! Столкнуть бы Оруэлла с российским беспределом, что он после этого написал бы?

Потом перед ним возникли два милиционера, которые придерживали за локти парнишку лет тринадцати.

Все – добрые люди, говорил Иисус Христос, все люди – братья.

Подросток, потупив глаза, указал на него.

Все люди – братья. Товарищи, запрессовавшие себя амбициями и властью, возомнившие себя господами.

Дежурный капитан, явно не замешанный в задержании «наркомана», взглянул через плечо на человека в штатском.

Ах, добрый брат. Хранитель державной морали, честь и совесть эпохи.

– На каком основании меня задержали? – искренне недоумевал.

– Для проверки документов! – тут же заводится капитан, грозно сдвигая брови.

До чего же они не любят, когда гражданин напоминает о своих гражданских правах. К тому же капитан был еще и выпивши.

– Пригласите понятых и опишите мои вещи, – разыграл он гражданина великой страны.

– Ув-ва! Подкованный? – побагровел капитан. – Все сейчас тебе будет сполна.

– Что он должен был тебе передать? – подошел к мальчику «брат» из-за спины.

– Не знаю, – задрожал мальчик. – Вы сами мне сказали, что этот, – кивок в его сторону, – должен передать мне какие-то пакеты. Зачем били? – расплакался.

– Капитан, требую занести показания мальчика в протокол задержания. Парнишку принудили к ложным показаниям, – возмутился Алк.

– Сейчас, – хохотнул капитан.

– Будешь знать, как убегать из дома! – Мальчика увели.

А особист лично пересмотрел вещи в кейсе.

– Так вот же, – бросил на стол пару пакетиков с белым порошком.

Но капитана интересовала лишь валюта. Кстати, Павкина доля от какой-то сделки.

– Откуда доллары? Чьи? – загремел капитан, плотоядно глядя на деньги, и уставился на человека в штатском. – Полковник Максимов, что дальше?

– Наркотик. Составляй протокол и на экспертизу. – И вышел.

– А теперь ты наш! – сардонически заулыбался капитан, прикрыв деньги рукой.

Как вырваться от этих защитников демократии? – решал непосильную задачку Виктор Семиоков. Гляди, еще и бутылку из-под шампанского сунут в зад, допрашивая. Вот и признается, что он еще и Алк, будущий Страж. И будет раздолье для психиатров...

Капитан красноречиво перебирал баксы в руках и выжидательно посматривал.

– Так отпустить тебя – или в КПЗ? Протокол тоже можно состряпать по-разному.

– Да пошел ты! – подал голос. – Ведь знаешь, что пакеты подброшены.

– Ишь! – привстал капитан, с треском отодвигая ногой стул. – А ну-ка, Вась, – двинул подбородком в сторону сержанта, – будем сейчас составлять протокол.

Мент с ухмылкой запер дверь, а капитан, сбывчившись, выхватил из-под стола резиновую дубинку. В голове у Алка застучало, подступало бешенство. Сейчас избыют его и накачают: сопротивление представителю власти.

Капитан ударил ногой, целясь в пах. Он с трудом увернулся, носок больно зацепил по бедру. Дальше уже ничего не соображал. И вот тут-то впервые в его жизни на фоне психического угара проявилось неизведанное. Он лишь попытался опустить кулак на голову капитана, а тот с хрипом втянул в себя воздух и уткнулся головой в пол. Рванувшегося к

нему сержанта с дубинкой остановил выставленной рукой, но их разделял метр... Сержант прогнулся назад, зашатался и завалился. Глаза лейтенанта расширились от ужаса.

– Стой и не шевелись! – холодно приказал, сам удивляясь себе.

Озлобленно собрал деньги, документы, закрыл кейс и – к выходу.

В районе солнечного сплетения разгорался холодный огонь.

Из-за деревьев показалось солнце, тяжелое сонное солнце, разбухшее от красной туманной дымки, неприветливое и равнодушное от надоевшей службы: каждое утро всползать по небу вверх и освещать планету с человеческим муравейником. Однако пичужки восторженной песней заприветствовали и это отчужденное от нового зарождающегося дня солнце. В восторге закаркала в леску ворона, чаще стали проноситься мимо автомобили, засвистела рядом зарянка, прошмыгнула мимо остановки птичка-чернушка.

И светит недовольное миром солнце, клубятся над землей туманы, а жизнь пошла мимо Алка. В то время такие понятия, как «транс», «паранормальные явления», мало кого напрягали. Нервное напряжение начинало донимать «провалами» в сознании, но он все явственней понимал: обратиться к примитивно-недоразвитой медицине – ему конец.

– Вот, когда прибиралась, увидела, – протянула как-то Павка кусок бумаги. – Это же твои кружавки, среди старых бумаг нашла. Что это?

«Хм, что это? Вот именно – кружавки. Пусть тенью в „кольцевом генераторе“, но вихревые Поля – смысл и мощь Вселенной. Скорость без потери энергии – десять в девятой степени от световой, информация всего сущего, прошлые судьбы и будущие, неисчерпаемые энергии Галактик. Любая материальность из, казалось бы, Ничего. И неужели вопят: „Фантазия!“ Увы, не фантазия».

– Эти «кружавки» способны перевернуть мир, – буркнул в ответ. – Не я открыл торсионность Мироздания, русские ученые пока впереди, но наши правительственные олухи все приоритеты растеряют. Забыл счесть...

(Карамышев, ты еще помнишь нас, тебе не отбили мозги? Ты «пишешь» нашу память?)

Алк «стучался» в Иной Мир, напрягал разум, догадывался: как и каждый живущий человек, он мыслями рождает вокруг себя торсионное возмущение физического вакуума (вот почему наши мысли влияют на нашу судьбу), созидющие мысли вызывают правосторонние завихрения энергетически-информационного Поля, разрушающие – левосторонние. Свет записывает и сохраняет информацию, Тьма ее стирает. Эмоциональный накал или врожденная быстрота процессов некоторых отделов мозга (эпифиз) усиливают взаимодействие с информационным Полем планеты – и вот ты уже экстрасенс. Виктор Семиоков пока не мог «отключать» интеллект. А вот Мессинг, например, мог. Это не он «стучался» в Иной Мир, а Мир Иной стучался к нему. Зачем? Зачем вы, боги Иных Миров, тревожите нас?

– Ты очень изменился, Витя! – как-то издали услышал голос бывшей жены. – На тебя невозможно смотреть без содрогания. Витенька, – заголосила, – ради каких-то принципов ты уничтожаешь себя. Они подбросили тебе наркотики, да? Это их самый частый и излюбленный прием, но все можно уладить. Или ничего ты не докажешь, наша жизнь становится лживой и безжалостной.

Полная галиматья! Или гони изобретение, или посадим. И все так просто и понятно... Вокруг тысячи прокуратур, Комитетов госбезопасности, следственных отделов, но пышным цветом ядовитого миазма процветает галиматья, и все так просто: отдай свое или посадим.

– Свидетели – это элементарно, – доверительно Павушка приоткрывала ширму келейного закутка, – противостоять им не сможешь. Или отдай им изобретение, или тебя уничтожат, или те, кто при реальной власти, предлагают тебе и другой вариант сотрудничества.

– Пора сожрать Залькова, так? Я, кажется, начинаю осваиваться...

– Умница, – кивнула. – Уж слишком он набирает силу. Ишь, военно-технический спецправительственно-демократической категории.

Он забился в угол СИЗО и от бессилия терял рассудок. Мафия! Самая натуральная мафия, а люду впаривают «заботу о людях». И кто бы и когда ни бил в колокол по этому поводу – этого всегда мало. Алчные группы, каждодневно совершающие рэкет против человеческой личности, бизнеса, государства и родины. И наступит очередная беда...

Рука под комками подушки занемела. Он решил ухватиться за нары и подтянуться выше и, взглянув, обомлел: увидел мерцающую копию своей руки. Мысленно задвигал пальцами, мерцающее марево повторило движение. Потрясенный, начал искать ответ. Голубое сияние исчезло. Работа интеллекта гасит чувствительность эпифиза, если этот «подарок Бога» уже не комочек кальция. Ты или находишься в Поле и знаешь, видишь, слышишь без рассуждений, или ничего не знаешь – рассуждаешь. Кто-то страдает, а кто-то творит страдания. Ненавидит его от зависти Разумовский, наверное, Алк поэтому и обходил стороной Натку. Разумовский раньше ухлестывал за Павлиной – как же, директорская доченька...

Алк начал биться лбом о стенку СИЗО. В голове шумело, хотелось выть.

– Хватит! – схватили за волосы. – Слушай Папу.

Папа сердобольно погладил «внедренца» по затылку, наклонился, взглядом дурного гипнотизера всмотрелся в глаза и напыщенно произнес:

– Говори. Папа тебя слушает. – А он тупо молчал. – Возьми, – протянул дурно пахнущую, липкую от потной ладони, коричнево-лоснящуюся жвачку. – Папа – не шкурка сквалыжная, сковырнул с языка, а ты костоломишься. – Папа усмехнулся, схватил молодого за волосы, запрокинул голову и сунул в рот кусок ханки. Уголовники приняли Алка за наркомана, абстиненцирующего без дозы.

Урки загладели:

– Обалдел, обалдел от везухи. Клади в пасть, а то отгребем. Га-га-га!

Осторожно облизнул суррогат, тяжело дыша, но тут же рвотно-горьковатая дурь забила дыхание, и он сплюнул. Тотчас к сгустку бросился один из окружавших Папу и засмоктал, втягивая в себя зеленоватую слюну, закатывая глаза.

Уголовники загудели, двое тут же схватили росса за волосы, больно запрокидывая голову. Папа одним вялым движением кисти остановил их.

– Мужик утолкуй, – указал на него какому-то заморышу. – Видать, власть – во ему, – чиркнул ребром ладони по горлу. – Убивается. Пожалеет слабачка. А этого, – ткнул носком шлепанца давившегося слюной терпилу, – отпетухарим.

Молодой, пуская по бороде бурю слюну, заикался, нервно хихикая.

В камере было душно и смрадно. В два яруса шконки, в углу параша, железная дверь с окошком. Вонь, запотевшие стены, грязь. Заморыш со степенным превосходством изрек:

– Хмырек, пахан – твой первейший адвокат, поможет. А ты при случае благодарствуй. Тебе, салага, следак навешает помой на уши. Но ты Папу обидел.

– Чем я успел его обидеть? – удивился.

– Папа от всей души, от себя оторвал... А ты плевать? Не требуется, поблагодари, верни. И тогда чуки-пуки. А мудака, видал, захалаявил – этому будем делать. Ты, зеленка, можешь извиниться. Поклонись Папе, попроси прощения. Иначе...

И тут кланяться? Бесконечно кому-то кланяться и задабривать.

Медленно приподнял за шкирку заморыша.

– Жучок! Настоящие волки... – И отшвырнул от себя урку.

А дальше началась чертовщина. В изнеможенной ярости росс лишь вскинул руки, а пахан сам по себе взлетел почти к потолку, падая, проломил ржавые нары и, скатываясь на пол, жутко завизжал, синяя лицом. Урки в бессознанке онемело пятились, а потом дернулись к решетке, пытаясь выскочить в окно.

– Бык?! – первый пришел в себя Папа. – Восемнадцатый. – И захромал к параше. Содержимое его прямой кишки стало достоянием камеры. Вонь стала невыносима.

(Карамышев, ты печатаешь? Ничего не упрощай в угоду «тонких» натур. Так было. Ты сейчас сам арестованный. И чего от тебя хотят? Полной информации? Так и выдай им!)

Алк изрыгнул содержимое желудка, инстинктивно рванулся к двери – закрыто. Но рвота давила. В этот момент приоткрылось окошко, содержимое желудка стало достоянием хари любознательного коридорного. Он влетел, распаленный, замахиваясь дубинкой, но задохнулся и, «вэкая», вылетел в коридор. А пахан невозмутимо насилует свои кишки и парашу. А тут подошли контрольные органы, две прокурорские дамы в синих пиджаках и начальник СИЗО. Нарвались на вертухая, уличая в самогоноупотреблении. Тот, изрыгая в угол содержимое своего желудка, тыкал дубинкой на дверь камеры. Молодая прокурорша, наученная смело глядеть в глаза преступности, вбежала в камеру и... начала сползать по косяку двери. Повидавший виды хозяин СИЗО оттащил ее.

Но почему росс будет восемнадцатым? Их было внедрено великое множество, большинство погибали. И они знали, на что идут. Знали, но тут же им временно, но на довольно продолжительное время блокировали память.

И вот пришла ночь. Урки зашевелились, бросили к ногам Папы терпилу.

От духоты распухали мозги, от унижения у росса сжималось сердце, пульсирующим комом стояла в пересохшем горле боль – ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Он развлекался тем, что посматривал на эфирную матрицу своей руки. Не нужно пугаться и удивляться. *Смотри на свои руки как бы мимо, безразлично.*

От усталости чуть вроде забылся. Ни о чем не думая, машинально покосился на руки и, увидев знакомое голубое мерцание, в воображении «ухватился» за края нар.

Страшный спазм судорогой свел диафрагму, тело странно и равномерно завибрировало и... вот он уже под потолком, растерянно смотрит на свое физическое тело.

Спокойно... Экзосоматическое состояние. Не он первый... Куда бы слетать? К Натке? Ее слезы, ее взгляд... Вот она! Порезала палец. Мажет зеленкой. Оглядывается, замирает. Чувствует его... Бросает голову на руки и рыдает. Только расстроил девушку... Тогда – в логово! «Сейчас я тебя, вундеркинд правительственный, сделаю зайкой, а потом навещу Разумовского». Последняя мысль была о Разумовском, тут же оказался в своей бывшей спальне. Под Кимом, извиваясь в сексуальном изнеможении, стонала Павушка. (Об этом можно было и раньше догадаться.) Начал концентрировать энергию, перемещая ее в руки. Сейчас, школивый деятель эпохи, у тебя торчмя уже ничего не встанет, разве что волосы от ужаса. И в преддверии этой мысли тут же он замер перед упругой молочной стеной. Пред ним предстала Дива, светящаяся и удивленная. «Куда, милоч? На чужой торчок не разевай роток. Явился, запылал от мести. И крови жаждешь? У тебя другие задачи. Марш в свое тело!» – «Не хочу!!!» – завопил росс возмущенно. «Нужно. Марш!» – выставила горящие руки, и от них запульсировала Сила. Толчки загоняли его к уголовникам, казалось бы, безжизненному телу. «Да ты же меня загоняешь, как коз загоняют в стойло!» – рассвирепел росс, взглянув на вопящую в оргазме Павку. «Не ревнуй, – строго произнесла, – овчинка твоей выделки не стоит. В Ином Мире сгоришь. Заарканит тебя Янг. Нельзя! – И вогнала его болезненным толчком в тело. – Я блокирую выход из тела. Всею свое время. Быстрее приходи в себя – убьют!»

В эту минуту они и набросились. Скопом, не разобрать сколько. Для них он был беспробудно спящий. Хорьки трусливые! Насели на ноги, зажали руки. Папа удавкой затянул горло и рычал:

– Восемнадцатый!

Правую руку он вырвал и захватил чью-то шею. Ноге стало чуть свободней. В резком толчке перевалился на край нар и полетел вместе с урками вниз. Он ожидал падения и

придержался свободной рукой у нижних нар, кроме ушиба ноги серьезно не пострадал. По горячке вскочил и начал в остервенении бить потные тела и морды. Но тут влетели надзиратели, воющего Папу с переломанной рукой выволокли из камеры.

Утром:

– Встать! – резкая команда. Командует полковник в военной форме, явно не милицкий чин. Росс узнал особиста, подкинувшего ему наркотик. – Этот? – тычет пальцем полковник Максимов. – На выход! Ты, – резкий жест в сторону росса, – первый.

Он хотел набросить на плечи одежду, сунуть ноги в туфли. Не дали. Вытолкали.

В коридоре наизготове ждали краснопогонники с дубинками. От неожиданности первый же удар по голове сбил росса с ног. Ринувшиеся из камеры урки наткнулись на него, кто упал, подставляя руки под удары, кто был погнан по коридору под иезуитскую команду:

– На прогулку!

Его и упавшего заморыша били ногами, дубинками. Чтобы проявить невиданную жестокость, требуется быть переубежденным, что ты делаешь что-то ради благородной цели, добра, веры, вождя, коммунизма, защиты демократии и любой другой хреновины.

– Хватит! – остановил полковник. – Избегайте ударов в лицо, им еще предстоит суд.

Потом позволили встать, их погнали на «прогулку».

Во дворе посыпались удары по ногам, рукам, спине.

– Лечь! – удар по голове. Это уже сам полковник. – Руки за спину! Лежать! Обыскать, – приказывает солдату. Тот шарит, сопя над ухом. – Плохо ищешь! – рывкает особист и начинает вроде прощупывать кармашек штанов. – А вот, – разгибается, – ширево.

Росс лежит в снежной жиже, в одной майке, штанах и носках.

– Лежи, пидер! – наступает солдат на лопатки. – Приподыми только морду – иссеку!

Как он горд: блюдет справедливость, борется с наркоманией.

Разгоряченное тело холодеет на морозце, грязь перемешивается с кровью, слезами унижения и жалости к себе, и... (Вдумайся, Карамышев, к **своей** державе. Если бы ему не перекрыли частично память – он осознанно знал бы, что издеваются над Стражем. Но в вашем мире витает тонкоматериальный Бог, которого никто никогда не видел и не увидит. А помогают и убивают людей материальные боги. Это реальные боги. И вот держава допускает жизнь, которая может воплотиться добротным кирзовым сапогом на затылке. И убаюкивают себя «духовной святостью» народа... Опомнитесь, осмотритесь вокруг! Была святость... Теперь в вытарщенных глазенках – доллар, срастание властных структур с наживой, а то и гангстеризмом. Вот так! Пиши, Карамышев... И завопят о сгущении красок и подбиванию к экстремизму. Кто завопит? А те, кто тоже надеются пристроить свою шкурку. Но Стражу от этого всего не легче... Возможно, для вас подобные картины – норма и уже никого не удивляют. Но для меня и Алка, когда почти проснулась наша память, это было чудовищным потрясением. Ведь это наши потомки – русские! Наши россы, которым подменили их историю. Россы, которым подменяют ценности. Россы, историю которых, ухмыляясь, писал немец, неосознанно подбадриваемый нефилимом.)

– Убери ногу, – просит солдата Алк. Тот лениво убирает сапог. Но плюет ему в шею.

Возвращается полковник.

– Сдал наркоту, – объясняет солдату, потрясая протоколом. – Распишешься тут...

– Где? – с готовностью спрашивает солдат. – Тут, где – Максимов?

Особист недовольно хмурится.

Максимов! Запомним, откладывает росс в извилины мозга.

Солдаты с новым усердием набрасываются на стонущих в грязи уголовников.

Лежат еще с минут двадцать. Тело, принимающее вначале холод, дубеет.

– Этих – в камеру, – команда. – А этого, – пинает росса Максимов, – в падлу.

Очень даже убедительно – в падлу, упорно сохраняет сознание росс.

Тело, разум, сердце выходят из-под контроля. Колотит его сильно, всего подбрасывает. Это – нервы и, конечно, холод. (На планете, от которой мы прибыли, нет холода. Ну, где-то там, на полюсах. У нас мягкий и светлый климат.) Росс плохо слышит команду: «Встать! Лицом к стене!» Орут прямо в ухо, саданув дубинкой по лопатке. Кожа лопнула, печет горячая кровь, стекающая под руку. Он превращается в падлу, теряя моральный и волевой контроль над собой. Его начинают беспорядочно бить...

Страх и недоверие, а то и презрение к власти уничтожает любую святость души, искренность, духовную силу и желание трудиться не ради своего ненасытного кармана, а ради своей державы, не давая ей превращаться в Родину-уродину. «Духовные скрепы» – вот как теперь говорят. Только «скрепы» почему-то упорно сползают в гниль коррупции, с которой активно борются, но, конечно же, без конфискации имущества и простого вопроса: ты задекларировал миллионы, а на каком попроще их заимел?

Пригнали уголовников, приказывают тащить росса в камеру. Заносят и швыряют на пол. Сокамерники, те, с которыми дрался, переполнены сочувствием, переносят его на шконку, укутывают тряпьем. В глазах – жалкая растерянность, в глазах особиста – удовлетворение.

Калецтво, кровохарканье или – «кольцевой генератор». Взгляд чуть занемевший, красноречив и жесток. Изобретай, а мы прихватим и тебя, и твоё изобретение.

Через полчаса заходит врач. Постоял над россом, посмотрел на трясущийся ком.

Гиперборей хочет уйти из этого невежественного мира, рвущегося на передовые позиции.

Мира, который из кожи лезет вон, чтобы казаться лучше, чем на данный момент есть, мира, который страшится правды, не соображая, чем это обернется ему в будущем. Шулерски начинают изображать духовную силу... Да, она была, эта всепроникающая сила! Величайшая Сила Духа опрокидывает фашизм и... покрывается плесенью долларовой демократии и неравенства. Элиты рвутся к омоложению, продлению своей жизни, инженер – фу, какая быдлость, молодежь рвется в чиновники. (Карамышев, а кому изобретать и работать, кому двигать жизнь к истинному познанию? Мы, конечно, знали, что можно создать синтетические убийственные вирусы, быдлу – смерть, а элите – продлевание жизни. Но мы презрели этот людоедский принцип олигархических каннибалов, мы рождались, работали на благо всем. А у вас – особая привилегия рвущихся к всемирной власти научных достижений, доступных только им. Такой мир извращен! И такие миры во Вселенной существуют, они гнобят души, упиваясь страданием других, они упиваются своим могуществом, они уничтожают светлые цивилизации и светлых людей, но заканчивают свое существование одним и тем же: смертельной катастрофой, которую они сами же и порождают. Карамышев, мне больно, что наш бывший мир, Земля, вступила на путь этой самоубийственной катастрофы. И мы вынуждены ограждать вас от других миров и высокоактивных технологий, которые даруют счастливую и справедливую жизнь всем живущим. Всем!)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.